

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2025'4

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”

издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.

Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН)

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (заместитель главного редактора),
Е.И. Матюхова (ответственный секретарь), М.И. Строкова

Журнальная верстка:

М.А. Зарипов

Верстка web-страниц:

Е.А. Ключева, Е.М. Ломтева

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

Мнение авторов публикуемых материалов может не совпадать
с мнением редакции журнала.

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher
Federal State Budgetary Institution of Science
‘Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)’

Editor-in-Chief:
Irina Prokhorenko

Editorial Staff:
Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Deputy Editor-in-Chief),
Elizaveta Matyukhova (Executive Secretary), Marina Strokova

Layout and Design:
Mikhail Zaripov

Website Design:
Evgenia Kliueva, Elena Lomteva

Cover design:
Sergey Safonov

Contacts:
Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:
<https://afjournal.ru>

The opinion of the authors of the published materials does not necessarily coincide
with the opinion of the Editorial.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., руководитель Группы британских исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitlovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department for Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center for North American Studies, Deputy Director, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center for Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia Pacific Studies, Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal 'The World Economy and International Relations' of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of Post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group for the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the British Research Group, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector for Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department for Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Honorable Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department for Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер	10
Политическое развитие в современном научном дискурсе: категории и смыслы, критерии и ориентиры <i>Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И., Прохоренко И.Л.</i>	14
Власть городов. О политической субъектности мегаполисов <i>Бардин А.Л.</i>	25
Межпоколенческий анализ в исследовании социальной динамики <i>Садовая Е.С., Юревич М.А.</i>	36
Ценностная миграция в Россию <i>Цапенко И.П.</i>	50
Центры по вопросам миграции и развития в третьих странах как новые институты миграционной политики Германии <i>Матюхова Е.И.</i>	64
Климатическая повестка для БРИКС – альтернатива или поиск компромисса? <i>Короткова А.В.</i>	64
Перечитывая Канта: категорический императив в борьбе с изменением климата <i>Прохоренко И.Л.</i>	64

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

Political Development in Contemporary Social Sciences: Categories and Meanings, Criteria and Reference Points
Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., Prokhorenko I.L.14

The Power of Cities. On the Political Agency of Megacities
Bardin A.L.25

Intergenerational Analysis in the Study of Social Dynamics
Sadovaya E.S., Yurevich M.A.36

Value-Based Migration to Russia
Tsapenko I.P.50

Centers for Migration and Development in Third Countries as New Institutions in Migration Policy of Germany
Matiukhova E.I.64

The Climate Agenda for BRICS. Is this: An Alternative or a Compromise?
Korotkova A.V.64

Re-reading Kant: Categorical Imperative to Combat Climate Change
Prokhorenko I.L.64

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию четвертый, последний в 2025 г., выпуск журнала. Этот выпуск также, как и третий за этот год, является тематическим и посвящен проблемам общественного развития в меняющейся международной реальности. Идея тематического выпуска под названием **“Общественное развитие в условиях глобальных трансформаций: концепции и практики”** принадлежит Ирине Станиславовне Семененко, доктору политических наук, члену-корреспонденту РАН, заместителю директора по научной работе, руководителю Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, где сформировалась научная школа ИМЭМО по анализу ресурсов и практик развития, прогнозированию перспективных направлений общественных трансформаций.

В выпуске концептуализированы категории общественного и политического развития, а также политики развития в современном научном дискурсе, выявлены смыслы и ориентиры и предложены ключевые критерии политического развития; систематизированы теоретические подходы к анализу роли мегаполисов в мировых политических процессах, их материальных и нематериальных ресурсов в плане формирования модели мирового развития; с использованием межпоколенческого анализа изучены мировые тенденции в сфере занятости и предложен прогноз ее развития в условиях структурных сдвигов и дисбалансов на рынке труда; исследованы новый феномен ценностной миграции в Российскую Федерацию, ее мотивация и структура, а также государственные программы социальной поддержки таких переселенцев; дана оценка деятельности специализированных миграционных центров, учрежденных Германией в третьих странах, с точки зрения экстернализации федеральными властями регулирования международной миграции в страну; выявлены причины активизации интереса к проблемам борьбы с изменением климата в рамках БРИКС и выделены основные сферы, вызывающие наибольшую озабоченность государств-участников, предложена периодизация формирования и закрепления климатического трека в официальной документации этого межгосударственного объединения; рассмотрены возможности использования в борьбе с потеплением климата философского наследия Иммануила Канта, в частности ключевого понятия его этики “категорический императив” в плане формирования особой идентичности развития.

В предлагаемом вниманию читателя тематическом выпуске представлены исследования политологов и экономистов ИМЭМО РАН. Это сотрудники Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований – Ирина Станиславовна Семененко, руководитель Центра; Владимир Валентинович Лапкин, кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований; Владимир Игоревич Пантин, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований; Андрей Леонидович Бардин, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований; Елена Сергеевна Садовая, кандидат экономических наук, заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований; Максим Андреевич Юревич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела комплексных социально-экономических исследований; Ирина Павловна Цапенко, доктор экономических наук, руководитель сектора социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований. Также авторами статей выпуска стали сотрудники отдела международно-политических проблем – Елизавета Игоревна Матюхова, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования;

Алла Владимировна Короткова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования; Ирина Львовна Прохоренко, доктор политических наук, заведующая отделом.

В статье И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина и И.Л. Прохоренко **“Политическое развитие в современном научном дискурсе: категории и смыслы, критерии и ориентиры”** концептуализированы категории развития в сравнении со смежными понятиями эволюции, движения и динамики, общественного и политического развития и другие производные понятия развития “с прилагательными” (ответственное, догоняющее, зависимое, суверенное, устойчивое), а также политики развития на различных территориальных уровнях управления и в контексте современных мировых процессов и трансформации миропорядка. Авторы дали оценку главным теоретическим подходам к изучению общественного развития в мировой науке (модернизационному, эволюционному, ценностному, процессуальному) в условиях смены парадигмы общественного развития, подвели итоги изучения феномена и практик общественного и политического развития в ИМЭМО РАН, выстроили и визуализировали структуру понятийного ряда политического развития, предложили его основные критерии, выявили приоритеты, ориентиры и ключевых субъектов общественного и политического развития, поставили научную проблему формирования идентичности развития как ресурса развития.

В статье А.Л. Бардина **“Власть городов. О политической субъектности мегаполисов”** исследована политическая субъектность крупных городов (мегаполисов) как феномен мировых политических процессов в контексте трансформации мироустройства. Автор, специалист по политической урбанистике, имеющий ценный опыт включенного наблюдения в Российской Федерации, в частности в столичном мегаполисе, провел сравнительный анализ основных концептуальных подходов к изучению роли крупных городов в международно-политической системе, их материальных и нематериальных ресурсов и возможностей формирования или заимствования таких ресурсов, выявил потенциал и ограничения в оказании большими городами политического влияния, а также механизмы и инструменты, используемые для его реализации. Вывод автора о том, что определяет степень субъектности мегаполисов, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение с точки зрения разработки эффективной политики развития на муниципальном уровне.

В статье Е.С. Садовой и М.А. Юревича **“Межпоколенческий анализ в исследовании социальной динамики”** представлены результаты анализа и прогноза изменений на рынке труда и социальной динамики в целом с использованием поколенческого подхода в условиях трансформации мировой системы. В фокусе их внимания – молодежь как ключевая группа сферы трудовых отношений в условиях постиндустриального характера занятости, распространения платформенного труда, снижения качества рабочих мест и общей растущей неустойчивости на рынке труда именно для молодежи, депрофессионализации и ухудшения материального положения сегодняшних молодых людей, несмотря на их более высокий уровень образования по сравнению с предыдущими поколениями. Авторы-экономисты изучают в том числе социально-политические тренды и последствия структурных дисбалансов в сфере занятости для молодого поколения, в том числе рост социального иждивенчества и одновременно социальной аномии, а также феномен *NEET*-молодежи, делая вывод о том, что поиск механизмов адаптации молодых людей к переменам и создание позитивного образа будущего фактически становятся обязательным условием выживания общества в условиях разворачивающегося системного кризиса.

В работе И.П. Цапенко **“Ценностная миграция в Россию”** изучен новый миграционный феномен – переселение в Российскую Федерацию жителей западных стран, чьей мотивацией к переезду стали неприятие навязываемых там деструктивных леволиберальных идеологических установок и стремление сохранить традиционные духовно-нравственные ценности. Автор анализирует масштабы, динамику и качественную структуру этого миграционного потока и делает вывод о том, что такой тип миграции, как никакой другой, отвечает интересам принимающего общества. Помимо того, что данный миграционный процесс способствует смягчению остроты демографических проблем, ослаблению дефицита рабочей силы и вносит вклад в экономическое развитие страны, он содействует в том числе укреплению российской гражданской нации и формированию позитивного международного образа России. Автором

рассмотрены действующие меры поддержки таких ценностных мигрантов и предложены практические рекомендации по обеспечению переезда в страну гораздо большего числа желающих и по содействию их более быстрой и легкой интеграции в принимающее общество.

Проблемам миграции посвящено также исследование Е.И. Матюховой **“Центры по вопросам миграции и развития в третьих странах как новые институты миграционной политики Германии”**. Автор оценила национальные практики ФРГ как государства – члена Европейского союза по экстернализации процесса регулирования международной миграции в попытке ответить на вызовы нелегальной миграции и “миграционного давления” из третьих стран, пусть и в условиях старения местного населения и дефицита квалифицированных кадров. Подобные практики сложились и на уровне ЕС, однако федеральные власти Германии сочли необходимым разработать собственные инструменты для решения непосредственно национальных проблем в миграционной сфере, учреждая специализированные центры за пределами Евросоюза по вопросам миграции и развития с целью регулирования миграционных потоков – в Европе, в Северной и Западной Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Как выяснила автор, такие центры работают как многофункциональные платформы, но ориентированы в первую очередь на индивидуальные консультации, призваны расширить легальные и сократить нелегальные маршруты миграции, а также поддерживать репатриантов в их реинтеграции.

В статье А.В. Коротковой **“Климатическая повестка для БРИКС – альтернатива или поиск компромисса?”** исследуются причины роста интереса к решению глобальной проблемы изменения климата в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Изучив климатические инициативы БРИКС и соответствующие документы и материалы его саммитов, автор предложила периодизацию формирования и закрепления климатического направления в деятельности объединения. Отвечая на поставленный исследовательский вопрос о том, можно ли считать этот климатический курс БРИКС дополняющим либо альтернативным официальному международному режиму климатического регулирования под эгидой ООН, определенному рамками Парижского соглашения по климату, автор делает вывод, что на данном этапе БРИКС не вступает в конфликт с международным климатическим курсом, не выдвигает принципиальных альтернатив, однако страны-участницы требуют учета страновых особенностей и потребностей, создания справедливых равных условий энергетического перехода в существующих международных реалиях.

В основу статьи И.Л. Прохоренко **“Перечитывая Канта: категорический императив в борьбе с изменением климата”** легло выступление автора в апреле 2024 г. на тему “Категорический императив Канта и проблема управляемости в международных делах” на международном Кантовском конгрессе в Калининграде. Специальная научно-экспертная сессия “Наследие Иммануила Канта для современных международных отношений” прошла в рамках международной дискуссионной площадки “Балтийская платформа”, созданной по инициативе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН и МГИМО МИД России. Рассматривая роль кантовской этики и понятия “категорический императив” как ее стрелкового элемента в развитии науки о международных отношениях, автор оценила потенциал использования данного философского понятия в коллективных усилиях международного сообщества по решению глобальных проблем в логике разработанных в ИМЭМО РАН категорий ответственного разития и идентичности развития.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты нашего издания! Редакция журнала поздравляет вас с новогодними праздниками! Интересных статей, встреч с новыми авторами, здоровья, успехов, хорошего настроения в новом году, всего самого доброго.

Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИИ И СМЫСЛЫ, КРИТЕРИИ И ОРИЕНТИРЫ

© СЕМЕНЕНКО И.С., ЛАПКИН В.В., ПАНТИН В.И.,
ПРОХОРЕНКО И.Л., 2025

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе (semenenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2529-9283

ЛАПКИН Владимир Валентинович, кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований Центра социально-экономических и социально-политических изменений, первый заместитель главного редактора журнала "Полис. Политические исследования" (vvlh2020@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0775-2630

ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований (v.pantin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-4218-4579

ПРОХОРЕНКО Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем (irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И., Прохоренко И.Л. Политическое развитие в современном научном дискурсе: категории и смыслы, критерии и ориентиры. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 4, сс. 13-33. DOI: 10.20542/afij-2025-4-13-33 EDN: JHXRSI

DOI: 10.20542/afij-2025-4-13-33

EDN: JHXRSI

УДК: 32+316.4

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 23.01.2025.

После доработки 29.11.2025.

Принята к публикации 08.12.2025.

Целью статьи стала концептуализация политического развития как категории анализа социальной реальности в современном научном дискурсе в условиях, когда многие подходы оказались неадекватны задаче осмысления происходящих изменений системного характера на уровнях государства, общества и мира в целом. Авторы систематизировали достижения научной школы ИМЭМО РАН в изучении перемен в общественной и, в частности, политической сферах с применением системного и идентитарного подходов. В работе осуществлена типологизация основных методологических подходов, используемых при исследовании и концептуальном анализе политического развития; дана оценка прогностических возможностей этих подходов применительно к исследованию политического развития в условиях глобальных трансформаций; выстроена и визуализирована структура понятийного ряда общественного и политического развития, предложено сфокусировать исследовательские усилия на прояснении содержательных и дискурсивных оснований центрального концепта статьи и производных понятий (развитие

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

“с прилагательными”: ответственное, догоняющее, зависимое, суверенное, устойчивое); проводится различие политического развития и политической динамики. Авторы предлагают научные критерии оценки соответствия изменений, происходящих в рамках того или иного политического сообщества, целям и перспективам политического развития. Аргументирован выбор основных критериев политического развития, в их числе, во-первых, способность политических институтов адаптироваться к общественному запросу на обеспечение безопасности, управляемости и свободного развития личности; во-вторых, способность политической элиты и политических лидеров адекватно и своевременно оценивать возникающие риски и вызовы, просчитывать не только краткосрочные, но и долговременные последствия принимаемых решений; наконец, в-третьих, состояние и перспективы общественной консолидации для преодоления угрожающих целостности общества и государства внутренних расколов и для достижения экономического, финансового, технологического, культурного суверенитета как приоритета политического развития. В контексте концептуализации общественного развития была пересмотрена категория “политика развития”, позволяющая обозначить его горизонты, приоритеты и альтернативы, выявить субъектов и акторов такой политики. Были определены внутренние и внешние политические факторы и управленческие технологии, задающие траектории социально-экономического развития, поставлен вопрос о формировании идентичности развития как его ресурсе.

Ключевые слова: общественное развитие, политическое развитие, критерии политического развития, политика развития, устойчивое развитие, суверенное развитие, ответственное развитие, мировое развитие, ресурсы развития, субъекты и акторы развития, идентичность развития.

Вклад авторов:

Семененко И.С. – концепция статьи, участие в написании Введения, основной вклад в написание разделов “Критерии политического развития и приоритеты политики развития”, “Субъекты и акторы политики развития”, “Вместо заключения”, совместно с В.В. Лапкиным – рисунок “Политическое развитие. Структура понятийного ряда”; Лапкин В.В. – участие в написании Введения, основной вклад в написание раздела “Политическая динамика и системность политического развития”, совместно с И.С. Семененко – рисунок “Политическое развитие. Структура понятийного ряда”; Пантин В.И. – раздел «Политическое развитие “с прилагательными”», участие в написании раздела “Критерии политического развития и приоритеты политики развития”; Прохоренко И.Л. – аннотация, раздел “Мировое развитие: проблемы концептуализации”, редактирование статьи, оформление текста статьи в соответствии с требованиями журнала.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

**POLITICAL DEVELOPMENT IN CONTEMPORARY
SOCIAL SCIENCES: CATEGORIES AND MEANINGS,
CRITERIA AND REFERENCE POINTS**

Original article

Received 23.01.2025. Revised 29.11.2025. Accepted 08.12.2025.

Irina S. SEMENENKO (semenenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2529-9283,
Vladimir V. LAPKIN (vvlh2020@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0775-2630,
Vladimir I. PANTIN (v.pantin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-4218-4579,

Irina L. PROKHORENKO (irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article aims to conceptualize political development as a category of social analysis in contemporary scientific discourse, where many widespread approaches have proved to be inadequate for understanding the ongoing systemic changes at the level of the state, society and the world order. The authors present systemic approaches in studying changes in the public sphere with special attention to social and political transformations and identity research promoted by IMEMO scholars. The paper offers a typology of the main methodological approaches used in the conceptual analysis of political development, and assesses the prognostic possibilities of these approaches for the study of political development in the context of global transformations; a framework for concepts relating to political development is elaborated and presented in visual form. Research efforts are focused on clarifying the substantive and discursive basis of the central concept of the article and derived notions relating to it (development 'with adjectives': responsible, dependent, catch-up, sovereign, sustainable), and a distinction between political development and political dynamics is drawn on the basis of this analysis. The authors substantiate the criteria for assessing the conformity of changes within a political community with the objectives and prospects of political development. These include a) the ability of political institutions to adapt to public demand so as to ensure security, manageability and individual development; b) the ability of political elites and political leaders to assess emerging risks and challenges and to calculate not only short-term but also long-term consequences of decisions taken; c) finally, the prospects of societal consolidation to overcome the internal divisions threatening the integrity of both society and state and to achieve economic, financial, technological and cultural sovereignty as a political development priority. 'Politics of development' is a key element of the framework for analyzing social and political changes: this concept is reconsidered to identify its horizons, priorities and alternatives in a broad political context, and to detect internal and external political factors and management technologies, determining trajectories of social and economic transformations. An important resource for promoting the relevant political agenda are identities oriented on development.

Keywords: social (societal) development, political development, criteria of political development, politics of development, sustainable development, sovereign development, responsible development, international development, development resources, actors of development, identity oriented on development.

About the authors:

Irina S. SEMENENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Centre, Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Deputy Director.

Vladimir V. LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Sector for Analysis of Political Change and Identity, Department for Comparative Political Studies, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies; First Deputy Editor-in-Chief, 'Polis. Political Studies' Journal.

Vladimir I. PANTIN, Doct. Sci. (Philosoph.), Head of Department, Department for Comparative Political Studies, Comparative Socio-Economical and Political Studies.

Irina L. PROKHORENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of Department, Department for International Political Problems.

Authors' contribution:

Semenenko I.S. – concept of the article, participating in the writing of 'Introduction', major contribution in the writing of the sections 'Political Development Criteria and Development Policy Priorities', 'Actors and Agents of Development Policy', 'In Lieu of Conclusion', together with V.V. Lapkin– Figure 'Political Development. Concept Range Structure';

Lapkin V.V. – participating in the writing of 'Introduction', major contribution in the writing of the section 'Political Dynamics and Political Development Consistency', together with I.S. Semenenko – Figure 'Political Development. Concept Range Structure';

Pantin V.I. – section 'Political Development with Adjectives', participating in the writing of the section 'Political Development Criteria and Development Policy Priorities';

Prokhorenko I.L. – abstract, section ‘World Development: Problems of Conceptualization’, editing of the article, article text design according to the requirements of the journal.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., Prokhorenko I.L. Political Development in Contemporary Social Sciences: Categories and Meanings, Criteria and Reference Points. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 13-33. DOI: 10.20542/afj2025-4-13-33 EDN: JHXRSI

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в условиях глобальных сдвигов и системных изменений в структуре миропорядка, в идейных ориентирах, в управленческих приоритетах и в массовом сознании, авторы, уже давно разрабатывающие тематику общественного развития, возвращаются к осмыслению политического развития как категории анализа современной социальной реальности. Мы предполагаем максимально глубокое погружение в содержательные и дискурсивные основания (не составляющие, а именно основания) данного концепта, оставляя за рамками этой дискуссионной статьи – плода наших многолетних изысканий, – подробный обзор необъятного исследовательского поля.

Пик теоретико-методологических поисков по тематике развития в социально-политическом измерении пришелся, как известно, на 1960–1980-е годы. Исследования шли тогда в русле теорий модернизации (позднее – транзитологии), институциональной теории, зависимого развития и “девелопментализма” (*developmentalism*). Задачу обобщения источников и их критического переосмысления решали и на том этапе (на рубеже XX–XXI вв.) блестяще решили мэтры социальных наук. С их трудами заинтересованный читатель наверняка знаком: это и капитальные монографии, написанные авторитетными российскими авторами (например, [1]), и широко известные и переведенные на русский язык фундаментальные работы зарубежных ученых [2; 3]. Однако по сравнению с периодом 1960–1980-х годов (и даже последующих трех десятилетий вплоть до начала XXI в.) социально-политическая ситуация в мире радикально изменилась. Глубоко укоренившиеся тогда в научном и публичном дискурсах идеи “девелопментализма” – трактовки развития как экономического роста и сосредоточении на политических механизмах и инструментах стимулирования экономики – не выдержали проверки временем. Потребность в переосмыслении содержательных оснований политического развития напрямую связана поэтому с адаптацией данной аналитической категории к современным условиям глобальной нестабильности, появлением новых политических субъектов и акторов и новых форм их взаимодействия.

Еще на рубеже XXI в. в трудах исследователей политических изменений было замечено, что в политическом плане “все системы, к какому бы типу они не относились, демонстрируют несовпадение намерений и реальных результатов” [3, с. 279], поставленных ключевыми политическими игроками целей и итоговых достижений, хотя “при любой политической системе люди продолжают надеяться на такую государственную политику, которая принесет им больше прав, экономическое изобилие и обеспечит развитие личности” [3, с. 280]. Такие ожидания присущи и современной эпохе перманентного кризиса и растущей неопределенности, связанной с эскалацией международно-политической конфликтности и непредсказуемыми последствиями для человека и общества новейших технологических прорывов. Это обстоятельство дополнительно актуализирует задачу осмысления содержательных характеристик политического развития в новых условиях высокой динамичности общественных процессов и влияния на них таких многозначных факторов, как цифровизация и инновационные технологии. Исследовательскими

приоритетами становятся анализ альтернатив и разработка научных критериев оценки соответствия изменений, происходящих в рамках того или иного политического сообщества, целям и перспективам политического развития.

Очевидно, что критерии такого соответствия во многом определяются избранным аналитическим масштабом, тем системным видением политического процесса, в рамках которого рассматривается вопрос о развитии. Так, развитие с позиций национального сообщества не всегда и не во всех аспектах соответствует развитию с позиций сообщества мирового, а развитие человека – развитию институтов. Понятие развития маркирует любые процессы, описываемые в формате поступательной и непрерывной смены состояний, а также с учетом очевидных последствий тех изменений, которые они приносят. Утверждение процессуальности как сущностной характеристики социального анализа (в противовес фиксации реперных, переломных состояний) стало *condicio sine qua non* современного социального знания.

Очевидно и то, что категория развития, будь то общественного (социального), политического или сопряженных с ними измерений с относительными прилагательными (экономического, технологического, экологического, городского, территориального и др.), стала неотъемлемой частью лексикона социальных наук, но используют ее для обозначения изменений разной природы. Такое широкое и размытое словоупотребление не лучшим образом сказывается на анализе происходящих перемен, влекущих за собой появление новых принципов, механизмов и траекторий общественного развития. В условиях глобальных трансформаций само наличие универсального образца, модели или ориентира развития закономерно оспаривается. Появляются новые ориентиры и направления развития, и насущной потребностью становится приведение категориального аппарата политической науки в возможно более полное соответствие с многомерной реальностью сложного общества.

Происходящая смена парадигмы общественного развития обуславливает в качестве системного вызова для политической науки требование более глубокого понимания политического развития как аналитической категории, а также прояснения принципов и критериев различения развития и иных форм политических изменений. Мы исходим из назревшей потребности предложить ответ на этот вызов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И СИСТЕМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В общественно-политических, политико-философских и политологических научных дискурсах можно наблюдать не только разногласия и связанную с этим терминологическую, понятийную и смысловую путаницу в представлениях о политическом развитии и инструментальном освоении этого концепта, но и принципиально различные, порой полярные подходы к его трактовке. Обозначим не претендующий на полноту перечень таких подходов.

1) **Подход модернизационный** рассматривает политическое развитие как необходимый элемент всесторонней, общемировой и многовековой трансформации в направлении “современного” общества с преимущественно универсальными нормами, ценностями, культурными паттернами и институтами [4; 5; 6]. Политическое развитие характеризуется как ростом вовлеченности граждан и их готовности “принять универсалистские нормы”, так и повышением способности политической системы обеспечивать управляемость и реагировать на общественные запросы, преодолевая частные особенности политической культуры его субъектов [7, р. 13]. Освоение современных универсалистских практик и форм определяет критерии политического развития, а также меру успешности той или иной конкретной стратегии с позиций, заданных рамками этой парадигмы. Свое законченное воплощение этот подход обретает в глобалистском идеале, а его практическое воплощение последовательно раскрывает как ограничения такого типа политического развития, так и безусловность отнесения трансформации такого рода к процессам развития.

2) **Подход эволюционный** фокусирует внимание на процессах порождения политического и на составляющих основу политики системных, институциональных, культурно-поведенческих моделях развития, а также на общественно-политических практиках целеполагания и целедостижения. Политическое развитие представляется в рамках этого подхода селективным и целесообразным отбором созидательных инноваций, выводящим политическую систему на уровень, который позволяет властям эффективно управлять общественными отношениями. Отметим, что введение критерия “позитивности” предполагает своеобразную синергию данного подхода с ценностным и процессуальным, обозначенными ниже.

3) В русле **ценностного подхода** политическое развитие рассматривается в соотнесенности с тем, насколько успешно политические акторы продвигают те или иные ценностные проекты и конструкты в политическую повестку, облекая их в соответствующие институты и практики (такие как демократизация, модернизация, инклюзивность, толерантность, “зеленая” повестка и пр.). Политическая составляющая развития в рамках этого подхода в значительной и возрастающей со временем степени вытесняется прогрессирующей идеологизацией повестки развития общества, а сами практики развития фактически подменяются практиками воспроизводства образцов (институциональных, нормативных, поведенческих, ценностных), вмененных внешним властным принуждением.

4) В рамках **процессуального подхода** в первую очередь проблематизируются различия между политическим развитием и политической динамикой (а также политическими изменениями в самом широком смысле). Демаркация грани, за которой политические изменения и политическая динамика переходят в развитие, оказывается серьезной, порою неразрешимой проблемой. Этот подход на настоящий момент наименее разработан, а имеющееся продвижение носит в целом несколько абстрактный характер (см., например, [8]), в недостаточной степени сопрягаемый, как становится ясно сегодня, с потребностями политического анализа.

Для выделенных выше подходов характерно принципиально различное содержательное наполнение концепта политического развития. Так, модернизационному подходу отвечает трактовка развития как движения к некой идеальной цели, к совершенному во всех отношениях **современному обществу** (само содержательное наполнение этого идеала на всем протяжении эпохи модерна постоянно дополнялось и корректировалось). Но кризис проекта модерна поставил под вопрос весь соответствующий дискурс политического развития. Прежде безусловные цели развития стали стремительно размываться и девальвироваться, провоцируя разнообразные культурные и ценностные “отмены” и порождая соответствующие политические практики. Само представление о политическом развитии в рамках этого дискурса уже не претендует на формирование и продвижение универсальных образцов. Сегодня оно тяготеет к партикулярности в рамках растущего разнообразия моделей и приоритетов и с учетом цивилизационной многомерности современного мира, активно заявляющей о себе в публичном и в научном дискурсах.

Эволюционный подход к развитию характерен для политико-философского дискурса, но вместе с тем во многом смыкается с более широким парадигмальным пространством политической процессуальности. В его рамках применяются разнообразные модели политического процесса, в том числе модели жизненного, воспроизводственного или эволюционного циклов [9, с. 63; 10, сс. 23, 39]. Для прояснения категории развития используется либо ориентация на предустановленную цель (выведение политической системы на некий новый уровень, ее переход в качественно более совершенное состояние), либо концентрация внимания на принципиальных развилках (или “точках перелома” (см., например, [11, сс. 33-34]) на траектории политического развития. При этом как критерии совершенства политической системы, так и критерии выбора направлений дальнейшего движения системы по прохождении ею очередной “развилки” остаются, как правило, за рамками исследования. Вместе с тем именно концептуализация “переходов на новый уровень” на поворотных участках траектории политического развития формирует в рамках этого подхода представление о самом развитии, по сути – **определяет** его, а также задает критерии оценки эффективности соответствующих управленческих практик.

Ценностный подход к пониманию и проектированию политического развития во многом наследует модернизационному. Особенно широкое распространение он получил (и получает) в условиях кризиса модерна, доходя до явных признаков его “отмены”. Если вплоть до рубежей XXI в. политическое развитие консенсусно трактовалось его адептами (Л. Пай, С. Верба и др.) как развитие демократическое, то сегодня ввиду происходящей “ценностной революции” оно представляется как либеральный (и даже либертарианский) вызов традиционным паттернам общественно-политического развития: демократическому правопорядку, свободному выражению мнений, свободе предпринимательства, неприкосновенности частной собственности, суверенитету национально-территориального государства. В условиях нынешней глобальной трансформации институционализация наиболее актуальных ценностных новаций еще не завершена, но многие характерные для этого подхода политические практики уже утвердились в общественной жизни. В трактовке ключевых факторов политического развития основной акцент делается на дифференциацию крупных сообществ и ее “продукт” – атомизированного индивида как агента развития, на сетевые формы организации политических действий и мобилизации их участников, включая и сетевое распространение массовых протестных идеологий. А само развитие в ущерб своему фундаментальному, базовому смыслу теряет самоценное значение, оказываясь функцией ценностной повестки.

Наконец, процессуальный подход акцентирует внимание на вопросах концептуального соотнесения (как сопряжения, так и дифференциации) спектра понятий, характеризующих процессуальность политики в формах изменения–движения–динамики–эволюции–развития. Наибольшую сложность представляет при этом различие политической динамики и политического развития. Потребность в прояснении смысловых особенностей политического развития как центрального для анализа и прогнозирования перспектив общественных трансформаций концепта делает необходимым обращение к сущностным основаниям этого понятия. Это поможет, как мы полагаем, выявить противоречия и трудности, возникающие при попытках совершенствования практик работы с концептом развития в поле политических исследований.

Развитие, прежде всего, есть **особый вид движения** (особый динамический феномен, процесс), критерии выделения которого предполагают наличие системности и субъектности как важнейших характеристик, позволяющих надежно идентифицировать этот особый вид движения. Развитие – это всегда атрибут сложной системы (социальной, экономической, политической, правовой, культурной, личностной), обладающей определенным субъектным потенциалом, то есть способностью к производству нового, ранее для системы не характерного и не прогнозируемого методами линейной экстраполяции уже наметившихся тенденций ее изменения. И если первый критерий (системность) позволяет использовать при изучении общественного развития методы системного анализа, отработанные в дисциплинарных областях естествознания, то второй (субъектность) – требует строгой и последовательной демаркации тех дисциплинарных областей (относящихся прежде всего к изучению общества и человека), в рамках которых исследователь обнаруживает феномен развития.

Обращение к проблеме общественного развития сразу с большой определенностью обозначает и ограничивает область изучаемых явлений: это сфера деятельности человека в его индивидуальной и общественной ипостасях. Фактически, как уже было отмечено выше, только в пределах этой сферы и обнаруживаются признаки развития и особые, способные к развитию сущности (как правило, воображаемые, по Б. Андерсону). Поэтому всякое дальнейшее упоминание развития будет отсылать к развитию общественному (или политическому как составной его части).

Помимо универсальных критериев, позволяющих идентифицировать развитие в ряду иных изменений, важное значение имеют критерии успешности развития, того, насколько эффективно продвигается в ходе трансформаций та или иная система. Эти критерии отнюдь не универсальны и определяются целеполаганием самой системы; иными словами, они субъективны и используют в качестве своего обоснования системные ценностные

приоритеты. Они различны у систем социальных, экономических, политических, культурных и личностных. Для того, чтобы проблематизировать цели и эффективность продвижения по пути развития, необходимо определиться с аналитическим ракурсом исследователя.

Возможен взгляд на систему со стороны, “выход из системы” и переход на “гиперсистемные” аналитические позиции, с коих анализируемая система предстает всего лишь одним из возможных вариантов организации такого рода объектов. В этом случае “гиперсистемное” пространство, в которое включены рассматриваемые развивающиеся системы, в большей или меньшей степени определяет ход и критерии развития этих систем (например, коллизии развития мировой системы национально-территориальных государств чрезвычайно чувствительно влияют на их внутривнутриполитическую динамику). Иной взгляд предполагает в качестве исходной исследовательской позиции уникальную для каждого кейса ценностную шкалу и, соответственно, процедуру оценки успешности развития строго в режиме аутентичной саморефлексии. Исследователю необходимо определиться, какой из этих двух ракурсов соответствует его задаче, из какого понимания развития он исходит (или же, обращаясь к этимологии, какой длины и содержательной насыщенности “свиток” он намерен разворачивать, “развивать”).

Проблемы изучения общественного (и политического, в частности) развития с необходимостью требуют использования представлений и инструментария системного подхода к соответствующим объектам, изменение которых трактуется как развитие. Сами объекты исследования идентифицируются как обладающие принципиальной особенностью – способностью быть субъектами собственных трансформаций. Иными словами, если исследователем установлено, что какой-то объект развивается, то этому объекту приписано обладание субъектностью. К таким парадоксальным объектам, наделенным субъектным потенциалом, то есть к системам, способным к развитию (включая, в определенной мере априорно, большинство современных общественных и политических систем), применимы методологические наработки исследования сложных систем, полученные в дисциплинарных областях естественных наук.

С этим бэкграундом из области естествознания связана основная методологическая сложность различения понятий *политической динамики* и *политического развития*. Операциональные модели стандартно описывают всякое движение и всякие динамические феномены не иначе как путем их аналитического разъятия на отдельные статические элементы (события, состояния), как бы пошаговые стадии процесса. Процесс приращения сложности и новых качеств развивающейся системы сводится к описанию последовательного перехода от одного фиксируемого при ее анализе статического состояния к другому. Природа собственно процессуальности (процесса изменений) выпадает при этом из сферы исследовательского интереса. Парадоксальные следствия такого подхода зафиксированы еще в апориях Зенона о движении (которое-де невозможно представить иначе как совокупность бесконечного числа неподвижных точек-моментов, “здесь и сейчас”). А также – в многочисленных философских штудиях, постулирующих единственный доступный человеку способ изучения изменений – посредством их аналитического препарирования. Зыбкость оснований такой логики многократно, начиная с Аристотеля, подвергалась деконструирующему ее анализу. Тем не менее очевидны как серьезный резон, так и суть (целеполагание) такого способа моделирования изменений – элиминация необратимо истекающего потока времени, что только и дает возможность описать движение инструментарием классической математической физики.

Но даже если дистанцироваться от использования физикалистских подходов, малопродуктивных применительно к сфере политики, схожие принципы сохраняют свою эффективность при описании развивающихся систем. Так, всякое усложнение системы – это наращивание архитектуры структурно-функциональных связей между ее элементами, а также между ее интерфейсом и окружающей средой. Каждая такая связь предполагает определенного рода информационный и материальный обмен, а также прирост действенного потенциала (ресурсной мощи, дающей возможности осуществлять изменения как внутри, так и вовне), а это в свою очередь способствует приросту материальных и информационных ресурсов системы. Подобно тому, как любые конденсированные среды запасают энергию связи своих элементов, так же и общественные системы накапливают

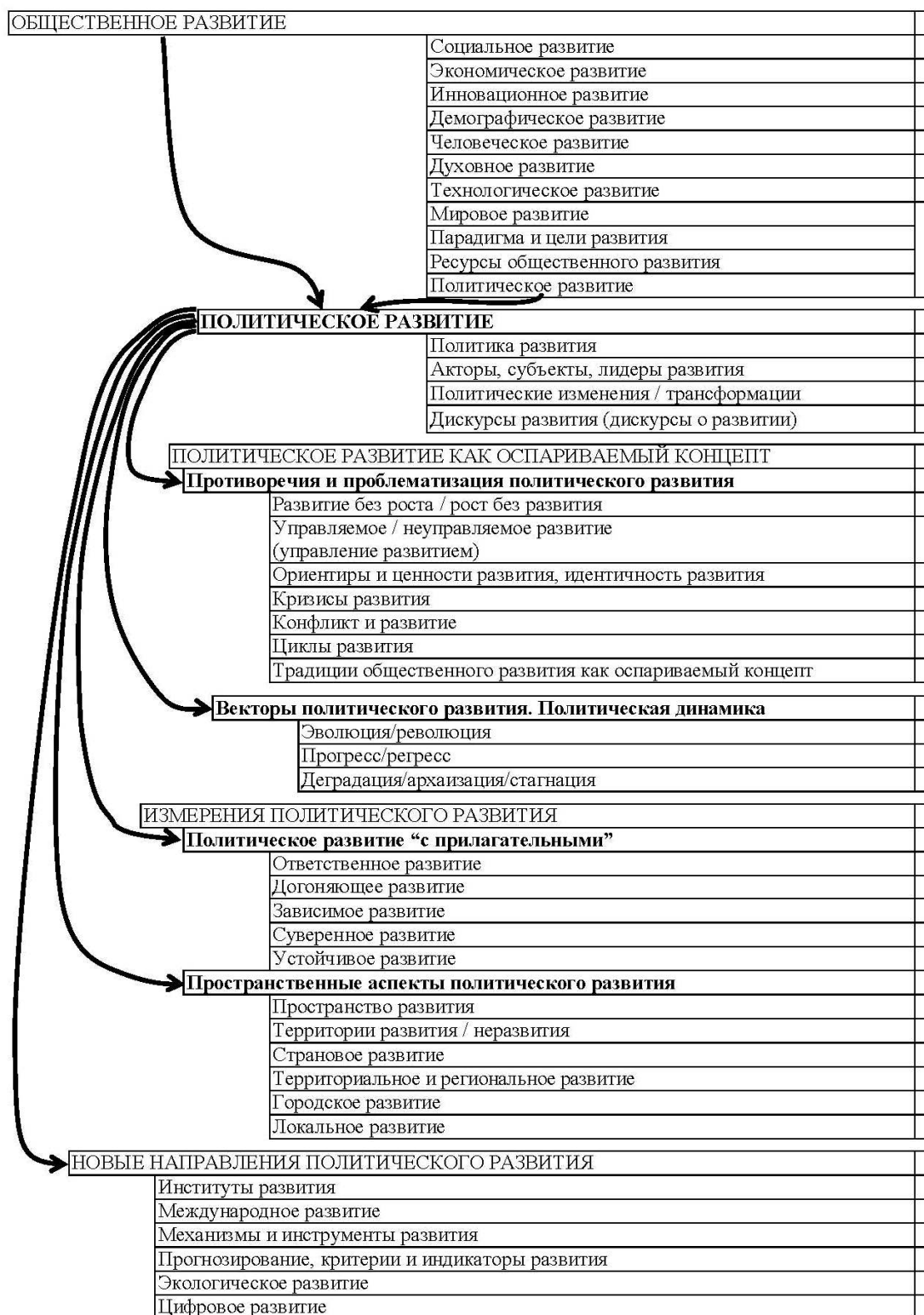
потенциал социального действия по мере усложнения и интеграции составляющих их элементов, циркуляции взаимных ресурсных обменов и соответствующего расширения многообразия социальных взаимодействий. Этот потенциал реализуется с помощью инструментария политического целедостижения.

Доступная человечеству эмпирика указывает на то, что все развивающиеся системы пребывают в рамках больших совокупностей, формируя сложные и многоуровневые ансамбли, в которых кооперация, а зачастую и симбиоз, сочетаются с ожесточенной и бескомпромиссной конкуренцией. При этом важнейшим эволюционно возникшим качеством большинства таких систем является **рефлексивность**. На этой основе появляется возможность обмениваться **сигналами** друг с другом и вырабатывать условные коды для эффективного усвоения полезных сигналов извне. Смысл сигналов оказывается труднораспознаваемым для носителей потенциальной угрозы, но понятным для участников кооперативного взаимодействия и способствующим организации сложных суперсистем, системных конгломератов. Тем самым формируется пространство взаимодействия – зародыш того, что в развитом состоянии именуется **общением** и что лежит в основе феномена **общества, сообщества**.

Эволюция общества дает исследователю самые сложные, но вместе с тем и самые полные по своему содержанию образцы развития и примеры соответствующих развивающихся систем. Тем самым именно в рамках методологии социальных наук и политической науки – в частности, обнаруживаются наиболее зрелые потребности, а вместе с тем и возможности концептуализации развития, равно как и сопряженных с развитием и сильно “нагруженных” социальным контекстом понятий прогресса, революции и эволюции.

Структуру понятийного ряда, обрисовывающего контуры современной дискуссии об общественном развитии и его политическом измерении, можно представить в виде рисунка.

Рисунок 1. Политическое развитие. Структура понятийного ряда
Figure 1. Political Development. Concept Range Structure

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ “С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ”

В дискуссиях об измерениях политического развития центральное место занимают сегодня трактовки развития “с прилагательными”. Именно они претендуют на отражение качества развития и его векторов. В современных политических, научных и экспертных дискуссиях доминирует концепция **устойчивого развития**, которая рассматривается как универсальный ориентир для обществ с разными экономическими показателями и социальными характеристиками. Эта концепция была сформулирована в 1980-е годы под эгидой ООН (комиссии Брундтланд, 1983–1988) и получила признание по итогам разработки системы показателей (сначала Целей тысячелетия, затем – Целей устойчивого развития, ЦУР), соотносящих экономическое, социальное и экологическое измерения развития. Формула устойчивого развития и положенные в основу реализации этой идеи концепты (корпоративная социальная ответственность бизнеса, корпоративное гражданство, сбалансированное развитие экологии, общества и управления (*Environmental, Social and Governance, ESG*), “капитализм стейкхолдеров”, “экономика благополучия”, “общество участия” и др.) отразили поиски адекватных растущим рискам мирового развития оснований для формирования системы глобального управления. Ключевой посыл устойчивого развития – “удовлетворение потребностей современных поколений без причинения ущерба возможностям будущих поколений удовлетворять собственные потребности” – оказался привлекательным в условиях роста экологического алармизма, социальных дисбалансов и дефицита ресурсов жизнеобеспечения. При этом приоритеты устойчивого развития продвигались под эгидой западных ценностей и установок с растущим перевесом “зеленой” составляющей. Эта повестка целенаправленно политизировалась, заметно расходясь с приоритетами политического развития незападного мира.

Векторы политического развития описываются целым рядом качественных прилагательных, указывающих на те или иные характеристики процесса развития – его темпы, закономерности, приоритеты. Расширение этого понятийного ряда связано с разночтениями самого понятия политического развития. Такие смысловые расхождения усугубились во второй половине прошлого века, в период появления на карте мира новых национально-территориальных государств.

В контексте сравнительного анализа категория политического развития может описывать направления развития незападных стран, строящих национальное государство на основе преодоления имперского наследия [12, р. 64]. На постимперской волне в этом поле укоренились парадигмы зависимого и догоняющего развития. Так, **зависимое развитие** описывает траекторию интеграции отставших обществ в мировую рыночную систему на условиях ее ведущих акторов. Такая интеграция неизбежно сопровождается внутренними кризисами и потрясениями, порождающими социальные издержки, диспропорции в развитии территорий, политическую нестабильность, “утечку мозгов”, ярко выраженное социальное расслоение (такие тенденции были характерны для ведущих стран Латинской Америки, а также ряда государств Африки во второй половине XX в. и отчасти сохраняются сегодня).

Догоняющее развитие представляет собой экономическую и социально-политическую стратегию, направленную на ускоренное преодоление отставания того или иного государства от показателей передовых в данную эпоху стран. Такое развитие связано с проведением политики, направленной на широкое участие государства в экономике и других сферах жизни общества, которое позволяет обеспечить концентрацию и мобилизацию человеческих и природных ресурсов на ключевых направлениях общественных трансформаций, что необходимо для ускоренного преодоления отставания и радикального изменения общества (например, форсированного перехода от аграрного общества к индустриальному или к информационному обществу с высокотехнологичными секторами экономики). Основной посыл догоняющего развития как теоретического концепта и как реальной практики состоит в том, что оно ориентировано на достижение определенного, заданного в данных исторических условиях “образца” передовой страны и передового общества. Но за то время, пока отставшая страна достигает поставленной цели (“образца”) развития, более передовые или вырвавшиеся вперед

страны, как правило, продолжают идти вперед, причем сами критерии и формы развития могут существенно измениться. На его характер существенное влияние оказывают изменившиеся международные условия, а также ценности общества, которое идет по этому пути до той развилки, когда ценностный выбор определяет путь зависимости или утверждения своего суверенитета.

Суверенное развитие означает независимое в экономическом, социально-политическом и культурном отношении развитие общества и государства, которое дает возможность адекватно отвечать на внутренние и внешние вызовы в интересах большинства общества, достигать заявленных стратегических целей независимо от внешнего экономического, информационного, политического и военного давления. Популярны в 1990-е и в начале 2000-х годов концепции исчезновения и деградации государства и государственного суверенитета (см., например, [13]) в условиях появления у государства новых функций, обострения проблем безопасности и международных конфликтов оказались во многом неадекватными происходящим в настоящее время процессам. Поэтому в научной литературе и в политической практике возрождается интерес к переосмыслению функционала государства [14; 15; 16]. Актуализируется дискуссия вокруг понимания государственного суверенитета, выходящая за привычные рамки его политико-правовых оснований, вокруг оценки возможностей и ограничений суверенного политического развития, в том числе перед лицом вызовов государству, порождаемых экстратерриториальными игроками на политическом поле [17]. Однако сам концепт суверенного развития пока не получил широкого распространения в научной литературе, что объясняется как сложностью трактовки суверенитета и суверенного развития в условиях глобализации, формирования наднациональных интеграционных объединений и широкого распространения цифровых технологий [18; 19], так и сохраняющейся зависимостью молодых национально-территориальных государств от узкого круга бывших метрополий, от международных финансовых институтов и транснациональных корпораций.

В современном научном и политическом дискурсе используются представления о разных составляющих суверенитета – политическом, технологическом, экономическом, информационном, культурном. Полноценный суверенитет может быть достигнут лишь в том случае, если политика развития ориентируется на достижение каждой из этих составляющих суверенитета. Для перехода к суверенному развитию необходимо выполнение ряда условий. От общества и его элиты требуется достижение высокого уровня зрелости и ответственности. Суверенное развитие невозможно без ответственного, взвешенного отношения элиты, политических лидеров и массовых социальных групп к развитию страны, без их способности эффективно регулировать возникающие противоречия и конфликты, в полной мере учитывать фундаментальные и долгосрочные национальные интересы. В условиях глобальной нестабильности, связанной с происходящим в первой половине XXI в. изменением мирового порядка, проведение политики суверенного развития в разных сферах требует непрерывного поиска новых решений, соответствующих быстро меняющейся реальности, поскольку прежние, еще недавно эффективные решения уже не отвечают новым вызовам [20; 21]. Принципиально важным условием политики суверенного развития является также научно обоснованный анализ и прогноз внутренних и международных процессов. Для этого, в частности, необходимы налаженные прямые и обратные связи между экспертно-аналитическими центрами и представителями политической элиты.

В этой связи тесно взаимосвязаны и переплетены концепты и практики суверенного развития и **ответственного развития**, одно не может быть реализовано без другого. Ответственное развитие предполагает необходимость для успешного развития государства и общества обращения к нематериальным, возобновляемым ресурсам развития, ответственного отношения политической элиты и большинства граждан к процессу выработки и реализации решений, а также к просчитыванию и прогнозированию их последствий. Для этого прежде всего необходимо становление политических и социальных институтов, способных меняться в соответствии с новыми вызовами, а также повышение роли нематериальных стимулов жизнедеятельности, достижение эффективного для обеспечения качества жизни в конкретном обществе сочетания

материальных и нематериальных, инновационных и традиционных источников развития и ценностей, утверждение нравственной мотивации при выборе его приоритетов [22]. Для России в нынешней ситуации многочисленных внутренних и внешних вызовов переход к суверенному и ответственному развитию с учетом опыта других стран является императивом, жизненно важным условием существования как независимой страны и ключевого субъекта мирового развития.

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Само понятие “мирового развития” с уточняющим прилагательным “политическое” нечасто становится фокусом исследования. Если в страновом разрезе и в рамках международных регионов как территориальных пространств проблема политического развития актуализирована и поставлена в центр стратегического планирования, то понятие **мирового политического развития** остается, по существу, непоясненным. Очевидно, что тенденции странового и макрорегионального развития оказывают порой решающее влияние на общемировые процессы, хотя присутствует и обратная связь, учитывая специфику деятельности международных организаций как институтов развития, процессов формирования глобальной повестки и международных режимов регулирования как функциональных транснациональных пространств, организации поиска коллективных ответов на глобальные вызовы и решения проблемы управляемости глобальными рисками.

Что представляет собой мировое политическое развитие, можно ли его рассматривать как движение “от низшего к высшему”, существует ли и возможна ли в принципе общая матрица мирового политического развития с надежными критериями оценки и потенциалом прогнозирования? Предложить ответы на эти ключевые вопросы невозможно без понимания того, кто может выступать субъектами такого развития, а значит, кто способен разрабатывать и осуществлять соответствующие стратегии и практики глобализма в собственных стратегических интересах, консервируя прежнюю или конструируя новую международно-политическую реальность, добиваясь поддержки со стороны международного сообщества и располагая инструментами мягкого или даже жесткого принуждения в логике модернистского и ценностного подходов.

Но главным (и самым сложным) для исследователей оказывается наличие способности выходить за рамки национально-территориальной организации мира, преодолевать монополию государствоцентричного подхода в познании международной реальности, чтобы осмыслить феномен и траектории развития политических отношений в мировой системе по поводу власти и управления, выявить критерии и ориентиры политического развития, в том числе ценностные, в глобальном измерении. Важно оценить перспективы формирования мирового (глобального) общества [23] и глобальной идентичности [24], несмотря на сегментирование мирового пространства. Не менее важно осмыслить новый феномен и практики экстерриториальности в современном мире, изучить деятельность экстерриториальных сообществ с особым типом самоидентификации, “осуществляющим интеграцию и консолидацию входящих в него индивидов поверх национально-государственных границ, игнорируя нормы и правила местных территориальных сообществ (культурных, языковых, этнических, конфессиональных, национальных)” [25, с. 89]. Именно экстерриториальные сообщества способны не только создавать спрос и предложение в мировой системе, но и формулировать и распространять мотивации и нормы, экономические, политические и культурные поведенческие ценности и стереотипы, формировать идентичность вне привязки к национальным границам, выступая в том числе субъектами мирового развития.

Проявлениями мирового политического развития очевидно можно считать усложнение и перемены в автономных качествах международно-политической системы – изменения в ее структуре и отношениях между ее элементами, в мировом порядке, а также в региональных подсистемах международных отношений и региональных порядках; развитие феномена и процесса политической глобализации с точки зрения изменения форм и инструментария глобального управления и представлений о глобальном и региональном политическом лидерстве; явление волн (и откатов) демократизации (по С. Хантингтону).

Но чаще речь идет о больших циклах и длинных волнах мирового развития вообще [20], о развитии международных регионов по нелинейным траекториям, в том числе под воздействием факторов внешней среды, открытых систем – например, циклов экономической интеграции на примере Европейского союза, также в логике Н.Д. Кондратьева [26] или упоминавшейся выше модели (парадигме) устойчивого развития стран мира и его целевых универсальных показателей.

Что касается циклов и волновых колебаний мирового развития, этапов экономической глобализации, региональной экономической интеграции, понятно, что развитие касается здесь в первую очередь социально-экономических отношений и измеряется привычными показателями ВВП и социальных расходов, при широком обсуждении и растущей критике ограниченности такого подхода. При этом расширение сферы политического в современном мире ведет к тому, что подчас невозможно четко отделить и противопоставить экономическое измерение развития политическому. Так, региональная интеграция представляется продуктом и одновременно инструментом глобализации не только экономической, но и политической; внутри- и межгосударственные противоречия и конфликты политического свойства способны приводить к дезинтеграционным тенденциям в проектах экономической интеграции, а внешние по отношению к региональному интеграционному проекту политические риски и угрозы могут стать триггерами реформ экономического управления. В свою очередь санкции, особенно экстерриториальные, как инструмент глобального управления способны превратиться в инструмент как политического лидерства, так и экономической глобализации, меняя географию и конфигурацию глобальных цепочек добавленной стоимости, транспортных и логистических маршрутов, а также представления о лидерстве в современной мировой системе и управляемом развитии.

Аналогичным образом Цели устойчивого развития ООН со сроком достижения к 2030 г.¹ отвечают прежде всего логике обеспечения экологической безопасности и социально-экономического развития, однако в них просматриваются и приоритеты повышения политической субъектности ряда акторов и развития политических отношений и институтов, касающихся власти и управления в странах и регионах мира. Например, движение к таким целевым индикаторам, как качественное образование; гендерное равенство; устойчивые города и населенные пункты; борьба с изменением климата; мир, правосудие и эффективные институты; партнерство в интересах устойчивого развития способны стать факторами в том числе странового и макрорегионального политического развития в логике экономической модернизации и модели открытого социального порядка, хотя эффективность управления могут демонстрировать и гибридные политические режимы. Пример Китая в данном случае весьма показателен, однако получившие признание эконометрические исследования аргументируют идею о приоритетной связи долгосрочного экономического роста и инклюзивных политических и экономических институтов [27; 28; 29].

Ключевым остается вопрос о критериях мирового общественного и политического развития. Можно ли считать таковыми достижение отдельных целевых показателей устойчивого развития? Достаточно ли, скажем, преодолеть идентичность выживания – добиться, например, реализации Цели устойчивого развития № 1 “Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах” и ЦУР № 2 “Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства” и выстраивать далее идентичность, ориентированную на развитие на основе осознания не только элитами, но и гражданами глобальных проблем и глобальных рисков?

Прогнозирование развития “единого” глобального мира, в том числе с использованием методов долгосрочного и сценарного прогнозирования и математического моделирования, становится сложной задачей в условиях фрагментации

¹ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. United Nations. Department of Economic and Social Affairs Statistics. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global-Indicator-Framework-after-2024-refinement-Russian.pdf> (accessed 01.11.2025).

и явления регионализации самих процессов глобализации. Исключительную важность в данном контексте приобретает и вопрос о том, каким образом можно измерить прогресс в достижении ЦУР в отсутствие универсальных параметров количественной оценки. Получается, что парадигма мирового развития как способность отвечать на глобальные вызовы и управлять глобальными рисками по-прежнему ограничена задачами и ресурсами странового развития, а оценка реализации ЦУР международными организациями (ООН) и различными частными структурами – полнотой и качеством национальной статистики.

Ограничителями выступают, действительно, не только методологические уязвимости, но и неполнота и недостатки национальной статистики, лежащей в основе прогнозов социально-экономического развития мира, прежде всего количественных и качественных оценок демографического развития развивающихся стран в логике соотношения численности населения и имеющихся ресурсов. Решение этой задачи предполагает необходимость верного учета результатов догоняющего развития, которые не должны вводить экспертов в заблуждение, и применения в прогнозировании мирового развития географического или цивилизационного подхода, а также пересмотра традиционной практики деления на развитые и развивающиеся экономики в определении контуров социально-экономического будущего.

Прогнозирование мирового политического развития представляется еще более сложной задачей. Попытки измерить количественно мировые политические процессы сталкиваются с понятными трудностями и объясняются спецификой объекта политической науки, в частности, науки о международных отношениях. Составителям различных индексов (индикаторы страновой и региональной мощи, “мягкой” силы, качества государственного управления, (не)состоятельности и (не)стабильности государств мира, глобального риска, раннего предупреждения вооруженных конфликтов и гуманитарных катастроф и т.п.) не удастся преодолеть страновой фокус исследования (все они основаны на данных национальной статистики) и преимущественно западоцентричный подход в плане ценностного отбора количественных параметров и ориентиров развития.

КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

Имея в виду трудности в концептуализации разнонаправленных векторов политического развития, насущным становится вопрос **об изменении оптики в видении его ориентиров и о разработке адекватных современным вызовам безопасности критериев политического развития.**

Анализ нарративов и дискурсов, затрагивающих содержательные аспекты современного политического развития, указывает на ключевое значение для определения его вектора характера целеполагания вовлеченных в этот процесс субъектов, соотносённости их частных интересов с потребностями тех социальных групп, от имени которых они выступают. Закономерно поэтому, что “социальные размежевания и политические противостояния оказываются родовой характеристикой политического развития, **а способность политических институтов адаптироваться к общественному запросу на обеспечение безопасности, управляемости и свободного развития личности – его ключевым критерием**” [30, с. 57].

К числу субъективных критериев политического развития можно отнести способность политической элиты и политических лидеров адекватно и своевременно оценивать возникающие риски и вызовы, просчитывать не только краткосрочные, но и долговременные последствия принимаемых решений. Данный критерий непосредственно связан с качеством политической и управленческой элиты, с ее способностью выдвигать и поддерживать ответственных государственных деятелей (уместно вспомнить высказывание У. Черчилля: “Политик думает о следующих выборах, а государственный деятель – о будущих поколениях”). Актуализация этого критерия в современных условиях связана с ухудшением качества политико-управленческих элит во многих государствах, с ориентацией представителей этих элитных групп на получение кратковременных выгод

при игнорировании долговременных перспектив и насущных требований широких слоев населения. В современных условиях в качестве важного критерия и условия политического развития может также рассматриваться **общественная консолидация** (при сохранении социального, идейно-политического и культурного многообразия) для преодоления наиболее опасных, угрожающих целостности общества и государства внутренних расколов и для достижения реального экономического, финансового, культурного суверенитета как **приоритета политического развития**.

Политика развития (*development politics*) – базовая категория в контексте концептуализации общественного развития, позволяющая обозначить его видимые, достижимые горизонты, обосновать его приоритеты и увидеть альтернативы. Это понятие чаще используется в экспертной аналитике в сугубо прикладном смысле для обозначения политики содействия экономическому развитию третьих стран. В зарубежном научном дискурсе политика развития трактуется преимущественно как комплекс подходов, инструментов и средств, ориентированных на обеспечение доступа сообществ, не имеющих достаточных возможностей для развития на собственных источниках, к ключевым ресурсам, предоставляемым им внешними контрагентами. Иными словами – как система мер помощи бедным странам, находящимся в зависимости от внешних источников финансовой и технологической поддержки экономики и социальной сферы. Внешняя помощь рассматривается как ключевой источник экономического развития, а политическое влияние и отложенные экономические дивиденды определяют отбор ее приоритетов. При этом на практике “помощь развитию” может оборачиваться консервацией отсталости и внешней зависимости.

Исследовательское поле политики развития формирует анализ внутренних и внешних политических факторов и управленческих технологий, позитивно или негативно влияющих на социально-экономическое развитие. К первой группе (внутренние факторы) относятся культура, религия, этничность, гражданские конфликты и социальные размежевания, фактор лидерства, а также так называемое ресурсное проклятие; ко второй (внешние факторы) – иностранные инвестиции и внешний долг, иностранная помощь, деятельность транснациональных корпораций и международных финансовых организаций [31].

Вокруг повестки **общественного развития** формируется поле взаимодействия и взаимовлияния институтов, интересов и идей, политических по характеру целей и смысловому содержанию, а сама политика развития в этом широком контексте рассматривается как “неизбежный процесс конкуренции альтернативных проектов желаемого будущего” [32, pp. 7, 22-24]. Политические практики, ориентированные на развитие (*development policies*), формируются в результате столкновений и компромиссов вокруг приоритетов политической повестки и распределения ресурсов, которые могут способствовать целедостижению. Чем более широкие силы вовлечены в такую систему договоренностей, тем больше шансов на достижение поставленных целей – при условии готовности участников к конструктивному взаимодействию. В противном случае ожесточенная конкуренция за ресурсы заинтересованных групп может блокировать продвижение к намеченным рубежам. Роль интеллектуальных усилий в этой сфере видится в том, чтобы “выявить стоящие перед нами исторические альтернативы” [33, с. 210].

В аналитическом фокусе политики развития находятся как возможности **управления политическим развитием**, под которым понимается регулирование процессов, определяющих вектор динамики политического режима и эффективность его институтов, так и **управляемости политического развития** – выстраивания управленческих подходов на основе целеполагания ведущих политических акторов и организации его общественной поддержки, причем все чаще – вне рамок идейно-политической конкуренции, сугубо в контексте борьбы за ресурсы. Принципиально важна способность участников политических взаимодействий расставлять и согласовывать социальные, экономические, экологические приоритеты политики развития и оперативно корректировать принятые решения в кризисных ситуациях. В центре такой политики оказываются, таким образом, управленческие практики, а эффективная политика развития отождествляется с результативным управлением. При этом по мере познания механизмов социальных изменений (социального становления, в терминах П. Штомпки)

вмешательство участников этих процессов неизбежно усиливается, что “позволяет точнее предвидеть, планировать и целенаправленно изменять социальную жизнь..., но порождает серьезные побочные результаты, которые блокируют, а порой даже ставят под угрозу функционирование общества и его изменение” и требует “самоконтроля в своих стремлениях к управлению” [2, сс. 291-292]. Но политическое развитие отнюдь не сводится к эффективному политическому управлению, хотя понижение градуса идейных противостояний в современном политическом поле и расширительное, размытое толкование понятия идеологии в публичном дискурсе, казалось бы, свидетельствуют в пользу трактовки современного политического развития в сугубо управленческом измерении.

Потребность в обеспечении **управляемости политического развития** может быть обеспечена на основе **сочетания** в политике развития **политико-культурных традиций и социальных инноваций**. Политическое развитие предполагает институциональную преемственность и соотнесенность с политико-культурной традицией, в то время как социальные инновации могут генерировать такие политические эффекты, как стимулирование активности местных сообществ и институтов гражданского общества, организация сетевых взаимодействий для решения управленческих задач. “В состоятельности и в возможности взаимного усиления традиций и инноваций как механизмов самоорганизации общества и заключен потенциал координации общественных трансформаций в условиях той системной нестабильности, которые переживает современный миропорядок. По сути – это императив поддержания жизнеспособности государства как формы организации политического и социального порядка: такое сбалансированное сочетание может придать разделенным обществам позитивную, нацеленную на решение задач развития динамику, объединить их вокруг нового “общественного договора”. Для личности – это возможность обрести социальные ориентиры, отвечающие смысложизненным поискам человека, его стремлению к гармонии с окружающим сложным миром” [34, с. 61].

Одна из самых непростых задач **управления политическим развитием** состоит в обеспечении динамичного и ситуативного **баланса** между политическими (политико-культурными) традициями и социальными инновациями, а также столь же динамичного, подвижного баланса между приоритетами развития личности и траекториями развития общества. Любой ощутимый перекося в сторону консервирования традиций или, напротив, в сторону внедрения социальных новаций на основе радикального пересмотра культурной нормы, разрушающего традиционные ценности, вызывает глубокие, иногда необратимые дисфункции в развитии общества и государства. Неизбежным следствием становится кризис идентичности и рост социальной аномии. Точно так же упор в развитии общества на индивидуализм и на неограниченные индивидуальные свободы ведет, как показывает опыт США и ряда других стран, к атомизации и фрагментации, к деградации общественных связей. А подавление прав личности во имя интересов эффективного управления порождает проявления несвободы, будь то “информационный”, “цифровой” или “зеленый” диктат, ведет к обезличиванию человека, превращая его в объект политического манипулирования. Поэтому гармонизация отношений между личностью и обществом, личностью и государством – одна из насущных проблем не только современного политического, но и социального, культурного, духовного развития. Решить эту сложнейшую проблему без “этического поворота” [35] в целеполагании политики развития вряд ли возможно.

СУБЪЕКТЫ И АКТОРЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

Динамичное наращивание потенциала в разных сферах жизнедеятельности значительной части незападного мира, внутри которого формируются новые центры силы, вносит коррективы в понимание критериев эффективности политики развития. Политические элиты новых центров силы структурируют дискурсы и нарративы о развитии в иной логике, отвечающей задачам их консолидации и укрепления лидерских позиций в структуре миропорядка. Дискурсы о модернизации вытесняются цивилизационными нарративами [36], актуализируя вопрос о государстве-цивилизации [37].

Именно в контексте политики развития субъекты и акторы, вовлеченные во взаимодействие вокруг ее повестки, разрабатывают и целенаправленно продвигают свои приоритеты, облекая их в форму общественно значимых интересов. Речь идет в первую очередь о государстве, субъектность которого в публичном поле имплицитно воспринимается как отражающая общественный интерес. В этих целях от имени государства и его институтов формулируются показатели развития страны и ее административно-управленческих единиц (регионов в составе государства, городов, агломераций), олицетворяющих как территорию в границах государства, так и проживающее на этой территории сообщество. Такие показатели призваны отражать качество жизни и среды обитания человека, наращивание человеческого потенциала и экономического благосостояния, однако они не нивелируют значимости для личности гражданских ценностей и нравственных ориентиров, характеризующих качество социальной среды и не входящих в эту систему индикаторов.

Под вопросом оказывается сама способность государства накапливать и направлять ресурсы на достижение целей политики развития [38, сс. 94-97]. И неслучайно “начало нынешнего века недвусмысленно свидетельствует о нарастании конфликта, отражающего различия подходов государства и рядовых граждан к насущным вопросам общественного развития” [39, с. 8]. В частности, такие конфликты может усугублять стремление к унификации форм социальных коммуникаций и межличностного общения на основе использования инструментов цифровой среды. Множатся психологические вызовы для личности и для политического развития, поскольку его субъектом выступает не только государство, но и современное разделенное сложное общество при отсутствии консолидированного генератора запроса на общественное развитие, роль которого до недавнего времени отводилась среднему классу. При этом линии социальных размежеваний в современных обществах формируются не только по социально-экономическим, но и по ценностным, мировоззренческим основаниям и целенаправленно политизируются в ответ на задачи “продвижения нового политического проекта” на основе консолидированного целеполагания нации и государства [40, сс. 64-66].

Политика развития ориентирует на широкую вовлеченность граждан в решение этих задач, поскольку такое участие – приоритетный для общества и значимый для человека мотиватор личностного развития. Возможности такого участия априори неравные, степень субъектности определяют институциональные ресурсы доступа к процессу принятия решений и их реализации и готовность встраиваться в повестку политики развития. Так, государство может создавать специальные институты развития, уполномоченные действовать от его имени для достижения технологических прорывов или, например, сосредотачивать усилия на перспективной сфере национальной экономики, используя институт государственно-частного партнерства. Бизнес ищет пути взаимодействия с госструктурами через систему GR-менеджмента и институты системы функционального представительства, некоммерческие организации – через разные формы грантовой поддержки и волонтерской активности. Флагманскую роль в политике развития могут играть креативные индустрии, объединяющие потенциал разных участников и формирующие привлекательные и социально значимые образы развития территорий. Но очевидно также, что “существуют глубокие различия между управлением бизнес-процессами и управлением изменениями в политике” [41, с. 124].

В ходе политического целеполагания общественный интерес стремятся монополизировать конкурирующие группы интересов [42] и их сетевые структуры. Они конвертируют ресурсы сети в политический капитал, при этом “сокращение поля публичной политики актуализирует неформальные механизмы конвертации капиталов” [43, с. 74]. В качестве средства решения поставленных задач такие группы в лице представителей политической и интеллектуальной элиты апеллируют к идеям общего блага, национальным интересам и общезначимым приоритетам развития сообщества. Политика развития в этих условиях становится ареной борьбы за распределение и перераспределение ресурсов, находящихся в непосредственном распоряжении или под политико-правовым контролем государства. Причем борьба идет как за материальные, так и за нематериальные ресурсы развития, в том числе за идентичность, воплощающую ту или иную степень сопричастности человека целям, выходящим за его непосредственные жизненные горизонты.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Идентичность может стать ресурсом социальной консолидации, но может и работать на социальную фрагментацию и разделения. Ее потенциал формирует целенаправленная **политика идентичности**, которая проводится от имени государства через институты социализации и ценностно-политические проекты. На этой основе может формироваться **идентичность развития** – культурная норма динамичного и объединенного вокруг приоритетов развития сообщества или же **идентичность выживания**, отражающая больший или меньший градус социального неблагополучия. Интерес к идентичности в ее ресурсном качестве связан с потребностью в концептуализации субъективного фактора общественного развития для прояснения в контексте политики развития причин выбора тех или иных ее приоритетов и оценки их соотнесенности с общественным запросом.

Внимание к субъективному измерению политического развития задано его источником – человеческим потенциалом и теми идеями, которые определяют его перспективы. Осмысляя политическое развитие, мы можем, говоря словами И. Валлерстайна, “применить человеческий разум для решения человеческих проблем и раскрыть тем самым человеческий потенциал, пусть и несовершенный, но несомненно более значительный, чем тот, который мы видели прежде” [33, с. 212]. В этом смысле особенно значимым оказывается поддержание баланса между традицией и инновацией в организации социальных коммуникаций и в продвижении приоритетов политики развития.

Политическое развитие предполагает наращивание интеллектуального и духовного потенциала человека для поиска адекватных ответов на растущую социальную неопределенность, связанную с экзистенциальными угрозами и новейшими технологическими и этическими вызовами, с которыми общество оказывается лицом к лицу. Оно опирается на совершенствование системы образования, работающей на позитивную мотивацию новых поколений, и на проведение широкой просветительской работы, направленной на формирование нравственных установок, ориентированных на гражданскую солидарность и межличностную эмпатию. Осмысление критериев и возможных альтернатив политического развития становится интеллектуальным вызовом для социального знания, критерием его *современности* в смысле соответствия вызовам формирующегося мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Федотова В.Г. *Хорошее общество*. Москва, Прогресс-Традиция, 2005. 544 с. [Fedotova V.G. *Good Society*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2005. 544 p. (In Russ.)]
2. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Москва, Аспект-Пресс, 1996. 414 с. [Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Moscow, Aspect-Press, 1996. 414 p. (In Russ.)]
3. Эндрейн Ч. *Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования*. Москва, ИНФРА-М, Весь Мир, 2000, 318 с. [Andrain Ch. *Comparative Political Systems. Policy Performance and Social Change*. Moscow, INFRA-M, Ves' Mir, 2000, 318 p. (In Russ.)]
4. Pye L.W. The Concept of Political Development. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1965, no. 358(1), pp. 1-13. <https://doi.org/10.1177/000271626535800102>
5. Burden S.K. *Democratic Political Development: A Methodological Inquiry Focusing on Southern States*. William & Mary Libraries. Dissertations, Theses, and Masters Projects. Paper 1539624694. 1970. <https://dx.doi.org/doi:10.21220/s2-cenz-m803>
6. Kumar S. The Concept of Political Development. *Political Studies*, 1978, no. 26(4), pp. 423-438. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1978.tb01308.x>
7. Pye L.W., Verba S. *Political Culture and Political Development*. Princeton, Princeton University Press, 1965. 565 p.
8. Лапкин В.В. Проблемы моделирования политического развития. Пантин В.И., Лапкин В.В., отв. ред. *Циклы политического развития: прогностический потенциал: сборник статей*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010, сс. 10-27. [Lapkin V.V. Problems of Political Development Modelling. Pantin V.I., Lapkin V.V., eds. *Cycles of Political Development: Prognostic Potential*. Moscow, IMEMO Russian Academy of Sciences, 2010, pp. 10-27. (In Russ.)]
9. Борисенков А.А. Политическое развитие: сущность и формы. *Мир человека*, 2009, № 1, сс. 60-72. [Borisenkov A.A. Political Development: Substance and Forms. *Mir cheloveka*, 2009, no. 1, pp. 60-72. (In Russ.)]

10. Пантин В.И., Лапкин В.В., отв. ред. *Циклы политического развития: прогностический потенциал*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 103 с. [Pantin V.I., Lapkin V.V., eds. *Cycles of Political Development: Prognostic Potential*. Moscow, IMEMO Russian Academy of Sciences, 2010. 103 p. (In Russ.)]
11. Пантин В.И. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы. *История и современность*, 2018, № 3(29), сс. 32-50. [Pantin V.I. Political Development and Policy of Development: Trends, Challenges and Prospects. *History and Modernity*, 2018, no. 3(29), pp. 32-50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.02>
12. Bates R.H. Political Development. Lancaster C., van de Walle N., eds. *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. New York, Oxford University Press, 2018, pp. 64-72.
13. Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. New York, Simon Schuster Inc., 1995. 214 p.
14. Wang G. The Impact of Globalization on State Sovereignty. *Chinese Journal of International Law*, 2004, vol. 3, no. 2, pp. 473-483. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000530
15. Семененко И.С., отв. ред. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Москва, Весь Мир, 2020. 384 с. [Semenenko I.S., ed. *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*. Moscow, Ves' Mir, 2020. 384 p. (In Russ.)]
16. Jessop B. *The State: Past, Present, Future*. Cambridge, Polity Press, 2016. 248 p.
17. Лапкин В.В. Размежевания в территориальных сообществах, консолидация национальных государств и новые вызовы экстратерриториальности. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2021, т. 22, № 2, сс. 6-20. [Lapkin V.V. Cleavages in Territorial Communities, Internal Consolidation of National States, and New Challenges of Extraterritoriality. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 6-20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31429/26190567-22-2-6-20>
18. Alles D., Badie B. Sovereigntism in the International System: From Change to Split. *European Review of International Studies*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 5-19.
19. Couture S., Toupin S. What Does the Notion of 'Sovereignty' Mean When Referring to the Digital? *New Media & Society*, 2019, vol. 21, no. 10, pp. 2305-2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
20. Пантин В.И., Лапкин В.В. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна, Феникс+, 2014. 456 с. [Pantin V.I., Lapkin V.V. *Historical Forecasting in the 21st Century: Kondratieff Cycles, Evolutionary Cycles and the Prospects for World Development*. Dubna, Phoenix-plus, 2014. 456 p. (In Russ.)]
21. Dalio R. *Principles for Dealing with the Changing World Order: Why Nations Succeed and Fail*. New York, Avid Reader Press/Simon & Schuster, 2021. 576 p.
22. Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 3, сс. 7-26. [Semenenko I.S. Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 7-26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
23. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York, Columbia University, 1995. 329 p.
24. Нестик Т.А. Глобальная идентичность. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь Мир, 2023, сс. 330-337. [Nestik T.A. Global Identity. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023, pp. 330-337. (In Russ.)]
25. Лапкин В.В. Экстратерриториальное сообщество: горизонты идентичности. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь Мир, 2023, сс. 86-93. [Lapkin V.V. Extraterritorial Community: Horizons of Identity. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023, pp. 34-42. (In Russ.)]
26. Буторина О.В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции. *Международные процессы*, 2024, no. 22(3-4), pp. 6-28. [Butorina O.V. The European Union and the Long Cycles of Economic Integration. *International Trends*, 2024, no. 22(3-4), pp. 6-28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.1>
27. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Original of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Business, 2012. 546 p.
28. Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики (Историческая эволюция мировой системы). *Полис. Политические исследования*, 2013, № 2, сс. 6-23. [Voskressenski A.D. Type of Socio-Political Access Within a Society and the Space of the World Politics (Historical Evolution of the World System). *Polis. Political Studies*, 2013, no. 2, pp. 6-23. (In Russ.)]
29. de Almeida S.J., Esperidião F., Rodrigues de Moura F. The Impact of Institutions on Economic Growth: Evidence for Advanced Economies and Latin America and the Caribbean Using a Panel VAR Approach. *International Economics*, 2024, vol. 178, 100480. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2024.100480>
30. Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. "Общественное развитие" в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки. *Полис. Политические исследования*, 2024, № 6, сс. 54-74. [Semenenko I.S., Khaynatskaya T.I. Social and Political Development: Out of Conceptual Mazes and into Political Agenda-Setting. *Polis. Political Studies*, 2024, no. 6, pp. 54-74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.05>
31. Lancaster C., van de Walle N. *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. New York, Oxford University Press, 2018. 640 p.
32. Mcloughlin C., Ali S., Xie K., Cheeseman N., Hudson D., eds. *The Politics of Development*. London, Sage, 2024. 392 p.
33. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Москва, Логос, 2004. 368 с. [Wallerstein I. *The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century*. Moscow, Logos, 2004. 368 p. (In Russ.)]

34. Семененко И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости. *Полис. Политические исследования*, 2023, № 5, сс. 45-65. [Semenenko I.S. Tradition and Innovation in Politics and in Development Policies: Dialectics of Compatibility. *Polis. Political Studies*, 2023, no. 5, pp. 45-65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04>
35. Семененко И.С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота. *Полис. Политические исследования*, 2021, № 2, сс. 25-45. [Semenenko I.S. Rethinking Development in Social Sciences: On the Threshold of an Ethical Turn. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 2, pp. 25-45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2021/2021.02.03>
36. Хорос В.Г. *Цивилизации в современном мире*. Москва, ЛЕНАНД, 2022. Кн. 1. 304 с. [Khoros V.G. *Civilization in the Modern World*. Moscow, LENAND, 2022. Part 1. 304 p. (In Russ.)]
37. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*, 2020, № 4, сс. 78-93. [Naumkin V.V. Non-West Model: Does the Civilization-State Exist? *Polis. Political Studies*, 2020, no. 4, pp. 78-93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>
38. Лапкин В.В. Социально-политический контекст трансформации идентичности в XXI веке. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь Мир, 2017, сс. 88-101. [Lapkin V.V. Socio-Political Contexts of Identity Transformations in the 21st Century. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia*. Moscow, Ves' Mir, 2017, pp. 88-101. (In Russ.)]
39. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 4, сс. 8-25. [Solovyov A.I. Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 4, pp. 8-25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
40. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, 2021, № 5, сс. 56-77. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
41. Морозова Е.В. Управление изменениями как проблема политического менеджмента. *Полис. Политические исследования*, 2010, № 2, сс. 122-127. [Morozova E.V. Control of Changes as Problem of Political Management. *Polis. Political Studies*, 2010, no. 2, pp. 122-127. (In Russ.)]
42. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. *Группы интересов и российское государство*. Москва, УРСС, 1999. 352 с. [Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. *Interest Groups and the Russian State*. Moscow, URSS, 1999. 352 p. (In Russ.)]
43. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. "Инвесторы политического капитала": социальные сети в политическом пространстве региона. *Полис. Политические исследования*, 2009, № 2, сс. 60-76. [Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. 'Investors of Political Capital': Social Nets in the Political Space of a Region. *Polis. Political Studies*, 2009, no. 2, pp. 60-76. (In Russ.)]

ВЛАСТЬ ГОРОДОВ. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ МЕГАПОЛИСОВ

© БАРДИН А.Л., 2025

БАРДИН Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (andreybardin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9526-9763

Бардин А.Л. Власть городов. О политической субъектности мегаполисов. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 4, сс. 34-48. DOI: 10.20542/afj-2025-4-34-48 EDN: HWLOOH

DOI: 10.20542/afj-2025-4-34-48

EDN: HWLOOH

УДК: 323+711.432

Научный обзор

Поступил в редакцию 31.05.2025.

После доработки 28.08.2025.

Принят к публикации 16.10.2025.

Статья посвящена исследованию политической субъектности крупных городов (мегаполисов) как феномена международных политических процессов в контексте трансформации их архитектуры. Цель работы заключается в выявлении фундаментальных характеристик этого феномена; специфики ключевых ракурсов его изучения в политической науке; ресурсов и инструментов, посредством которых мегаполисы выстраивают и реализуют стратегии международного развития; основных барьеров и перспектив такой деятельности. Методологическая основа исследования сочетает компаративный анализ теоретических концепций и общественно-политических дискурсов, историко-институциональный подход и типологизацию эмпирических кейсов. Автор уделяет особое внимание сравнительному анализу наиболее содержательных концептуальных подходов к осмыслению роли мегаполисов в международных политических процессах, представленных в политической науке. На базе эмпирического материала рассматриваются возможности и ограничения мегаполисов в оказании политического влияния, а также механизмы и инструменты, используемые для его реализации. Делается вывод о том, что акторный потенциал мегаполисов зависит от пула материальных (финансово-экономических) и нематериальных (символических, сетевых, идентитарных) ресурсов развития, находящихся в их распоряжении, а также от модели управления этими ресурсами. Показано, что несмотря на запрос ряда акторов на усиление формального (правового) статуса мегаполисов в международных политических процессах и переход к новой модели глобального развития, сохраняется тенденция к осуществлению ими наиболее содержательных аспектов международной политической деятельности в полуформальном и неформальных форматах. Вместе с тем мегаполисы активно развивают свои международные компетенции и расширяют инструментарий для наращивания своего символического капитала и привлечения внешних ресурсов развития. В статье представлена авторская типология инструментария политического влияния мегаполисов, проиллюстрированная эмпирическим материалом. Автор делает

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

вывод о том, что политическая субъектность мегаполисов реализуется преимущественно в полуформальных и неформальных форматах, компенсирующих ограниченный правовой статус городов в международных процессах. Это способствует развитию особого международного политического пространства и новых практик политического взаимодействия на пересечении локального, национального и глобального уровней.

Ключевые слова: политика развития, мегаполис, политическая субъектность, городские сообщества, идентичность, международные сети городов, институты развития.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

THE POWER OF CITIES. ON THE POLITICAL AGENCY OF MEGACITIES

Scientific review article

Received 31.05.2025. Revised 28.08.2025. Accepted 16.10.2025.

Andrei L. BARDIN (andreybardin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9526-9763, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

This article examines the political agency of megacities as a phenomenon of international political processes in the context of their institutional and systemic transformation. The study seeks to identify the fundamental characteristics of this phenomenon; the principal perspectives through which it is analyzed in political science; the resources and instruments that enable megacities to design and implement strategies of international development; and the major barriers and prospects that shape this activity. Methodologically, the research combines comparative analysis of theoretical concepts and socio-political discourses, a historical-institutional approach and topologizing the empirical cases. Particular attention is devoted to a comparative assessment of the most substantive conceptual frameworks through which political science articulates the role of megacities in international politics. Drawing on empirical evidence, the article explores the opportunities and constraints that megacities face in exerting political influence, along with the mechanisms and tools employed in this process. It argues that the agency of megacities depends on the pool of material (financial and economic) and immaterial (symbolic, network-based and identity-related) resources at their disposal, as well as on the governance models through which these resources are managed. Despite mounting demands from various actors for a stronger formal (legal) recognition of these cities in international politics and for a shift toward a new model of global development, megacities continue to conduct the most substantive aspects of their international political activity through semi-formal and informal channels. At the same time, they are actively developing their international competencies and expanding their repertoire of instruments to strengthen symbolic capital and attract external resources. The article presents an original typology of the instruments of metropolitan political influence, illustrated with empirical material. The author concludes that the political agency of megacities is realized primarily through semi-formal and informal practices that compensate for their limited legal status in international relations. This dynamic contributes to the emergence of a distinct international political space and to new modes of political interaction at the intersection of local, national and global levels.

Keywords: development policy, megacity, political agency, urban communities, identity, transnational city networks, development institutions.

About the author:

Andrei L. BARDIN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector for Analysis of Political Change and Identity, Department for Comparative Political Studies, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Bardin A.L. The Power of Cities. On the Political Agency of Megacities. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 34-48. DOI: 10.20542/afij-2025-4-34-48 EDN: HWLOOH

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика роли городов как субъектов мирового политического процесса относится к числу широко обсуждаемых и вызывающих значительный интерес, но вместе с тем противоречивой и слабо изученной. Еще Макс Вебер рассматривал город как главное место, где выкристаллизовался процесс государственного строительства, сформировались мощные административные и политические институты, которые позволили сообществу осуществлять экономическое и политическое доминирование. Сегодня городу также приписывается особая роль: с разных трибун и на различных платформах звучат заявления о том, что современный мир – это “мир городов”. Подчеркивается, что именно города являются теми центрами развития, которые должны найти ответ на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня. Сквозь призму этого дискурса города воспринимаются как полноправные участники мировой политики, едва ли не более значимые, чем национальные государства: последние как бы заняты некими общими, отвлеченными вопросами, тогда как города – вполне насущными и конкретными.

Изучая этот дискурс, набравший силу начиная с 2000-х годов, можно предположить, что он выражает запрос ряда акторов (и далеко не только представителей местных властей) на переход к новым принципам глобального управления, отличным от тех, что построили национальные государства. Такой новый тип политических отношений, который могли бы выстроить города, ставил бы в приоритет те “приземленные” задачи, которые решаются в городах каждый день, в центре которых стоит обеспечение высокого качества жизни человека, что стало бы своего рода выходом из текущего “тупика развития” [1, р. 190]. Подобное будущее, в котором города как субъекты, заинтересованные прежде всего в благополучии и комфорте человека, но никак не в интригах, борьбе за геополитическое влияние и тем более – в вооруженных конфликтах для его расширения – с гуманистической точки зрения действительно выглядит весьма привлекательно. Контуры такого будущего можно разглядеть, например, в описании, составленном бывшим мэром Нью-Йорка Майклом Блумбергом в статье для *Foreign Affairs*, где он обосновывал центральную роль городов в борьбе с изменением климата: по его словам, “города не занимаются идеологией, а сфокусированы на поиске прагматичных решений для всех возникающих вопросов” [2].

Цель настоящей статьи – выявить главные составляющие феномена политической субъектности мегаполисов, специфику основных ракурсов его анализа в политической науке, ресурсы и инструменты, посредством которых мегаполисы выстраивают и реализуют стратегии международного развития, основные барьеры и перспективы такой деятельности.

НАРРАТИВЫ И ВЫЗОВЫ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

В начале XXI в. на мировую арену вышли сразу несколько организаций, которые уверенно принялись воплощать подобный проект на деле. Учрежденная в 2004 г. и по сей день одна из наиболее влиятельных международных организаций городов “Объединенные города и местные власти” (ОГМВ, англ. – *United Cities and Local Governments, UCLG*) приступила к активному лоббированию интересов своих членов в международных инстанциях и стала выстраивать взаимодействие с ООН с целью утвердить локальные правительства в качестве одного из столпов международной системы. В этом

стремлении звучал вызов, который ОГМВ бросила гегемонии государства как актора международных отношений и ее намерение выстроить систему “децентрализованного сотрудничества, международного взаимодействия муниципалитетов и городов, которая бы способствовала трансформации сферы международных отношений в отношения между сообществами, между и в интересах граждан мира”¹. Создание ОГМВ послужило импульсом для возникновения других международных объединений городов, например, Глобального парламента мэров (*The Global Parliament of Mayors*), учрежденного как совещательная площадка для руководителей городов. Его идеологом стал политический географ, бывший советник президента США Билла Клинтона Бенджамин Барбер. В 2013 г. он опубликовал нашумевшую книгу “Если бы мэры правили миром”, в которой призвал забрать у государств ряд полномочий и передать их городам как субъектам, располагающим всеми необходимыми ресурсами и инструментами для достижения целей развития [3]. В интервью, которое Б. Барбер дал в ходе визита в Москву в 2015 г., он отметил, что “национальные государства не сотрудничают для решения проблем”, а значит, это города должны “договориться друг с другом, чтобы получить дополнительный объем власти” и оказать совместное давление на национальные правительства, дабы перестать отдавать тем в виде налогов “гораздо больший объем средств, чем им на самом деле необходим”².

Организацию столь радикального “коллективного бунта” городов против своих государств достаточно трудно представить, хотя ситуации противостояния первых вторым вовсе не редки – в том числе в упомянутых выше случаях, когда центральное правительство принуждает богатый город делиться доходами с менее удачливыми территориями. Если материальные причины противостояния очевидны, то что можно отнести к нематериальным? Актуальный пример – деятельность коалиции *America Is All In*³: помимо администраций городов США, в нее входят представительства штатов, организаций из сфер образования, культуры, здравоохранения. Коалиция ставит перед собой задачу содействовать достижению цели по сокращению углеродных выбросов США на 50% к 2030 г. и нулевых чистых выбросов к 2050 г., укреплению устойчивости страны к растущим последствиям изменения климата, а также стремится “способствовать усилению роли нефедеральных субъектов на мировой арене”, то есть наращивать политическое влияние городов. После первого и второго выходов США из Парижского соглашения по климату при президенте Дональде Трампе коалиция обязалась “поднять упавшее знамя” защиты климата, предпринимая последовательные меры по борьбе с его изменением, в том числе через “амбициозные изменения в политическом курсе” местных властей [4, р. 37]. Создание коалиции – заслуга Майкла Блумерга, которого в 2014 г. экс-генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил специальным посланником по городам и изменению климата.

Аналогичные цели, а также цель по “формированию политической воли для поддержки действий на федеральном и глобальном уровнях” преследует основанная в 2014 г. ассоциация более 300 мэров городов США *Climate Mayors*⁴. В ответ на подписание Д. Трампом 8 апреля 2025 г. указа о свертывании федеральных и локальных программ по борьбе с изменением климата, руководство ассоциации выступило с заявлением о том, что “Федеральное правительство не имеет полномочий лишать города и штаты права принимать законы, которые наилучшим образом служат их жителям. Мало того, что это очередное превышение полномочий нарушает права на местном уровне, оно также игнорирует реальные издержки задержки перехода к экономике, основанной на чистой энергии – как колоссальные затраты от продолжающегося разрушения окружающей среды, так и политический и социальный ущерб от ослабления лидерских позиций

¹ *United Cities and Local Governments Founding Congress Final Declaration: ‘Cities, Local Governments: The Future for Development’*. 05.05.2004. Available at: https://uclg-mewa.org/wp-content/uploads/2023/03/UCLGReports/1.UCLG_Paris_Declaration_2004.pdf (accessed 10.12.2024).

² Волошина В. “Мэры Киева и Москвы договорились бы быстрее, чем Путин с Меркель”, Бенджамин Барбер о том, почему миром должны править не политики, а хозяйственники. *Газета.ru*, 04.01.2015. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358001.shtml?updated (accessed 10.12.2024).

³ *America Is All In*. Available at: <https://rmi.org/america-is-all-in/> (accessed 10.12.2024).

⁴ *Climate Mayors*. Available at: <https://www.climatemayors.org/who-we-are> (accessed 10.12.2024).

Америки”⁵.

Свою политическую субъектность города – участники этих инициатив, обозначаемые в официальных документах коалиции как “субъекты реальной экономики”, реализуют через формирование собственных климатических стратегий, установление норм, стандартов, правил, введение систем стимулов и ограничений – в частности, через “предоставление стимулов и финансирования для повышения энергоэффективности зданий, установление стандартов экологичного строительства и внедрение строительных норм со строгими требованиями, обязательное проведение энергоаудитов, реализацию модернизации существующих объектов, введение стандартов бенчмаркинга и открытости данных (B&T)... Например, после того как Вашингтон, округ Колумбия, обязал коммерческие здания и многоквартирные жилые дома площадью более 50 тыс. кв. футов, а муниципальные здания – более 10 тыс. кв. футов⁶ проводить бенчмаркинг и отчитываться о потреблении энергии, энергопотребление таких зданий сократилось в среднем почти на 6%” [5, р. 57]. Такой подход к определению политического влияния города прослеживается в документах многих городских ассоциаций, например, C40⁷, в интерпретации которой «власть понимается как “степень контроля или влияния”, которой обладают мэры над активами (например, автобусным парком) и функциями (такими как экономическое развитие) во всех секторах городского управления» [5, р. 139].

Пример городов США демонстрирует, что в рамках своих полномочий они способны формировать и реализовывать собственную стратегию, коммуникационную политику и практические инструменты влияния на ситуацию “на местах”. Мировая практика насчитывает немало аналогичных случаев – например, альянс крупных городов Финляндии C21 играет важную роль в согласовании и лоббировании их интересов на национальном уровне, а также в международных вопросах, таких как выстраивание отношений с Китаем: “Данное сотрудничество направлено на продвижение интересов городов в Китае, однако также прямо указывается, что оно может способствовать развитию взаимодействия на общегосударственном уровне и укреплению китайско-финляндских отношений” [6, р. 5]. Как же обстоит дело с формальным признанием политической субъектности городов на международном уровне?

ГОРОДА В ТЕНИ ГОСУДАРСТВ

Прогресс в вопросе формализации городов как субъектов политического процесса зависит от позиции национальных государств. Их представители с самых высоких трибун транслируют тезис о том, что города должны брать на себя больше ответственности в решении задач самого широкого спектра, от экологических до этнополитических, таких как обеспечение интеграции в общество инокультурных мигрантов. Можно предположить, что следующим логичным шагом было бы наделить города большими полномочиями и официально закрепить их весомый статус в мировой политике – по крайней мере, для начала, в рамках профильных международных институтов. В частности, наибольший прогресс на этом направлении должен был бы быть достигнут в рамках ООН-Хабитат, Программы ООН по населенным пунктам, имеющей главный мандат ООН в области городской политики.

Такие попытки предпринимались: в 1996 г. на конференции Хабитат II было предложено предоставить представителям местных органов власти постоянный статус в Комиссии по населенным пунктам (*Commission on Human Settlements*) – межправительственном органе ООН по вопросам поселений. Принятая по итогам “Повестка дня Хабитат” призывала Комиссию “пересмотреть методы работы с целью вовлечения в свою деятельность представителей местных органов власти и соответствующих субъектов гражданского общества”. Спустя три года в резолюции 17/18

⁵ Statement: Climate Mayors Chair Mayor Kate Gallego Responds to White House Attempt to Hamper Local Climate Action. Climate Mayors. 10.04.2025. Available at: <https://www.climatemayors.org/post/statement-white-house-attempt-to-hamper-local-climate-action> (accessed 10.04.2025).

⁶ Соответственно 4645.15 и 929.03 м кв.

⁷ Глобальная сеть, объединяющая 97 городов мира для борьбы с климатическим кризисом.

Комиссия обратилась к Исполнительному директору с просьбой “учредить комитет местных органов власти в качестве консультативного органа, который будет служить цели укрепления диалога с местными органами власти со всего мира, участвующими в реализации Повестки дня”. В результате был создан Консультативный комитет ООН по вопросам местного самоуправления (*United Nations Advisory Committee of Local Authorities, UNACLA*), который, по оценкам исследователей, внес вполне конкретный вклад “в создание ряда форумов и механизмов для реализации ЦУР (Целей устойчивого развития. – **Авт.**) на местном уровне... однако не играет непосредственной роли в принятии решений” [7, р. 169]. Не привнесла существенных изменений и следующая крупная попытка создать такой механизм: в 2017 г. Группа высокого уровня по поручению Генассамблеи ООН подготовила обзор деятельности ООН-Хабитат, посвященный реализации ЦУР и Новой программы развития городов, в котором пришла к выводу, что ООН “недооценила темпы, масштабы и последствия урбанизации, зависимость реализации Повестки 2030 от городского развития, как и основополагающую роль местных органов власти”; указав, что “в структуре управления ООН-Хабитат отсутствует формальный механизм для вовлечения местных партнеров”. Группа сформулировала ряд достаточно смелых предложений, которые были призваны компенсировать этот пробел, и “рекомендовала новую структуру управления, включающую... комитеты местных и субнациональных органов власти и заинтересованных сторон”⁸. Впрочем, и эти рекомендации были отвергнуты.

Как отмечает специалист по международному праву Джейкоб Коган, “государства не желают соглашаться на предоставление местным органам власти формальной роли в процессах выработки политики и принятия решений в международных организациях, сопротивляясь любым попыткам ослабить единство государства в международных отношениях и сохраняя за собой монополию на представительство интересов страны” [7, р. 170]. Государства не спешат наращивать полномочия местных органов власти, равно как и их финансирование. Заметим, что в этом отношении показателен стабильно скромный бюджет ООН-Хабитат (не выше 300 млн долл.), что в десятки раз меньше бюджета организаций ООН, решающих системные глобальные задачи, таких как Всемирная продовольственная программа или ЮНИСЕФ. Как следствие, в международной политической архитектуре сформировался своего рода *негласный компромисс* между государствами, международными организациями и городами – неформальная система взаимодействий городов и международных организаций, механизмы которой “маскируют недостатки официальной системы с молчаливого, хотя порой и неохотного, согласия национальных правительств” [7, р. 171]. То есть города получают возможность определенного “собственного маневра” в пространстве международной политики до тех пор, пока он не представляет угрозы для государственных интересов.

Таким образом, нарратив о высокой значимости городов как субъектов развития по-прежнему существует параллельно политической реальности, в которых государства не готовы делиться властью. На международном уровне отчасти компенсировать этот дисбаланс призвана система полуформальных и неформальных институтов, позволяющая городам и их лидерам получать различные “бонусы”, от репрезентации в коммуникационном пространстве в качестве лидеров развития до интеграции в декларации и программы международных организаций. Касательно же распределения полномочий между городами и государствами на национальном уровне, автору представляется справедливым тезис Ричарда Шраггера о том, что “децентрализация власти – это не нейтральная институциональная технология... Если формальное наделение местных органов власти полномочиями приводит к резкому неравенству в предоставлении базовых муниципальных благ и услуг, от такого подхода следует отказаться. Однако если передача власти на местный уровень улучшает качество предоставляемых гражданам товаров и услуг, такой вариант стоит поддерживать” [8, р. 254].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МЕГАПОЛИСОВ:

⁸ Report of the High-Level Independent Panel to Assess and Enhance the Effectiveness of UN-Habitat (UN Doc A/71/1006). United Nations Secretary-General's High-Level Independent Panel. 01.08.2017. Available at: <https://www.global-taskforce.org/sites/default/files/2017-08/UN-Habitat-Assessment-Report-3%20August-2017.pdf> (accessed 10.12.2024).

КОНТУРЫ И ГРАНИ АНАЛИЗА

Мегаполисы – городские агломерации с населением более 10 млн человек – выступают одновременно масштабными пространствами развития и его субъектами, обеспечивая высокие возможности для трудоустройства и роста благосостояния. Экономические и социальные преимущества проживания в мегаполисе привлекают в них все больше жителей, а агломерационный эффект, обеспечивающий высокую интенсивность взаимодействий различных специалистов и организаций, способствует созданию технологических, социальных и организационных инноваций и их “переливу” из одной сферы в другую. Перечень сильных сторон мегаполисов как территорий развития велик, равно как и перечень вызовов, с которыми они сталкиваются. Мегаполисы – это, по определению Е.В. Тыкановой, “хрестоматийный пример социально-территориальных пространств, в которых разворачиваются процессы (вос)производства различных форм неравенств и установления разного рода (социальных, пространственных, политических, экономических и пр.) асимметрий между его обитателями” [9, с. 5].

Аккумулируя значительные объемы ресурсов, мегаполисы способны транслировать их в политическое влияние. Изучая мегаполис как “политический объект”, Алистер Коул и Рено Пейр обозначают шесть ключевых индикаторов его политической состоятельности (*political capacity*): институциональные ресурсы, экономические ресурсы, политическое лидерство, стиль взаимодействия с государством, территориальные сети и территориальный нарратив и отмечают, что некоторые из них, такие как финансово-материальная база, влияют на позицию города в неформальной иерархии напрямую, тогда как другие – косвенно [10, р. 13]. Ко второй категории “менее осязаемых” ресурсов политической субъектности авторы относят городские модели (режимы), нарративы и традиции, конфигурации институтов и сетей (или ассамбляжей), стили управления и форматы коллективных действий [10, р. 193]. По сути речь идет о разнообразных материальных и нематериальных ресурсах развития и моделях управления ими. Например, А. Коул и Р. Пейр приводят такой пример влияния моделей управления на политическую субъектность: “Наделенные заметным местным политическим влиянием и связями с центральным правительством (кумуляция мандатов), французские мэры были более эффективны, чем главы английских городов... Важную роль сыграли различные правовые основания: принцип общей компетенции (*compétence générale*), характерный для французских местных органов власти, придает вес местной политике во французских городах, тогда как жесткие ограничения *ultra vires* (действия за пределами полномочий) традиционно сводили роль английских городов к узкому кругу вопросов, таких как обеспечение предоставления услуг и сервисов” [10, р. 14].

Эволюция систем управления мегаполисами привела к возникновению различных его моделей, от более до менее консолидированных, однако в целом такие системы носят разветвленный и многоуровневый характер ввиду высокой сложности объекта и диверсифицированности субъектов управления, формирующих коалиции – городские режимы, “формальные и неформальные соглашения, на основе которых общественные органы и частные интересы действуют вместе для принятия и исполнения управляющих решений” [11]. Рассуждая о теории городских режимов, Валерий Ледяев уточняет, что “политический режим – это коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью” и подчеркивает, что для каждого режима характерен собственный “набор целей и программ, которые отражают коалиционный характер власти и ресурсы ее субъектов” [12, с. 454]. Таким образом, мегаполисы разнообразны по сложившимся в них политическим коалициям, имеющимся в их распоряжении ресурсам и способности управлять ими, но их объединяет высокий уровень самобытности как политических пространств и преобладающая роль городских и национальных акторов в определении вектора их развития (по сравнению с международными). Здесь автор статьи расходится со сторонниками глобализма, которые, напротив, убеждены, что в мегаполисах формируется некий общий новый тип политических пространств как прямое следствие влияния повестки глобализации (необходимости решения глобальных проблем на местном уровне), и солидарен с такими авторами, как Эрнесто д’Альберго и Кристиан Лефевр, которые полагают, что “если глобальные силы – будь то рыночные или политические – и играют определенную роль в формировании пространства мегаполиса, то эта роль опосредована локальными и национальными

факторами экономического, политического или культурного характера” [13, р. 154]. Тем не менее вовлечение мегаполисов в глобальную повестку открывает для них дополнительные возможности, в том числе политического характера.

В научной литературе политическая субъектность мегаполисов часто связывается с самим фактом их “активного присутствия” в мировой политике и даже участия в глобальном управлении [14, р. 2], под которым понимается прежде всего городская дипломатия. В этом ключе к инструментам политического влияния городов относят активные действия их мэров на международной арене, участие мэров и представителей муниципалитетов в качестве самостоятельных игроков в международных переговорах. Источником политической субъектности города в данном случае исследователи называют прежде всего государство, которое делегировало ему соответствующие полномочия [5, р. 4], тогда как сами мегаполисы выступают в роли особых политических пространств, “в которых развиваются и разворачиваются различные процессы международной системы” [15, р. 5].

Лонгитюдное исследование Мельбурнского центра изучения городов, посвященное международной городской дипломатии, выявляет некоторые значимые тренды в этой сфере. Анализ опроса представителей городов под руководством авторитетного специалиста по городским исследованиям Мишеля Акуто зафиксировал рост интенсивности взаимодействия городов с национальными правительствами по вопросам международного характера, “что вероятно, отражает растущую профессионализацию городской дипломатии. Все больше городов сообщают о проведении обучения для своих сотрудников, работающих на международном направлении... Широкий круг международных партнеров, с которыми взаимодействуют города, свидетельствует о многостороннем и продуманном портфеле глобальных инициатив, реализуемых многими городами – участниками исследования” [16, р. 15]. Главные тематики, по которым произошла интенсификация такого диалога – это изменение климата, экономическое развитие, миграция, региональное сотрудничество и устойчивость [16, р. 13].

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ОТ БРЕНДА К ДИПЛОМАТИИ

Сегодня мегаполисы – это места, где правительства и бизнес формируют те или иные режимы, заключая соглашения, позволяющие городу получать дополнительный доход – тем самым власти используют свои политические полномочия, такие как право распоряжаться территорией, зданиями, трансформировать инфраструктуру и городские сервисы, в качестве инструментов политического влияния. Отличительной характеристикой “мира городов” оказывается борьба за то, чтобы обеспечить себе выгодный имидж в надежде привлечь высококвалифицированных специалистов, туристов, капиталы и высокотехнологичные компании. Это привело к превращению городов, и особенно мегаполисов, в “предпринимательские города” (*entrepreneurial cities*), находящиеся в состоянии непрерывной борьбы за повышение своей привлекательности с целью получить внешние ресурсы, необходимые для выживания и развития – отсюда значительная популярность работ, посвященных предпринимательским экосистемам как главной “инфраструктуре развития”. Именно с такими категориями, как “привлекательность” (инновационная, инвестиционная, культурная и т.д.) и “сила бренда” города часто связывают и его политическую субъектность, понимая ее как способность самостоятельно, без помощи национального правительства, привлекать дополнительные ресурсы, оказывая прямое или косвенное влияние на принятие соответствующих решений сторонними акторами.

Главным управленческим инструментом здесь выступает маркетинг города – “комплекс действий городского сообщества, направленных на выявление и продвижение своих интересов для выполнения конкретных задач социально-экономического развития города. В широком смысле это продвижение интересов города... способ решения задач развития города путем расширения его влияния и создания положительной репутации” [17, сс. 11-12]. Инструментарий маркетинга городов весьма обширен, однако в целом можно выделить два главных смысловых блока – материальный и нематериальный. Первый связан с продвижением зримых измерений прогресса – достижений города в транспорте,

строительстве, развитии социальной инфраструктуры, общественных пространств и сервисов и др., которые становятся символами устремленности города в лучшее будущее и даже “объектами восхищения” [18, р. 125]. Второй блок охватывает вопросы позиционирования города на базе таких составляющих, как наука, культура, социальная атмосфера, среда для бизнеса и инноваций. Накопленный городом капитал в этих двух сферах усиливает его позиции как пространства развития, притягательного для жизни и творчества. Существует множество метрик оценки международного бренда города как репрезентации такого капитала в массовом сознании. Для настоящей работы любопытной представляется методология лондонской компании *The Business of Cities*: ее составляющие дают представление о том, на какие ресурсы может опираться современный мегаполис (табл. 1).

Таблица 1. Методология анализа имиджа бренда города *The Business of Cities*
Table 1. Brand framework, *The Business of Cities*

Категория	Составляющие	Единицы анализа
активы и масштаб	“ткань города” и “зеленый” каркас	районы и архитектура, побережье, зеленые зоны
	импульс, преобразование и амбиции	экономический рост, борьба с изменением климата,
	масштаб возможностей (перспектив)	численность населения, международная вовлеченность, стратегическая связанность
комфорт для жизни	условия для жизни, функциональность, благополучие	условия для семей, единство общества (социальная сплоченность), баланс труда и личной жизни, безопасная среда
	культура и дизайн	культурные ресурсы и наследие, креативная атмосфера, идентичность и дух (ДНК) места
инновации	инновационный потенциал и прогрессивные решения	научные исследования и разработки, технологическая среда, площадки для тестирования инноваций
	цифровая инфраструктура и интеллектуальные технологии	человеко-ориентированный подход, ИКТ-инфраструктура, “умный” город
сообщество и аутентичность	ценности и подходы	идентичность, аутентичность, гостеприимство, легкость атмосферы, творческая энергия
	культурное разнообразие, готовность к диалогу, атмосфера мирового города	двуязычная среда, уважение к различиям, диалог культур, право выбора (свободомыслие)
деловая репутация и авторитет институтов	бизнес-климат	инвестиционная привлекательность, живая предпринимательская среда, простота ведения бизнеса
	институты и таланты	наука и образование, человеческий капитал, опорные институты

Источник: составлено по материалам *Helsinki on the Global Stage. Benchmarking Helsinki's Brand in a Global Context*⁹.

Каждому из этих аспектов соответствует свой набор инструментов. Так, для повышения международного статуса как центра инноваций и высоких технологий мегаполисы развивают собственные программы тестирования инновационных решений и приглашают другие города к взаимному “пилотированию” инноваций. Например, в рамках Международного форума инноваций БРИКС “Облачный город”-2023 Москва заключила такие соглашения о партнерстве с Минском, Мединой, Стамбулом и Дакаром¹⁰, а представители институтов развития из 10 стран подписали “Московскую декларацию инновационного развития”, которая зафиксировала общий подход к сотрудничеству между городами и

⁹ *Helsinki on the Global Stage. Benchmarking Helsinki's Brand in a Global Context*. Helsinki, 2020. P. 62. Available at: <https://www.hel.fi/static/kanslia/elo/benchmarking-helsinki-20.1.pdf> (accessed 10.12.2024).

¹⁰ Агентство инноваций Москвы предложит партнерам из шести стран протестировать российские разработки. *Mos.ru*, 13.09.2023. Available at: <https://www.mos.ru/news/item/129597073/> (accessed 10.12.2024).

бизнес-структурами в области совершенствования цифровых экосистем¹¹. Подобные шаги позволяют мегаполисам устанавливать коллективные правила игры, формировать общее пространство для диалога и взаимодействия.

Возвращаясь к тренду “предпринимательских городов”, важно сказать и о дискуссии, которую он вызвал в научном сообществе. Многие авторы полагают, что таким образом происходит переход городов к “постполитическому управлению”, при котором подходы к развитию и бизнес-логика постулируются как единственно разумный и оправданный базис “хорошего управления” [19, р. 2632]. К причинам этого тренда относят эрозию легитимности городских режимов, кризис политических партий, сложность поддержания лояльности избирателей и ограниченность традиционных источников роста. В этих условиях города минимизируют обращение к “политическому” и прибегают “к таким расплывчатым концептам, как креативный город, экогород, конкурентоспособный или инклюзивный город, которые подменяют собой конкретные политические понятия” [20, р. 612]. Тем самым общественная дискуссия перемещается в поле того, как именно город может стать более “устойчивым” или “креативным”, что позволяет уйти от обсуждения трудных вопросов, таких как легитимность самого городского режима, который позиционируется как исключительно технократический. При этом города “диверсифицируют свое портфолио” подходов к развитию [21, р. 9], начиная экспериментировать с новыми инструментами (проектами, партнерствами, в том числе международными), которые бы позволили добиться целей новых стратегий развития.

Значительный пласт литературы рассматривает города как субъекты политики в контексте их взаимодействия с международными организациями и участия в международных ассоциациях и форумах – например, участие в сети C40 часто рассматривается как наиболее значимый пример глобальной субъектности городов в области глобальной экологической политики. Признаками политической акторности городов в этом контексте считаются специальные форматы, такие как Глобальный урбанистический форум, посредством которых представители муниципалитетов *транслируют и лоббируют свои подходы к дизайну политики городского развития*, ее программ и инструментов. В свою очередь международные и региональные организации и объединения, такие как ООН и ЕС, реализуют специальные программы для городов, превращая их в своих партнеров. Города определяют, как именно “на местах” будут реализовываться те или иные пункты международных программ развития. Другое важное проявление их политической субъектности связано с использованием сетевых объединений с целью *оказать влияние на международные нормы и стандарты*. Фундированные исследования показывают: через формирование многосторонних партнерств с участием как государственных, так и негосударственных акторов многие из международных сетей городов стремятся внести вклад в глобальное управление и скорректировать ряд его принципов, высказываясь по вопросам, выходящим далеко за пределы муниципальной повестки дня [22, р. 173]. Можно заключить, что, опираясь на проблематику, входящую в непосредственные компетенции городских администраций, последние в ряде случаев стремятся повлиять на модели развития в значительно более широком пространственном измерении.

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА И ГЛОБАЛЬНЫЕ СЕТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ СУБЪЕКТНОСТИ

Согласно точке зрения, которую развивают такие исследователи, как Кристин Лjungkvist, политическая акторность тех городов, которые можно считать мировыми или глобальными, формируется и транслируется на местном уровне прежде всего на базе локальной коллективной идентичности [23, р. 2]. В таком случае город рассматривается как коллективный социальный актор, политическая субъектность которого проистекает из его опоры на городское сообщество. Такой подход любопытен и перспективен, так как открывает новые возможности для синтеза информации о городских режимах и участии

¹¹ Московский инновационный кластер подписал декларацию о сотрудничестве с представителями 10 стран. Информационный центр Правительства Москвы. 29.08.2023. Available at: <https://icmos.ru/news/moskovskii-innovacionnyi-klaster-podpisal-deklaraciju-o-sotrudnicestve-s-predstaviteli-10-stran> (accessed 10.12.2024).

городских сообществ в принятии решений, однако сталкивается и с серьезной критикой – прежде всего относительно наличия самого механизма трансляции интересов горожан на рассматриваемом уровне. Главным источником политической субъектности города в данной парадигме выступает его население: “нельзя отрицать, что политическая роль крупных урбанизированных регионов возрастает в том числе с расширением их территории и увеличением численности населения” [24, с. 543]. А когда жители города обращаются к поиску ответов на те или иные насущные вопросы, пишет Джон Кин, «они часто выходят за рамки орбиты “территориальной ментальности”, которая привязывает демократию к институтам территориального характера» [25]. Другими словами, этот поиск приводит их к решениям, которые позволяют сделать город более удобным, справедливым и т.п., но подразумевают формирование партнерств и осуществление совместных действий с международными структурами, представителями зарубежных компаний или общественных организаций. В результате активные горожане, “стремящиеся добиться равенства, вынуждены искать способы вмешательства в процессы, которые охватывают огромные пространства и, конечно же, не ограничены определенными территориями или контролируются исключительно суверенными государственными органами” [26, р. 876]. Результатом становится возникновение многосторонних партнерств: в рамках некоторых из них мегаполис может решать те или иные вопросы своего развития в сотрудничестве, например, с международными организациями, такими как Всемирный банк, которые готовы предоставить ему финансирование и экспертизу на более высоком уровне, чем собственное национальное правительство. Нечто подобное можно было недавно наблюдать в столице Сьерра-Леоне – Фритауне, где традиционно напряженные отношения администрации города с рядом национальных министерств значительно ограничивали собственные финансовые ресурсы города [27].

Выступая изначально предметом городской географии, с течением времени оценка взаимосвязанности городов стала широко применяться в их сравнительных исследованиях, в том числе в контексте изучения их политической субъектности. Главными индикаторами изначально выступали включенность города в международные авиапотоки, в наземные и морские транспортные сети, а также в коммуникационные сети корпораций, связывающие ее штаб-квартиру и филиалы [28]. Джон Аллен связывал субъектность города со способностью мобилизовать ее через сети, “основу которых составляют различные формы взаимодействия и обмена. В таких городах, как Нью-Йорк и Токио, высококвалифицированные специалисты, работающие в банках, представительствах зарубежных финансовых учреждений, юридических фирмах и подобных организациях, реализуют свое экономическое влияние через сети финансовых и бизнес-услуг. Такое взаимодействие позволяет им преодолевать пространственно-временные барьеры, создавая более тесные и интегрированные связи и отношения” [29, р. 2898]. Со временем категория связности стала распространяться на все более широкий круг сфер: такие авторы, как Параг Ханна стали говорить о становлении “коннектографии” как подхода к изучению влияния огромного повышения мобильности и скорости движения знаний, ресурсов, людей на умножение взаимосвязей между городами и регионами [30].

Включенность городов в те или иные взаимосвязи постулируется как главный фактор их политического влияния: так, Кент Колдер относит к главным характеристикам “глобальных политических городов” их участие в “накладывающихся друг на друга страновых и международных сетях”, при котором политические взаимодействия на этих двух уровнях часто “пересекаются или тесно смешаны” [31, р. 4]. Можно встретить и тезис о том, что динамика международного политического статуса и влияния мегаполиса напрямую зависят от его положения в “международном пространстве потоков”, таких как “сервисные, политические, информационные, финансовые, культурно-гуманитарные, научно-образовательные, интеллектуальные, товарные, ресурсные”, способности “привлекать и концентрировать значительные ресурсы сети или быть исключенным в качестве узла сети” [32, с. 128]. Распространенным методом оценки включенности города в международные взаимосвязи выступает расчет количества представительств транснациональных корпораций и международных организаций, размещенных в мегаполисе как фактора, влияющего на его политический вес: «В своих амбициях на вхождение в клуб глобальной элиты мегаполисы охотно идут на союз с МНПО, доказавшими свою эффективность как инструмента “мягкой силы”» [33, с. 213].

Опираясь на вышесказанное, можно выделить некоторые наиболее значимые, по мнению автора, форматы присутствия мегаполисов в мировом политическом пространстве (табл. 2).

Таблица 2. Примеры инструментов политического влияния мегаполисов
Table 2. Examples of Political Influence Tools Used by Megacities

Формат	Примеры содержания
городская дипломатия	участие мэров и представителей городских администраций в качестве самостоятельных игроков в международных переговорах – например, визит мэра Москвы в Пекин 17 июня 2024 г. и подписание Программы сотрудничества между Правительством Москвы и Народным правительством Пекина на 2024–2026 гг.
международный форум	Международный форум инноваций БРИКС “Облачный город” используется Москвой для выработки общих подходов и заключения партнерств с городами стран БРИКС в области технологического развития и цифровизации городов
консультативный / наблюдательный статус при международной организации	участие городов в работе Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС), Ассамблеи ООН-Хабитат, Консультативного комитета ООН по вопросам местных властей
зарубежное представительство	представительства городов ЕС в Брюсселе осуществляют лоббирование, мониторинг принимающихся решений, информирование о них своих горожан
национальный альянс	альянс крупных городов Финляндии C21, коалиция городов США за реализацию целей по борьбе с изменением климата <i>America Is All In</i> продвигают интересы городов при взаимодействии с государственными структурами, бизнесом и другими акторами
международная сеть	“Объединенные города и местные власти” работает над задачей трансформации системы международных отношений на базе децентрализованного сотрудничества, международного взаимодействия муниципалитетов и городов
городское “министерство иностранных дел”	Бюро по международным отношениям Нью-Йорка оказывает поддержку зарубежным компаниям в “приземлении” в городе и нью-йоркскому бизнесу в выходе на зарубежные рынки, продвигает подход города к устойчивому развитию через платформу <i>Urban Action</i>
соглашения с международными организациями	администрация Фритауна (Сьерра-Леоне) заключила соглашения с <i>UrbanShift</i> и Всемирным банком о финансировании ими проектов в области борьбы с изменением климата, повышения качества городского управления и сервисов
соглашения между администрациями городов, их институтами развития	соглашения о партнерстве между Москвой, Минском, Стамбулом и другими городами о взаимном пилотировании инновационных решений; Московская декларация инновационного развития о принципах совершенствования городских цифровых экосистем

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Своеобразие современного “мира городов”, с одной стороны, нашло свое отражение как в общественно-политическом дискурсе, так и на практике. Города располагают полномочиями по управлению территорией и инфраструктурой, формированию и реализации политики развития, которые легитимируются опорой на интересы городских сообществ и локальную идентичность. Мегаполисы наращивают компетенции в международной сфере – расширяют команды международных отделов и инструментарий внешнего контура политики развития [34], прибегая к широкому спектру средств, от традиционных (мероприятия, дипломатия, альянсы, лоббирование, бизнес-проекты) до сравнительно новых (бенчмаркинг, рейтинги, продвижение в новых медиа, попытки влиять на формирование норм, принципов и стандартов). Множится количество международных сетей, объединяющих города, диверсифицируется портфолио их проектов, ширится круг

партнеров; города формируют собственные стратегии борьбы с изменением климата, часто действуя независимо от политики своего государства в этой сфере, или даже вопреки ей. Города преимущественно заняты тем, чего от них ожидают – решением прагматичных вопросов, и проявления их субъектности в политической сфере связаны именно с этим процессом – формированием и реализацией политики городского развития. В то же время, опираясь на практическую повестку, города часто обсуждают вопросы политики развития в более масштабном ракурсе, вплоть до глобального. Иногда же напротив, они принципиально дистанцируются от каких-либо проявлений политического, либо тщательно маскируют их прагматическим дискурсом.

С другой стороны, национальные государства по-прежнему выступают главными конституирующими единицами мировой системы, обладающими правовым статусом и полнотой легитимности, ограничивают финансовую базу городов и их полномочия, отводят им лишь совещательный статус в принятии ключевых решений на глобальном уровне, а часто и на локальном, оставляя за городами лишь “хозяйственные” функции. В этой ситуации исследователи видят одно из главных несоответствий и “узких мест” текущей парадигмы развития. Еще в 1980 г. американский юрист, специалист в области муниципального и административного права и один из основателей направления *urban law studies* Джеральд Фруг призывал предоставить городам США широкие юридические права наподобие тех, которыми пользуются корпорации, для реализации “общественной свободы”: он полагал крайне странным тот факт, что права корпораций неукоснительно соблюдаются и защищаются, тогда как города не имеют реальной власти [35]. Можно встретить мнение, что необходимость следовать в фарватере государства сформировала “эффект колеи” и даже “выученной беспомощности” относительно развития города как политического субъекта: “Отсутствие у городов свободных финансовых ресурсов, а также необходимость сосредотачиваться на задачах, делегированных государством, существенно осложняет выполнение подобных инициатив. Однако еще более значимым фактором является недостаток уверенности городских властей в собственной способности формулировать самостоятельную повестку – установка, сформировавшаяся за долгие годы подчинения требованиям вышестоящих органов власти. Эта инерция мышления, вероятно, даже исключает саму возможность возникновения такого понимания функций города” [36, p. 163].

С таким заявлением трудно согласиться, учитывая широкое разнообразие форматов и инструментов, посредством которых города де-факто заявляют о своей акторности. Действительно, города исторически служили проводниками влияния государств, и сегодня выступают в качестве таковых. Например, Саймон Кертис и Иэн Клаус доказывают, что Китай оказывает серьезное влияние на развитие городов по всему миру (через инфраструктурные и энергетические проекты), связывая их в единую сеть, распространяя свои нормы, ценности и подходы, закладывая тем самым основы для “международного общества нового типа” [37]. Эти авторы убеждены, что, например, успешная реализация инициативы “Пояса и пути” позволит Китаю создать международный режим, при котором города по всему миру будут связаны между собой через экономические и технологические стандарты КНР, что приведет к утрате доминирования западной (либеральной) модели “глобального города”. Собственные интересы через программы содействия развитию, инвестиционные и другие проекты продвигают через городских стейкхолдеров ЕС, США, Великобритания, глобальные корпорации.

Тем не менее проведенное исследование позволяет заключить, что мегаполисы обладают особой политической субъектностью, природа которой схожа с природой субъектности негосударственных акторов, таких как корпорации, и обладают рычагами влияния для ее реализации на практике, опираясь как на материальные, так и на нематериальные ресурсы для продвижения собственных подходов к развитию и реализации их на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pignon T. *The Rise of Cities and the Problem of Political Agency in the Global Age*. University of Cambridge, 2023. 224 p. Available at: <https://www.repository.cam.ac.uk/bitstreams/7b04efa5-19e0-403e-9a90-c73989893d6e/download> (accessed 10.12.2024).
2. Bloomberg M. City Century: Why Municipalities Are the Key to Fighting Climate Change. *Foreign Affairs*, September–October 2015. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/world/city-century> (accessed 10.12.2024).
3. Barber B. *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. New Haven, Yale University Press, 2013. 416 p.
4. *Fulfilling America's Pledge. How States, Cities, and Businesses Are Leading the United States to a Low-Carbon Future*. Bloomberg Philanthropies, 2018. 172 p. Available at: <https://www.bbhub.io/dotorg/sites/28/2018/09/Fulfilling-Americas-Pledge-2018.pdf> (accessed 10.12.2024).
5. Oosterlynck S., Beeckmans L., Bassens D., et al. eds. *The City as a Global Political Actor*. London, Routledge, 2018. 296 p. <https://doi.org/10.4324/9780203701508>
6. Creutz K. *Cities as Global Actors. Bringing Governance Closer to the People*. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, 2023. 7 p. Available at: https://fia.fi/wp-content/uploads/2023/02/bp354_cities-as-global-actors_katja-creutz.pdf (accessed 10.12.2024).
7. Aust H.Ph., Nijman J.E., Marcenko M. *Research Handbook on International Law and Cities*. Edward Elgar Publishing, Inc., 2021. 479 p. DOI: 10.4337/9781788973281
8. Schragger R. *City Power: Urban Governance in a Global Age*. Oxford University Press, 2016. 336 p.
9. Тыканова Е.В., отв. ред. *Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации*. Москва, Санкт-Петербург, ФНИСЦ РАН. 2024. 264 с. [Tykanova E.V., ed. *Urban Asymmetries: Policies, Practices, and Representations*. Moscow, St. Petersburg, FCTAS RAS, 2024. 264 p. (In Russ.)] DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-434-5.2024
10. Cole A., Payre R., eds. *Cities as Political Objects*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2018. 320 p.
11. Stone C. Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs*, 1993, vol. 15, no. 1, pp. 1-28. DOI: 10.1111/j.1467-9906.1993.tb00300.x
12. Окунев И.Ю., Шестакова М.Н., сост. *Политическая география: современная российская школа. Хрестоматия*. Москва, "Аспект Пресс", 2022. 544 с. [Okunev I.Yu., Shestakova M.N., comp. *Political Geography: Modern Russian School. Anthology*. Moscow, 'Aspekt Press', 2022. 544 p. (In Russ.)]
13. d'Albergo E., Lefèvre C. Constructing Metropolitan Scales: Economic, Political and Discursive Determinants. *Territory, Politics, Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 147-158. DOI: 10.1080/21622671.2018.1459203
14. Curtis S., ed. *The Power of Cities in International Relations*. London, New York, Routledge, 2014. 200 p. DOI: 10.4324/9781315851495-3
15. Amen M., Toly N.J., McCarney P.L., Segbers K. *Cities and Global Governance. New Sites for International Relations*. London and New York, Routledge, 2011. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9781315572086>
16. Pejic D., Kling S., Leavesley A., et al. *City Diplomacy in Response to Multiple Crises: The 2024 Cities and International Engagement Survey*. Melbourne Centre for Cities, 2025. 19 p. DOI: 10.26188/26866966
17. Визгалов Д.В. *Маркетинг города*. Москва, Фонд "Институт экономики города", 2008. 110 с. [Vizgalov D.V. *City Marketing: Practical Guide*. Moscow, The Institute for Urban Economics, 2008. 110 p. (In Russ.)]
18. Kaika M., Swyngedouw E. Fetishizing the Modern City: The Phantasmagoria of Urban Technological Networks. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2021, vol. 24, no. 1, pp. 120-138. DOI: 10.1111/1468-2427.00239
19. MacLeod G. Urban Politics Reconsidered: Growth Machine to Post-Democratic City? *Urban Studies*, 2011, no. 48, pp. 2629-2660. DOI: 10.1177/0042098011415715
20. Swyngedouw E. The Antinomies of the Postpolitical City: In Search of a Democratic Politics of Environmental Production. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, no. 33, pp. 601-620. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2009.00859.x
21. Lauermaun J. Municipal Statecraft: Revisiting the Geographies of the Entrepreneurial City. *Progress in Human Geography*, 2016, no. 42(2), pp. 205-224. DOI: 10.1177/0309132516673240
22. Jakobi A.P., Loges B., Haenschen R. What Do International City Networks Contribute to Global Governance? Towards a Better Conceptual and Empirical Assessment. *Global Society*, 2025, vol. 39, no. 2, pp. 158-180. DOI: 10.1080/13600826.2024.2356815
23. Ljungkvist K. *The Global City 2.0. From Strategic Site to Global Actor*. London, Routledge, 2015. 230 p. DOI: 10.4324/9781315694146
24. Вульфович Р.М., Майборода В.А. Политическая и публично-правовая субъектность городских агломераций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 2023, т. 25, № 3, сс. 539-552. [Vulfovich R.M., Mayboroda V.F. Political and Public-Legal Subjectivity of Urban Agglomerations. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 539-552. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-539-552
25. Oleinikova O., Bayeh J., ed. *Democracy, Diaspora, Territory: Europe and Cross-Border Politics*. London, Routledge, 2019. 190 p. <https://doi.org/10.4324/9780429298707>
26. Iveson K., Tattersall A. Democratising Cities: Introduction. *City*, 2023, vol. 27, no. 5-6, pp. 869-889. DOI: 10.1080/13604813.2023.2271247
27. Macarthy J.M. *Freetown: City Report. ACRC Working Paper 2024-16*. Manchester, African Cities Research Consortium, The University of Manchester, 2024. 76 p. Available at: https://www.african-cities.org/wp-content/uploads/2024/06/ACRC_Working-Paper-16_June-2024.pdf (accessed 10.12.2024).
28. Taylor P.J., Derudder B. *World City Network: A Global Urban Analysis*. London, Routledge, 2015. 250 p. DOI: 10.4324/9781315730950

29. Allen J. Powerful City Networks: More Than Connections, Less Than Domination and Control. *Urban Studies*, 2010, vol. 47, no. 13, pp. 2895-2911. DOI: 10.1177/0042098010377364
30. Khanna P. *Connectography. Mapping the Global Network Revolution*. London, Weidenfeld & Nicolson, 2016. 496 p.
31. Calder K.E. *Global Political Cities. Actors and Arenas of Influence in International Affairs*. Washington, Brookings Institution Press, 2021. 286 p.
32. Колыхалов М.И. Транснациональная городская сеть: основные свойства и характеристики, вопросы генезиса. *Мировая экономика и международные отношения*, 2025, т. 69, № 1, сс. 123-130. [Kolykhalov M. Transnational Urban Network: Basic Properties and Characteristics, Genesis Issues. *World Economy and International Relations*, 2025, vol. 69, no. 1, pp. 123-130. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-123-130
33. Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2020, т. 13, № 1, сс. 203-226. [Sluka N.A., Karyakin V.V., Kolyasev E.F. Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 203-226. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11
34. Kosovac A., Hartley K., Acuto M., Gunning D. City Leaders Go Abroad: A Survey of City Diplomacy in 47 Cities. *Urban Policy and Research*, 2021, vol. 39, no. 2, pp. 127-142. DOI: 10.1080/08111146.2021.1886071
35. Frug G.E., Barron D.J. *City Bound: How States Stifle Urban Innovation*. Cornell University Press, 2011. 280 p.
36. Frug G.E. The City as a Legal Concept. *Harvard Law Review*, 1980, vol. 93, no. 6, pp. 1057-1154. DOI: 10.2307/1340702
37. Curtis S., Klaus I. *The Belt and Road City: Geopolitics, Urbanization, and China's Search for a New International Order*. Yale University Press, 2024. 272 p. DOI: 10.12987/9780300277227

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

© САДОВАЯ Е.С., ЮРЕВИЧ М.А., 2025

САДОВАЯ Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (Sadvaja.elena@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-0553-3047

ЮРЕВИЧ Максим Андреевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социальной политики и рынка труда отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (yurevm@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2986-4825

Садоя Е.С., Юевич М.А. Межпоколенческий анализ в исследовании социальной динамики. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 4, сс. 49-60. DOI: 10.20542/afij-2025-4-49-60 EDN: RPFJEM

DOI: 10.20542/afij-2025-4-49-60

EDN: RPFJEM

УДК: 331.5+316.64

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 14.05.2025.

После доработки 11.06.2025.

Принята к публикации 20.06.2025.

В статье исследуется социальная динамика эпохи трансформации мироустройства. Авторы привлекают методы межпоколенческого анализа для прогноза развития ситуации в сфере занятости, а также социальной ситуации в целом. Изменения неодинаково концентрируются в разных поколениях, что делает молодежь ключевой группой для анализа направленности этих процессов. Распространение платформенной занятости – новый глобальный тренд, не только меняющий традиционные трудовые отношения, но и перестраивающий структуру общества. В итоге молодое поколение сталкивается сегодня с растущей неустойчивостью, снижением качества рабочих мест, депрофессионализацией и ухудшением своего материального положения, несмотря на более высокий уровень образования по сравнению с предыдущими поколениями, постиндустриальный характер занятости. Распространение платформенного труда, рост *NEET*-молодежи и структурные дисбалансы рынка труда (например, разрыв между профессиональными предпочтениями молодежи и реальным спросом на рабочую силу) свидетельствуют о нарастании кризисных явлений. При этом платформенная занятость не рассматривается авторами в качестве их фактора. Подчеркивается, что ее все более широкое распространение – лишь показатель истощенности механизмов развития прежней системы мироустройства. Последствия трансформации, обусловленной платформизацией занятости, далеко не исчерпываются исключительно социально-экономическими аспектами, они гораздо глубже по воздействию на всю общественную динамику. В статье подробно исследуются ее социально-политические

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

эффекты, в том числе рост социального иждивенчества и одновременно социальной аномии. Сделан вывод о том, что поиск механизмов адаптации молодых поколений к переменам и создание позитивного образа будущего становятся условием выживания общества в ситуации разворачивающегося системного кризиса.

Ключевые слова: платформенная занятость, молодежь, рынок труда, социальная трансформация, межпоколенческий анализ, *NEET*, депрофессионализация.

Вклад авторов: Садовая Е.С. – теоретико-методологическая концепция исследования, написание и редактирование текста; Юревич М.А. – участие в написании текста, расчеты и визуализация материала.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

INTERGENERATIONAL ANALYSIS IN THE STUDY OF SOCIAL DYNAMICS

Original article

Received 14.05.2025. Revised 11.06.2025. Accepted 20.06.2025.

Elena S. SADOVAYA (Sadovaja.elena@yandex.ru), ORCID 0000-0002-0553-3047,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Maksim A. YUREVICH (maksjuve@gmail.com), ORCID 0000-0003-2986-4825,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article examines the profound transformations of the labor market and their impact on the position of youth in modern society. The changes are not evenly distributed among different generations, making young people a key group for analyzing the direction of these processes. With the use of intergenerational analysis, the authors make a prediction of how the situation in employment sphere and in society as a whole can develop. Special attention is paid to platform employment as a new global trend that not only alters traditional labor relations but also reshapes the social structure. The study shows that the younger generation today faces increasing employment instability, deprofessionalization and declining job quality, despite having a higher level of education compared to previous generations. The spread of platform labor, the rise of youth NEETs (not in education, employment or training) and structural imbalances in the labor market (e.g., the mismatch between young people's career aspirations and actual labor demand) indicate a systemic crisis. The socio-political consequences of these changes include declining social mobility, growing pessimism, a generational value gap and other challenges. It is emphasized that the erosion of the 'wage-earner society' model leads to the loss of social guarantees and the formation of a new 'welfare clientele'. As a result, young people increasingly find themselves in a state of strategic uncertainty, manifested in rising drug use, aggression and social anomie. The conclusion highlights that modern challenges require the younger generation not only to adapt to new conditions but also to be prepared for radical changes. The future sustainable development of society will depend on the ability of youth to overcome crisis phenomena, despite the lack of clear prospects characteristic of the current era.

Keywords: platform employment, youth, labor market, social transformation, intergenerational analysis, *NEET*, deprofessionalization.

About the authors:

Elena S. SADOVAYA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Department, Department for Complex Socio-Economic Research, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Maksim A. YUREVICH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector for Social Policy and Labour Market Studies, Department for Complex Socio-Economic Research, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Authors' contribution: *Sadovaya E.S. – theoretical and methodological concepts of research, writing and editing the text; Yurevich M.A. – participation in writing the text, calculating and visualizing the material.*

Competing interests: *the authors declare no conflicts of interest, financial or otherwise.*

Funding: *no funding was received for conducting this study.*

For citation: Sadovaya E.S., Yurevich M.A. Intergenerational Analysis in the Study of Social Dynamics. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 49-60. DOI: 10.20542/afj2025-4-49-60 EDN: RPFJEM

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в мире тектонические сдвиги требуют глубокого осмысления. Для понимания характера, направлений и последствий их социальных аспектов целесообразно использовать методологические возможности межпоколенческого анализа, поскольку сейчас различные демографические когорты оказываются в неодинаковом положении [1]. Молодые люди, только вступающие в жизнь, сталкиваются с новой экономической, технологической и социальной реальностью раньше остальных. Концентрация внимания на этой социальной группе имеет значительный прогностический потенциал.

Научных и публицистических работ, авторы которых рисуют социологические “портреты” разных поколений, много [2]. Понятия “миллениалы”, “зуммеры”, “поколения X, Y и Z” заняли прочное место в современном общественном дискурсе. Однако публицистичность и несистемность толкования характеристик поколений, отсутствие строгой идентификации зачастую приводят к их ситуативному и произвольному использованию. Характеристики, которые даются поколениям, нередко “вводят в заблуждение и не соответствуют научным принципам социальных исследований”¹.

На наш взгляд, методологически обоснованным и весьма продуктивным представляется анализ условий формирования молодых поколений, исходя из идеи К. Мангейма о том, что “местоположение поколения в истории полностью определяется темпом и последствиями социальных изменений” [1]. Важнейшие из них происходят в сфере труда, ведь на протяжении всей истории человечества именно трудовая деятельность составляла основное содержание общественных отношений. Исследование особенностей положения молодежи на рынке труда – важная составляющая общего прогноза вектора социальных изменений.

Одной из основных тенденций трансформации занятости стала ее платформизация “как способ согласования спроса и предложения на оплачиваемую работу с помощью онлайн-платформ” [3]. Фактически возник новый формат трудовых отношений, что позволяет характеризовать происходящее как “революцию платформ” [4]. Речь идет об изменении формата связей между основными субъектами в сфере занятости, а следовательно, о преобразовании характера общественных отношений.

Данные Всемирного банка за 2023 г. свидетельствуют, что платформенная занятость уже распространилась гораздо шире, чем предполагалось изначально. По оценкам, в мире сейчас каждый восьмой работающий получает оплачиваемую работу через

¹ Callaham S. Pew Research Center: New Stance on Generational Labels, with a Caveat. *Forbes*, 28.05.2023. Available at: <https://www.forbes.com/sites/sheilacallaham/2023/05/28/pew-research-center-new-stance-on-generational-labels-with-a-caveat/> (accessed 04.05.2025).

краудворкинговые платформы [5]. Эксперты заявляют о “поистине драматичном характере изменений, происходящих в сфере труда” [6], имея в виду их негативные социальные последствия.

Подчеркнем, что платформенная занятость не может рассматриваться в качестве фактора общественной трансформации. Скорее, она является ее формой, причем не только в сфере труда, и шире – механизмом, через который она реализуется [7]. Растущая неустойчивость положения молодежи – следствие фундаментальной трансформации социума и одновременно индикатор ее направления, высвечивающий главный вектор общественной динамики.

За рубежом влияние новых технологий на сферу труда, прежде всего сокращение занятости в наиболее трудоемких секторах экономики в последние годы изучено достаточно глубоко. Выводы однозначны: цифровые технологии таят в себе серьезную угрозу занятости [8; 9; 10; 11]². В России исследователи приходят к аналогичным заключениям [12].

Дилемма заключается в том, что углубление разделения труда ведет к увеличению числа профессий, но одновременно сокращает спрос на труд человека. Эмпирически подтверждается, что хотя число профессий растет, благодаря повышению технологичности современного производства они становятся все более “малолюдными” в противовес массовым профессиям индустриальной эпохи [13]. В основе этого феномена лежат факторы организационно-технологического и политико-экономического характера, что позволяет констатировать его системный и долгосрочный характер.

Важно, что ухудшение ситуации на рынке труда (прежде всего для молодежи) проявляется не столько в сокращении рабочих мест и росте безработицы (хотя это имеет место), сколько в изменении качества занятости. Главная причина – сокращение рабочих мест, имеющих индустриальный характер³. Снижение качества молодежной занятости проявляется также в сокращении конкурентных преимуществ работника, обусловленном растущей “раздробленностью информации” (Э. Тоффлер), ведущей к превращению его во все более “частичного” и узкофункционального. Все это значительно затрудняет карьерную реализацию молодых людей, только вступающих сейчас в трудовую жизнь.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Итак, широкое распространение платформенных форматов занятости (а точнее, трудовых отношений) – новый глобальный тренд. Достаточно сказать, что, по данным Всемирного банка, в мире на конец 2023 г. действовало 545 платформ для удаленной работы, обслуживающих клиентов в 186 странах⁴. Хотя статистическое измерение количества платформенных работников сталкивается со значительными сложностями [14], практически все исследования фиксируют тот факт, что новые форматы найма в наибольшей мере распространены среди молодежи. Косвенно представление о степени их распространенности дают данные по росту самозанятости, поскольку платформенные работники, как правило, работают именно в таком юридическом статусе, что характерно для всех без исключения стран [15; 16; 17].

Новый формат занятости часто трактуется как переходный, позволяющий молодежи полноценно инкорпорироваться в рынок труда. Платформенная работа в данном случае рассматривается экспертами в контексте обеспечения более свободного доступа к рабочим местам, “гибкости рынка” и “ступеньки к качественной работе” [15; 16].

² Briggs J., Kodnani D. Global Economics Analyst. The Potentially Large Effects of Artificial Intelligence on Economic Growth. *Global Economics Analyst*, 26.03.2023. Available at: <https://www.gspublishing.com/content/research/en/reports/2023/03/27/d64e052b-0f6e-45d7-967b-d7be35fabd16.html> (accessed 04.05.2025).

³ Индустриальный характер рабочих мест подразумевает в данном случае присущую развитому индустриальному обществу безусловную социальную защищенность работника, а не труд на промышленных предприятиях (подробнее см. [7]).

⁴ Demand for Online Gig Work Rapidly Rising in Developing Countries. World Bank Group. 07.09.2023. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/09/07/demand-for-online-gig-work-rapidly-rising-in-developing-countries> (accessed 04.05.2025).

Популярно мнение, что распространенная среди молодого поколения нестандартная занятость обусловлена изменением его ценностных установок. Современная молодежь не ставит финансы и престиж на первое место среди своих приоритетов, отдавая предпочтение творчеству, свободному времени, самореализации (подробнее см.: [18; 19]). Она любит себя, а не деньги^{5,6}.

Эксперты также предполагают, что предпочтение неформальной занятости официальным трудовым договорам, характерное для большинства индивидуальных предпринимателей и фрилансеров, работающих через платформы, связано со сложностью и высокой стоимостью официального найма [20]. Таким образом, многие объяснения сводятся к изменившемуся менталитету молодежи, добровольности выбора ею нового формата своего существования в сфере занятости.

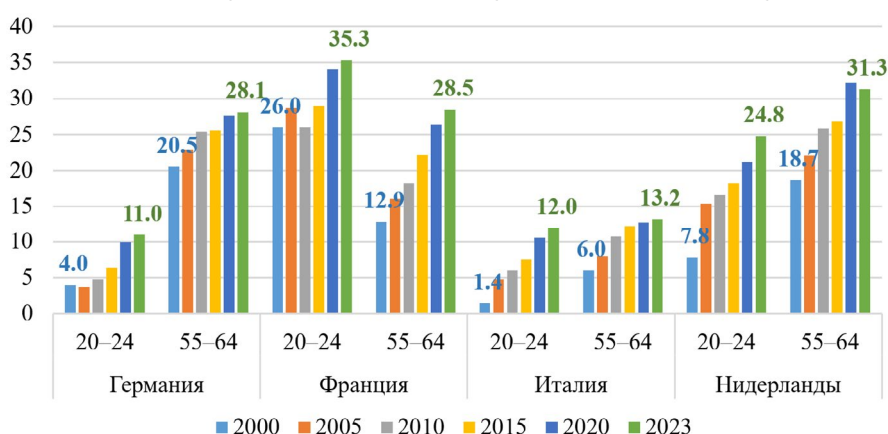
Уместно вспомнить и о том, что платформенные форматы занятости объективно доступнее для более юных именно в силу владения ими новыми цифровыми технологиями. К примеру, по состоянию на 2023 г. 70% граждан ЕС в возрасте 16–24 лет владели цифровыми навыками (информационная грамотность, интерактивная коммуникация, создание цифрового контента, решение проблем и навыки безопасности) как минимум на базовом уровне. В возрастной группе 65–74 года аналогичный уровень цифровых компетенций имелся лишь у 28% опрошенных⁷. Поколение Z недаром называют “цифровыми аборигенами”, а “цифровой разрыв” можно рассматривать как значимый фактор гораздо менее активного участия старших возрастов в платформенной занятости.

Все перечисленные аргументы растущего распространения платформенных форматов занятости среди молодежи в какой-то степени можно принять. Однако считать их исчерпывающими вряд ли правомерно, учитывая серьезные социальные издержки, обусловленные новым форматом трудовых отношений [5; 15; 16]. Молодежь чувствует себя на рынке труда все менее защищенной, несмотря, кстати, на свой достаточно высокий образовательный уровень и зачастую высокий профессиональный статус.

Официальная статистика Евросоюза показывает, что нынешняя молодежь действительно может считаться более образованной по сравнению с предыдущими поколениями (рис. 1).

Рисунок 1. Страны Евросоюза: доля работников с высшим образованием в общей численности занятых в младшей и старшей возрастных группах

Figure 1. EU Countries: Percentage of Workers with a Higher Education in Younger and Older Workers

Источник: составлено авторами по данным Eurostat⁸.

⁵ Dinah W.B. Gen Z Could Soon Pose Greater HR Challenges. *SHRM HR Magazine*, July 2014. Available at: <https://www.ohioshrm.org/shrmchapters/butler/documents/July2014Newsletter.pdf> (accessed 04.05.2025).

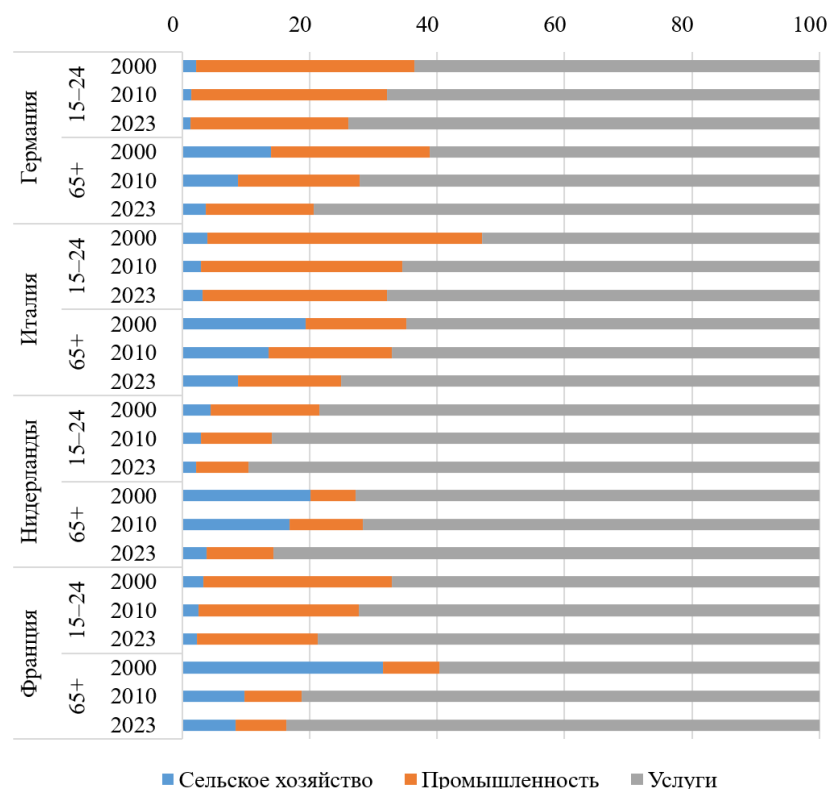
⁶ От бумеров до зумеров: поколенческий разрыв на рынке труда. Школа управления Сколково. 30.09.2024. Available at: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/ot-bumerov-do-zumerov-pokolencheskij-razryv-na-rynke-truda/?ysclid=ma8q5vqgew844960055> (accessed 04.05.2025).

⁷ Skills for the Digital Age. Eurostat. April 2024. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Skills_for_the_digital_age (accessed 04.05.2025).

⁸ Eurostat Database. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 04.05.2025).

Одновременно увеличился средний возраст студентов и время их пребывания в рамках высшего учебного заведения. Например, в среднем по странам ЕС средний возраст выпускников бакалавриата возрос с 23 лет в 2013 г. до 25 лет в 2022 г., а выпускников магистратуры – с 26 до 28 лет⁹. Современная образованная молодежь занята сегодня преимущественно в сфере услуг (рис. 2).

Рисунок 2. Страны Евросоюза: отраслевая структура занятости в младшей и старшей возрастных группах, %
Figure 2. EU Countries: Sectoral Structure of Employment in Younger and Older Workers, %

Источник: составлено авторами по данным ILOstat¹⁰.

В целом аналогичны данные по молодежной занятости в США [21]. Как показывают исследования Международной организации труда (МОТ), тенденция “терциализации” занятости сохраняется во всех без исключения странах и регионах мира. Напротив, доля молодежи, работающей в сельском хозяйстве и промышленности, устойчиво сокращается практически везде. Исключение составляют некоторые страны Юго-Восточной Азии, однако и здесь рост молодежной занятости в индустриальной сфере существенно замедляется.

Интересно, что основная часть молодежи, занятой в сфере услуг, трудится на рабочих местах низкой и средней квалификации – в торговле, сфере гостеприимства, доставке и других видах услуг. Ее участие в высокотехнологичных и высокодоходных секторах сферы услуг, таких как связь, финансы, страхование достаточно невелико [16].

То, что молодые люди, особенно в развитых странах, живут сегодня в постиндустриальной реальности – очевидный факт. Они не только работают преимущественно в третичном секторе, но сюда же устремлены их профессиональные предпочтения. По данным обследования PISA-2022, которое проводится среди юношей и девушек в возрасте 15 лет, в пятерку наиболее популярных карьерных предпочтений входят врачи, юристы, архитекторы, проектировщики, геодезисты и дизайнеры, общественные и религиозные деятели, творческие работники и артисты-исполнители [22].

⁹ OECD Data Explorer. Available at: <https://data-explorer.oecd.org> (accessed 04.05.2025).

¹⁰ ILOstat. Available at: <https://ilostat.ilo.org/data/> (accessed 04.05.2025).

Однако далеко не всегда работу в сфере услуг можно охарактеризовать как общественно полезную. В 2013 г. свет увидела книга Д. Грэбера “О феномене бессмысленной работы”. В ней автор дал негативную характеристику постиндустриальной “профессиональной” деятельности¹¹. Неудивительно, что сегодня работодатели в США не могут заполнить вакансии высококвалифицированных рабочих, хотя уровень зарплат “синих воротничков” ощутимо выше, чем в сфере услуг¹². Налицо серьезные структурные дисбалансы рынка труда – установки молодых людей на выбор профессии не соответствуют структуре спроса на рабочую силу, а наиболее востребованная у молодежи занятость в постиндустриальной экономике не приносит достаточного дохода. Налицо отличие от 90-х годов прошлого века, когда спрос на рабочую силу формировался в высокодоходных отраслях финансового сектора – банках, страховании, трейдинге.

Еще одна проблема, вызывающая тревогу у работодателей, получила название “квалификационной ямы” (термин изобретен специалистами компании BCG). Она заключается в том, что при более чем достаточном количестве рабочей силы экономика в целом и конкретные компании испытывают острую нехватку квалифицированных специалистов. Отчасти ситуация объясняется резким ускорением технологических изменений. В одном из недавних докладов Всемирного экономического форума приводятся данные, согласно которым в 2016 г. руководители компаний считали, что через пять лет более 1/3 работников не будут соответствовать новым квалификационным требованиям, а в 2023 г. их доля оценивалась уже в 44% [23, р. 37].

Одновременно выясняется, что формально высокий уровень образования молодежи на деле оборачивается значительным ухудшением ее качественных характеристик как рабочей силы. В исследовании, проведенном в рамках Программы ОЭСР по международной оценке компетенций взрослых (PIAAC) в 2023 г., констатируется серьезное снижение у молодежи базовых навыков, “являющихся основополагающими для личного, экономического и общественного развития” – математических знаний и грамотности [24]. В значительной мере это следствие ухудшения качества самого образования, связанного с его перманентным реформированием.

Ситуация усугубляется сегментацией современного рынка труда. Сегодня кардинально изменились требования к работникам, их уровню компетенций и образования в связи с развитием технологий [25; 26]. Однако это касается относительно немногочисленной группы занятых на высокотехнологичных производствах. Для значительной части молодых людей остались рабочие места в низкотехнологичных отраслях сферы услуг, которые они могут занять, лишь трудоустроившись через платформы “по запросу”.

Такая занятость носит неустойчивый характер, причем не только с точки зрения отсутствия социальной защиты работающего, но и ввиду необходимости часто менять как место, так и вид работы. Некоторые эксперты констатируют даже появление особого рода “платформенного профессионализма” – специальных навыков, позволяющих работнику эффективно взаимодействовать с платформами [27]. Другие говорят о массовой депрофессионализации платформенной рабочей силы [28]. Мы согласны с ними – во всяком случае, если в понятие “профессионализм” вкладывать привычное содержание. Неслучайно сегодня наряду с “белыми” и “синими воротничками” на рынке труда появился “безворотничковый” (читай: депрофессионализированный) сегмент.

Характеристика положения молодого поколения на современном рынке труда будет неполной, если не упомянуть о *NEET*-молодежи (*Not in Employment, Education or Training*). Этот феномен, появившись относительно недавно, стал сегодня заметным в развитых странах. По данным за 2024 г., в Европе ничем не занят и не стремится ничем заниматься практически каждый восьмой молодой человек в возрасте 18–29 лет¹³. Проблема достаточно полно

¹¹ Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs. *Striket!*, August 2013. Available at: <https://strikemag.org/bullshit-jobs/> (accessed 04.05.2025).

¹² Perna M. Why Gen Z Can Solve the Skilled Labor Shortage Crisis. *Forbes*, 17.10.2023. Available at: <https://www.forbes.com/sites/markcperna/2023/10/17/why-gen-z-can-solve-the-skilled-labor-shortage-crisis/> (accessed 04.05.2025).

¹³ Eurostat Database...

представлена в современном научном дискурсе [15; 29]. Не останавливаясь на ней подробно, отметим лишь, что в ней, как в капле воды, отразилась ситуация постепенного разрушения формировавшегося с середины XX в. представления, отчасти мифа, о постиндустриальном обществе. Его создателям (Дж. Гэлбрейту, Д. Беллу, О. Тоффлеру) будущее виделось безоблачным. Но и позднее З. Бауман, Р. Инглхарт, Ч. Лэндри, Р. Флорида, считавшие, что сфера труда изменится радикально, что стабильности в этом обществе будет гораздо меньше, все же предсказывали молодежи творческую, интересную, наполненную жизнь [30; 31; 32; 33]. Сегодня реальность все больше расходится с такими радужными представлениями.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ТРУДА

Анализ структурных сдвигов в занятости молодежи позволяет сделать некоторые выводы о социально-политических последствиях происходящих изменений, а также спрогнозировать возможные вызовы для общественного развития. Происходящая трансформация рынка труда приводит не просто к его сегментации, депрофессионализации части работающих, но к снижению общего уровня компетентности, культуры производства. Как ни странно, слесарь 6–7 разряда, умеющий читать чертежи и самостоятельно реализовывать решения инженерного уровня, гораздо более квалифицирован, нежели современные специалисты, работающие на высокотехнологичном оборудовании, оснащенном элементами “искусственного интеллекта” (ИИ). Усложнение технологий требует гораздо меньшего числа высококвалифицированных работников, которые реально “знают как”, остальные же деквалифицируются, оказываясь вспомогательными элементами сложных алгоритмов. Потребность в рабочей силе в целом сокращается. В результате за низкоквалифицированные рабочие места начинают конкурировать люди с относительно высоким уровнем образования, что не может не сказываться на их доходах [34].

В итоге одним из основных последствий трансформации занятости стал слом существовавшей со второй половины XX в. тенденции, согласно которой каждое следующее поколение молодых людей жило лучше своих родителей. Сегодня она перестала работать. Более того, в 2010-е годы появился целый ряд исследований, в которых ухудшающееся положение молодежи на рынке труда, наблюдающееся с конца 90-х годов прошлого века, анализируется в терминах “потерянного поколения” [35; 36]¹⁴. Истоки такой “потерянности” усматриваются уже не столько в безработице и невозможности в этой связи реализовать себя в общественно-полезной деятельности, сколько в том, что занятость перестала служить в качестве социального лифта. Особенно ярко это проявляется в развитых странах.

Так, результаты исследования межпоколенческой классовой мобильности, полученные в ходе кросс-секционного анализа возрастных когорт по данным Национального обследования развития ребенка (NCDS) и Британского обследования когорт (BCS) и сопоставимые со сделанными ранее кросс-секционными оценками по данным Общего обследования домохозяйств (GHS) для Великобритании, зафиксировали, что “в рамках существующей структуры общества невозможен возврат к ситуации середины XX в., когда шансы на восходящую мобильность увеличивались для всех социальных групп” [37]. Аналогичная тенденция наблюдается и в США, позволяя исследователям констатировать “угасание американской мечты” и фиксировать ситуацию, при которой “нынешнее молодое поколение страны – первое в новейшей истории США, которое сталкивается с реальной угрозой падения своего уровня жизни по сравнению со своими родителями” [38; 39].

Проблема, очевидно, выходит за рамки дискурса “равенства возможностей” Дж. Роулза, поскольку обусловлена не столько ростом неравенства, сколько общим падением уровня жизни населения, прежде всего молодых поколений. Наблюдаемые негативные тенденции оказываются не результатом структурных недостатков современного рынка труда, а проявлением некоего системного кризиса.

¹⁴ Henley J. Meeting the EU's Lost Generation. *The Guardian*, 06.06.2013. Available at: <https://www.theguardian.com/world/blog/2013/jun/06/meeting-eu-lost-generation-jon-henley> (accessed 04.05.2025).

Последствия платформизации занятости не исчерпываются исключительно социально-экономическими аспектами, они воздействуют на всю общественную динамику. Анализ тенденций развития занятости в разрезе поколений позволяет более четко зафиксировать процесс размывания основ общества, которое Р. Кастель обозначал как “общество наемных работников”, акцентируя внимание на “мощных, гарантированных социальным государством системах покрытия рисков”, подчеркивая, что социальное государство сформировалось “на пересечении рынка и труда” [40, pp. 8, 20]. Действительно, все остальные изменения современного общества – его структуры, политического устройства – можно признать производными от этого базиса.

Развивая концепцию социального государства, Р. Кастель акцентировал внимание на том, что оно обеспечивает человеку возможность не только не испытывать материальных затруднений, но чувствовать себя полноценной частью общества [40]. Однако трудно быть активным строителем жизни, если работа не обеспечивает приемлемого уровня жизни, или ты вынужден жить за счет пособий или родителей, как представители *NEET*-молодежи. Это совершенно иной тип личности по сравнению с тем, который доминировал на протяжении XX в.

Глубокое, на наш взгляд, наблюдение сделал по этому поводу Л.Г. Фишман. Он отметил отсутствие в современном общественно-политическом дискурсе «влиятельных утопий, являющихся суть выражением устремлений “поднимающихся” классов», и, напротив, выход на историческую сцену “страдающих социальных групп” [41, с. 121]. Правда, под последними он подразумевал прекариат, тогда как сейчас на авансцену выходит новый класс – “клиентура социального обеспечения” (Дж. Хекман). В итоге “происходит смещение (общественно-политического дискурса. – **Авт.**) в сторону получения компенсации за утраченную субъектность, поскольку возможностей для сохранения старой субъектности или выработки новой становится все меньше, особенно для молодежи” [41, с. 123]. Отсутствие позитивного образа будущего объясняет существенный рост наркотизации молодежи [42], рост пессимизма¹⁵, агрессии как формы социального действия [43].

Исследователи констатируют наличие серьезного ценностного межпоколенческого разрыва, не сводимого к традиционному конфликту “отцов и детей” [44]. Как отмечает В.В. Радаев, “речь идет не просто о серьезных изменениях восприятия и поведенческих практик, но о переходе поколений в ситуацию своего рода параллельного сосуществования” [45]. Молодежь сегодня, действительно, живет в реальности, отрицающей в значительной мере предыдущую систему ценностей – “священность” собственности (пропаганда шерингового потребления), “достижительность” традиционных целей, важность семьи и детей.

Все это кардинальным образом меняет современное общество. В нем противоречиво уживаются две разнонаправленные тенденции, что свидетельствует о нарастании кризисных явлений. С одной стороны, достигнутый уровень разделения труда вкупе с угрозами занятости, порождаемыми технологизацией производства, делает человека крайне зависимым от систем социальной поддержки и порождает социальное иждивенчество. А с другой – ведет к разрыву социальных связей, “социальной аномии”, “социальной инвалидности” (Р. Кастель).

Неустойчивость положения, неуверенность в будущем, отсутствие его позитивного образа, который присутствовал у предыдущих поколений, будь то умирающая “американская мечта” или почившее “светлое коммунистическое завтра”, делают молодых людей уязвимыми перед вызовами времени. Между тем сложные времена системного кризиса требуют совершенно иных качеств – прежде всего жесткого реализма и готовности к сверхусилиям по преодолению возникших трудностей (“длинной воли”). Очевидно, что сохраниться смогут лишь те общества, молодые граждане которых смогут достойно отвечать на вызовы времени.

¹⁵ Yarmosky J. The Pessimistic Generation: How Grown-Ups Can Grow up and Give Kids Some Hope. *WBUR*, 29.10.2021. Available at: <https://www.wbur.org/onpoint/2021/10/29/kids-pandemic-pessimism-politics-teens-future-social-media> (accessed 04.05.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В периоды крупномасштабных перемен особенно очевидной становится недостаточность знаний о закономерностях развития больших социальных систем, позволяющих правильно оценить направления общественной динамики и возникающие вызовы. Развитые страны первыми вступили в период технологической, социальной и политической постиндустриальной трансформации. Изучение условий формирования молодых поколений позволяет более достоверно определить общее направление социальной динамики, “подсветить” очертания общества будущего, выявить угрожающие ему социальные риски. Один из них связан с цифровой трансформацией занятости, негативные последствия которой первой ощущает на себе именно молодежь. Тенденция к ухудшению качества трудовой жизни имеет достаточно длительную историю, а платформенный формат занятости стал лишь логическим завершением начавшегося много десятилетий назад процесса. Складывающаяся ситуация – не сбой рыночного механизма, а скорее, глобальный тренд, обусловленный исчерпанностью механизмов роста и развития индустриальной эпохи.

Выявление особенностей трудовой социализации молодежи служит своего рода отправной точкой анализа происходящих ныне изменений структуры общества, а именно перехода от поколения самостоятельных и самодостаточных наемных работников сначала к поколению условно самостоятельных людей, а затем к клиентуре социального обеспечения. Меняется не просто положение отдельных демографических групп, а сама социальная реальность, вся система современного мироустройства. Процесс будет непростым и предъявит жесткие требования к субъектам социального действия.

В России ситуация на рынке труда и в социальной сфере пока еще отличается от того, что мы видим на Западе. Во-первых, мы не успели окончательно деиндустриализировать свою экономику. Во-вторых, отчасти свою “перестройку”, включавшую разрушение системы социальной поддержки граждан и рост социальной аномии, мы прошли еще в 1980–1990-е годы и сегодня в какой-то мере находимся в контртенденции. Это не означает, однако, что перед нашей страной не стоят обозначенные выше социальные вызовы. Поиск устойчивых механизмов их преодоления становится важной задачей на ближайшую перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mannheim K. The Problem of Generations. Kecskemeti P., ed. *Essays on the Sociology of Knowledge: Collected Works*. New York, Routledge, 1952. Vol. 5. Pp. 276–322.
2. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584–2069*. New York, William Morrow and Company, 1991. 534 p.
3. *Employment and Working Conditions of Selected Types of Platform Work*. Luxembourg, Eurofound, 2018. 86 p. Available at: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2018-09/ef18001en.pdf> (accessed 07.05.2025).
4. Паркер Дж., Альстин ван М., Чаудари С. Революция платформ: как сетевые рынки меняют экономику – и как заставить их работать на вас. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с. [Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 304 p. (In Russ.)]
5. Datta N., Chen R. Singh S., et al. *Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work*. World Bank. 2023. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/ebc4a7e2-85c6-467b-8713-e2d77e954c6c> (accessed 07.05.2025).
6. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 64 с. [Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Kareva D.E., Stuzhuk D.A. *Platform Employment in Russia: Prevalence Dynamics and Key Characteristics of Workers*. Moscow, HSE Publishing House, 2024. 64 p. (In Russ.)]
7. Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 12, сс. 35–45. [Sadovaya E.S. Digital Economy and a New Paradigm of the Labor Market. *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 35–45. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-35-45
8. Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, no. 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019
9. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy*, 2020, vol. 128, no. 6, pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716

10. *A New Future of Work: The Race to Deploy AI and Raise Skills in Europe and Beyond*. McKinsey Global Institute. 2023. 68 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-in-europe-and-beyond> (accessed 07.05.2025).
11. *Generative AI and the Future of Work in America*. McKinsey Global Institute. 2023. 76 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america> (accessed 07.05.2025).
12. Земцов С., Баринаова В., Семенова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России. *Форсайт*, 2019, т. 13, № 2, сс. 84-96. [Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia. *Foresight and STI Governance*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 84-96. (In Russ.)] DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96
13. Autor D., Chin C., Salomons A., Seegmiller B. New Frontiers: The Origins and Content of New Work, 1940–2018. *The Quarterly Journal of Economics*, 2024, vol. 139, no. 3, pp. 1399-1465. DOI: 10.1093/qje/qjae008
14. Черных Е.А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России. *Уровень жизни населения регионов России*, 2020, т. 16, № 3, сс. 82-97. [Chernykh E.A. The Quality of Platform Employment: Unstable (Precarious) Forms, Regulatory Practices, Challenges for Russia. *Living Standards of the Population in Russian Regions*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 82-97. (In Russ.)] DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.7
15. *Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in Transforming Futures for Young People*. Geneva, International Labour Organization, 2022. DOI: 10.54394/QSMU1809
16. *Global Employment Trends for Youth 2024. Decent Work, Brighter Futures*. Geneva, International Labour Organization, 2024. DOI: 10.54394/FGPM3913
17. *Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. Аналитический доклад*. Москва, Центр стратегических разработок, 2022. 71 с. [Platform Employment: Challenges and Possible Solutions. Analytical Report. Moscow, The Center for Strategic Research, 2022. 71 p. (In Russ.)] Available at: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (accessed 07.05.2025).
18. *Массовая уникальность: глобальный вызов в борьбе за таланты*. Boston Consulting Group, 2019. 60 с. [Mass Uniqueness: A Global Challenge for Talent. Boston Consulting Group. 2019. 60 p. (In Russ.)] Available at: <https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf> (accessed 07.05.2025).
19. Schroth H. Are You Ready for Gen Z in the Workplace? *California Management Review*, 2019, vol. 61, no. 3, pp. 5-18. DOI: 10.1177/0008125619841006
20. Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Неформальная занятость молодежи. *Экономическое развитие России*, 2019, т. 26, № 8, сс. 82-92. [Klyachko T.L., Semionova E.A. Informal Youth Employment. *Economic Development of Russia*, 2019, vol. 26, no. 8, pp. 82-92. (In Russ.)] Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39254061> (accessed 07.05.2025).
21. Петровская Н.Е. Динамика и структурные особенности занятости в Соединенных Штатах Америки. *Управление*, 2022, т. 10, № 3, сс. 48-57. [Petrovskaya N.E. Dynamics and Structural Features of Employment in the United States of America. *Management*, 2022, vol. 10, no. 3, pp. 48-57. (In Russ.)] DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57
22. Mann A., Diaz J. *Teenage Career Development in Malta: Insights from PISA*. OECD Education Working Papers No. 323, 2024. 52 p. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/12/teenage-career-development-in-malta_df921267/f8bbd3bc-en.pdf (accessed 07.05.2025).
23. *The Future of Jobs Report 2023*. Geneva, World Economic Forum, 2023. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2023/> (accessed 07.05.2025).
24. *Do Adults Have the Skills They Need to Thrive in a Changing World? Survey of Adult Skills 2023*. OECD. 2024. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/do-adults-have-the-skills-they-need-to-thrive-in-a-changing-world_b263dc5d-en.html (accessed 07.05.2025).
25. Autor D., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *The Quarterly Journal of Economics*, 2003, vol. 118, no. 4, pp. 1279-1333. DOI: 10.1162/003355303322552801
26. Levy F., Murnane R.J. How Computerized Work and Globalization Shape Human Skill Demands. Suárez-Orozco M., ed. *Learning in the Global Era*. University of California Press, 2007, pp. 158-174.
27. Pais I., Arcidiacono D.L., Piccitto G. Are Platforms Changing Professionalism? Maestriperi L., Bellini A., eds. *Professionalism and Social Change*. Palgrave Macmillan, 2023, pp. 103-123. DOI: 10.1007/978-3-031-31278-6_5
28. Pongratz H.J. Of Crowds and Talents: Discursive Constructions of Global Online Labour. *New Technology, Work and Employment*, 2018, vol. 33, no. 1, pp. 58-73. DOI: 10.1111/ntwe.12104
29. Зудина А.А. Дороги, ведущие молодежь в NEET: случай России. *Экономический журнал ВШЭ*, 2018, т. 22, № 2, сс. 197-227. [Zudina A.A. Pathways to NEET Status Among Russian Youth. *HSE Economic Journal*, 2018, vol. 22, no. 2, pp. 197-227. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-2-197-227
30. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Москва, Логос, 2005. 390 с. [Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow, Logos, 2005. 390 p. (In Russ.)]
31. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press, 1997. 444 p.
32. Landry C. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. Earthscan, 2000. 300 p.
33. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. Москва, Классика XXI, 2007. 432 с. [Florida R. *The Rise of the Creative Class*. Moscow, Klassika XXI, 2007. 432 p. (In Russ.)]
34. *Technology at Work v2.0: The Future Is Not What It Used to Be*. Citi GPS, Oxford Martin School. 2016. Available at: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/reports/Citi_GPS_Technology_Work_2.pdf (accessed 07.05.2025).

35. Möller J., Bosch G., Schmid G., Schmidt J., Asmussen J. Jugendarbeitslosigkeit in Europa: Generation ohne Perspektive? *ifo Schnelldienst*, 2015, vol. 68, no. 17, pp. 3-21. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/165636/1/ifosd-v68-2015-i17-p03-21.pdf> (accessed 07.05.2025).
36. Novakova Z. Europe's Lost Generation? Young Europeans' Perspectives on the Crisis. *FutureLab Europe*, 2013. DOI: 10.13140/RG.2.1.4480.4322
37. Голдторп Дж., Джексон М. Межпоколенческая классовая мобильность в современной Великобритании. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 2010, специальный выпуск, сс. 143-168. [Goldthorpe J.H., Jackson M. Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews*, 2010, Special iss., pp. 143-168. (In Russ.)] Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/SPERO/pdf/18/spero_selected-translations_143-168.pdf (accessed 07.05.2025).
38. Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. The Fading American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940. *Science*, 2017, vol. 356, pp. 398-406. DOI: 10.1126/science.aal4617
39. Печатнов В.О. США в тисках кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 10, сс. 5-16. [Pechatnov V.O. The United States in the Grip of Crises. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 10, pp. 5-16. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16
40. Кастель Р. *Метаморфозы социального вопроса*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2009. 574 с. [Castel R. *Les Métamorphoses de la Question Sociale*. St. Petersburg, Aleteya, 2009. 574 p. (In Russ.)]
41. Фишман Л.Г. Закат "общества труда": современная идеологическая констелляция. *ПОЛИТИЯ*, 2016, № 3(82), сс. 116-129. [Fishman L.G. The Decline of the 'Labor Society': Contemporary Ideological Constellation. *POLITIYA*, 2016, no. 3(82), pp. 116-129. (In Russ.)] Available at: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_06.pdf (accessed 07.05.2025).
42. *European Drug Report 2024: Trends and Developments*. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. 2024. Available at: https://www.emcdda.europa.eu/publications/european-drug-report/2024_en (accessed 07.05.2025).
43. *2025 Edelman Trust Barometer Global Report*. Edelman. 2025. Available at: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (accessed 07.05.2025).
44. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. Москва, Новое издательство, 2011. 464 с. [Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2011. 464 p. (In Russ.)]
45. Радаев В.В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. [Radaev V.V. *Millennials: How Russian Society Is Changing*. Moscow, HSE Publishing House, 2019. 224 p. (In Russ.)]

ЦЕННОСТНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ

© ЦАПЕНКО И.П., 2025

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, руководитель сектора социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (tsapenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2986-4825

Цапенко И.П. Ценностная миграция в Россию. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2025, № 4, сс. 61-77. DOI: 10.20542/afij-2025-4-61-77 EDN: AAVDIV

DOI: 10.20542/afij-2025-4-61-77

EDN: AAVDIV

УДК: 327+338+339+314.7

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 08.06.2025.

После доработки 27.08.2025.

Принята к публикации 05.11.2025.

Статья посвящена новому миграционному феномену – переселению в Россию жителей западных стран, мотивируемому неприятием навязываемых там деструктивных леволиберальных идеологических установок и стремлением к реализации традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот процесс получил название ценностной миграции. В теории миграции при сохранении ключевого значения за объективными социально-экономическими, политическими и экологическими причинами людских передвижений все более ярко высвечиваются субъективные, психологические факторы. В современных концептах мотивации миграции человек движим стремлением более полно реализовать ценности, которым он привержен, причем не только материальные, связанные с повышением доходов, благосостояния, статуса и т.п., но и во все большей мере нематериальные, в частности традиционные духовно-нравственные, сопряженные с установками обрести на новом месте возможность вести “правильную” по канонам морали жизнь в безопасном во всех ипостасях и близком по менталитету социальном окружении, одобряющем его идентичность. В российских условиях, когда происходит столкновение социальных вызовов, связанных, с одной стороны, с усилением депопуляции, дефицита трудовых ресурсов и соответственно потребности экономики в привлечении иностранной рабочей силы, а с другой – с повышением межэтнической напряженности в отношениях между местным и приезжим населением, ценностный поток, возможно, как никакой другой, отвечает интересам принимающего общества. Он пока невелик, но стремительно растет и имеет немалый потенциал, более полной реализации которого призваны способствовать активные меры государственной поддержки и деятельность волонтерских и иных неправительственных организаций. Особенно важен качественный состав этого потока: большинство составляют люди активного трудоспособного возраста, имеющие двух и более детей, получившие высшее или среднее профессиональное образование, обладающие востребованными профессиями, свободно или хорошо владеющие русским языком, православные. Приезд таких людей, интегрирующихся в местную социокультурную среду, может внести вклад в смягчение остроты демографических проблем, ослабление дефицита рабочей силы и способствовать экономическому развитию страны.

Ключевые слова: международная миграция населения, российские традиционные духовно-нравственные ценности, ценностная миграция, рынок труда, Госпрограмма

переселения соотечественников, репатриант, гуманитарная поддержка, деструктивные леволиберальные идеологические установки, волонтерские организации.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

VALUE-BASED MIGRATION TO RUSSIA

Original article

Received 08.06.2025. Revised 27.08.2025. Accepted 05.11.2025.

Irina P. TSAPENKO (tsapenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-6065-790X

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article describes a new migration phenomenon – the resettlement of Western countries' residents to Russia, motivated by the rejection of destructive left-liberal ideological attitudes imposed there and the desire to implement traditional spiritual and moral values. This process is called value-based migration. While maintaining the key importance of the objective socio-economic, political and environmental causes of human movement in the theory of migration, subjective and psychological factors are increasingly highlighted. According to modern concepts of migration motivation, a person moves following his desire to fully implement his values. These values are both material, related to improving the income, well-being, status, etc., and increasingly more non-material ones are becoming defining, in particular traditional spiritual and moral ones, coupled with attitudes to lead a 'right' life in a new place according to the canons of morality, a safe life in all its forms and in close social environment that approves a person's identity. In Russia there is a clash of social challenges associated, on the one hand, with increased depopulation, labor shortages and, consequently, the need to attract foreign labor for the economy, and, on the other hand, with increased ethnic tensions between the locals and foreign-born ones. Under such circumstances the value-based flow, perhaps more than any other flow, meets the interests of the host society. It is remaining still small, but it's growing rapidly and has considerable potential. Active measures of state support and activities of volunteer and other non-governmental organizations should facilitate the fuller realization of this potential. The qualitative characteristics of this flow are of special importance: the majority of such migrants are people of active working age, with two or more children, who have obtained higher education or secondary vocational diploma, have in-demand jobs, are fluent or well-versed in Russian, and are orthodox Christians. The inflow of such people, who integrate into the local socio-cultural environment, can contribute to alleviating the severity of demographic problems, reducing labor shortages and contributing to the economic development of the country.

Keywords: international population migration, Russian traditional spiritual and moral values, value migration, labor market, State Program for the resettlement of compatriots, repatriate, humanitarian support, destructive left-liberal ideological attitudes, volunteer organizations.

About the author:

Irina P. TSAPENKO, Dr. Sci. (Econ.), Head of Sector, Sector for Economic and Social Development and Migration Processes, Department for Complex Socio-economic Research, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Competing interests: the author declares that there is no conflict of interest of a financial and non-financial nature.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Tsapenko I.P. Value-Based Migration to Russia. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 61-77. DOI: 10.20542/afj2025-4-61-77 EDN: AAVDIV

ВВЕДЕНИЕ

В исследованиях движущих сил миграции традиционно и правомерно выделяются в качестве ключевых объективные социально-экономические, политические и экологические различия в качестве жизни, включая ее материальный уровень, инфраструктуру, безопасность, правовую среду и т.п. В то же время в XXI в. все более отчетливо высвечивается роль субъективного, психологического фактора в людских перемещениях. Все больше внимания ученых привлекают личностные характеристики мигрантов и мотивы их переезда, рассматриваемые не только с ракурса повышения уровня образования и социальных запросов населения, но и сквозь призму ценностей, установок и стилезиженных предпочтений. Как отмечают исследователи, аффилированные с западноевропейскими научными центрами, в условиях череды катаклизмов, обрушившихся на современный мир и породивших серьезные социальные вызовы, “ценности влияют на миграцию гораздо более непосредственно, чем прежде, и наоборот миграция более тесно связана с глобальными изменениями, отражая борьбу вокруг ценностей” [1, р. 203]. В ценностной сфере, в частности в сфере духовно-нравственных ценностей, возникла новая ось полярностей – мирового противостояния разных идейно-ценностных проектов и моделей [2], влияние которых на миграцию символично и ярко проявляется в таком новом в своем роде и в силу этой новизны мало изученном феномене, как ценностная миграция с Запада в Россию.

Соответствующий термин первоначально и при этом совсем недавно появился в отечественных СМИ для обозначения сугубо российского иммиграционного явления – всплеска людских потоков в Россию, формирующихся под влиянием духовно-нравственных ценностей. Это выражение еще только входит в научный оборот. Исследование, результаты которого положены в основу данной статьи, было нацелено на разработку понятия “ценностная миграция”, высвечивание новых граней, ключевых проблем и перспектив российской миграционной реальности в условиях мирового соревнования разных ценностных систем. Это предполагало решение следующих задач: описание эволюции теоретических подходов к анализу влияния ценностей на миграцию, толкование миграции, мотивируемой ценностями, определение ценностной миграции, идентификацию ее места в современной России, составление социального портрета ценностного мигранта в России и характеристику мер государства и неправительственных организаций в области поддержки переезда и адаптации этой категории переселенцев.

Исследование проводилось в междисциплинарном ключе и опиралось на теоретические положения о ценностных мотивах миграции, изложенные в трудах известных психологов, социологов и представителей некоторых других дисциплин, а также результаты изысканий специалистов в области миграции и миграционной политики. В работе использована статистика ООН, Росстата, МВД России, данные опросов населения, экспертные оценки.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ЦЕННОСТЕЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В научной литературе, посвященной миграции населения, можно выделить три главных области сопряжения миграции и ценностей. Во-первых, это ценностный подтекст отношений принимающего общества и иммигрантов и, в частности, характер и результаты взаимодействия идентичностей местных и приезжих жителей. Во-вторых, это культура миграции в отдающем обществе – совокупность установок и стилезиженных предпочтений, ассоциируемых с выездом за рубеж. В зависимости от типа этой культуры и конкретного социального контекста позиция социума-донора может варьироваться от одобрительной оценки отходников как инициативных и трудолюбивых, особенно в

традиционных деревенских сообществах развивающихся стран, до осуждения эмигрантов, воспринимаемых как предателей [3, сс. 68-80; 4, сс. 358-366], как это было в России в период послереволюционного “русского исхода”, массового оттока населения 1990-х и релокации в начале периода специальной военной операции (СВО) на Украине.

В-третьих, это влияние ценностных установок человека на принятие им решения о миграции, которое нуждается в более подробном рассмотрении для реализации поставленных перед данным исследованием задач. В рамках функционалистского подхода, получившего широкое распространение в миграционной теории, в частности, в ее мотивационном (поведенческом) направлении, также называемом экономическим бихевиоризмом [5, с. 99], мигрант рассматривался с утилитаристских позиций как человек экономический, рациональный, который оценивает “полезность места” (*place utility* [6]) назначения предполагаемого передвижения, стремится максимизировать воспринимаемую полезность переезда и при этом не привержен каким-либо ценностям¹. В качестве примеров подобного подхода можно привести модель факторов выталкивания–притяжения (Е. Ли), неоклассические концепции индивидуального выбора (М. Тодаро, Л. Маружко), новой экономики миграции (О. Старк) и др., в которых люди принимают решение совершить миграцию на основании взвешенного анализа затрат в связи с переездом и ожидаемой выгоды, основанной на разрыве в уровнях заработной платы в странах исхода и назначения. В то же время абстрагирование таких теоретических схем от ценностного контекста миграции отдаляло их от реальности, ограничивая объясняющий потенциал.

С середины 80-х годов XX в. происходит постепенный отход от экономического дискурса факторов миграции. В числе перспективных направлений заявляет о себе изучение связи причин миграции не только с ее полезностью, но и с ценностями, предполагающее использование нового подхода, который можно назвать синтетическим. В то же время исследования, проводимые на основе такой методологии, исходят из сугубо рационального характера миграционного поведения, пренебрегая иррациональным компонентом последнего, который порой весьма выражен в критических ситуациях, что упрощает выстраиваемые концепты.

Поскольку ценности не имеют единой общепринятой дефиниции [7], в данной статье используются их определения, считающиеся классическими, как ориентиров и моральных принципов жизни, предикторов установок и деятельности человека². Американский демограф Р. Гарднер, опираясь на теории мотивации³ канадского психолога В. Врума и ожидаемой ценности⁴ американских психологов Дж. Аткинсона и Ж. Экклз, видел в неудовлетворенности жизнью, вызываемой нереализованностью ценностей и жизненных целей человека в среде его обитания, главный мотив отъезда в другое место, где возможна более полная реализация его ценностей и целей и соответственно наибольшая максимизация удовлетворенности от меры их достижения [11, pp. 66, 68]. Создатели подобной теоретической конструкции продвинулись гораздо дальше в объяснении эмиграционных мотивов по сравнению с так называемой моделью ущербности (*deficiency model*), объясняя эти мотивы, в отличие от указанной модели, не только недостатком у мигранта ресурсов и достижений, его уязвимостью, худшим субъективным благополучием и т.п.⁵, но и его стремлением, подкрепляемым соответствующим потенциалом, к улучшению жизненных условий и

¹ При характеристике мигранта как “максимизирующего полезность, но не приверженного ценностям человека экономического” (*value-maximising but values-free homo economicus*) [1, p. 203], используется игра слов, основанная на многозначности английского термина *value*: как полезности и как ценности.

² В частности, в трактовке американского антрополога К. Клакхона они понимаются как “концепция желаемого..., которая влияет на выбор из имеющихся способов, средств и конечных целей действия” [8, p. 395], в толковании израильским социальным психологом Ш. Шварцем – как “желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, ... являющиеся руководящими принципами в жизни людей” [9, p. 173]. Как писал американский психолог Г. Олпорт, “ценности человека являются доминирующей силой в его жизни, и вся деятельность человека направлена на реализацию его ценностей” [10, p. 543].

³ Суть этой теории заключается в предположении, что поведение человека определяется его ожиданиями относительно возможных результатов своих действий и оценкой вероятности того, что эти результаты приведут к желаемой цели.

⁴ Теория ожидаемой полезности исходит из того, что индивид принимает решения, основанные на ожидаемых результатах и ценности, которую он придает этим результатам.

⁵ Например, следуя этой парадигме, известный израильский социолог Ш. Эйзенштадт утверждал, что “любое миграционное перемещение мотивируется ощущением той или иной меры небезопасности и неадекватности жизни в родном социальном окружении мигранта” [12, pp. 1-2].

постановке на “социальный якорь” (*social anchoring*), то есть социальному закреплению в новой среде [13].

Основываясь на все том же “синтетическом” подходе, американские исследователи миграции Г. Йонг и Дж. Фосет в числе первых выделяют ценности и жизненные цели, приверженность которым может побуждать человека к миграции: богатство, статус, комфорт, получение удовольствий, принадлежность к определенному сообществу, независимость и идеалы нравственности [14, pp. 13, 49]. Соответственно при рассмотрении ожидаемых полезностей миграции сквозь призму этих ценностей переезд мотивируется максимизацией текущих или ожидаемых доходов, достижением искомого социального статуса, обретением стиля жизни, соответствующего личностным предпочтениям, склонностям и установкам и т.п. [14, pp. 33, 39]. Более того, авторы дополняют распространенную схему описания факторов миграции в традиционных бинарных координатах: выталкивание–притяжение, издержки–прибыль выстраиванием новой проекции: ценности–антиценности. В частности, следование миграционным мотивам, связанным с реализацией нравственных ценностей, представляется как получение возможности вести на новом месте добродетельную, “правильную” жизнь, жить в сообществе с благоприятным моральным климатом и хорошим влиянием на детей и избегать “греховного” влияния городской жизни [14, pp. 14, 50].

Отталкиваясь от подобной позиции и при этом освобождаясь от присущего ей утилитаристского подхода, израильские психологи Е. Тартаковский и Ш. Шварц, получивший всемирную известность благодаря типологизации ценностей, фокусируются на рассмотрении мотивации к эмиграции как выражения более общих, базовых человеческих мотиваций и ценностей⁶, которые объединяют различные инструментальные ценности, направляющие действия человека.

В частности, мотивация самосохранения, представляющая наибольший интерес с точки зрения раскрытия темы данной статьи, связана с метачценностью “сохранение”. Она направлена на обеспечение физической, социальной и психологической безопасности человека и его семьи, включая защиту личных и социальных идентичностей (национальных, религиозных и профессиональных), когда в родной стране возникают угрозы реализации таких целей и ценностей, а предпочтения и традиции членов группы считаются неприемлемыми в обществе и от них ожидают соблюдения норм и законов, ущемляющих интересы этих людей [15, p. 90]. Говоря словами английского социолога Э. Гидденса, человек стремится к достижению “онтологической безопасности” (*ontological security*), согласно концепту которой чувство безопасности приходит, когда возникает ощущение порядка, преемственности, стабильности, контроля ситуации [16, p. 35], а переживания из-за ненормальности условий жизни и связанной с этим неопределенности преодолеваются. При этом у таких мигрантов гораздо слабее выражены установки на улучшение материального положения, карьерных перспектив и т.п., что нередко проявляется в передвижениях населения из более богатых в менее богатые страны.

С мотивацией самосохранения может быть связан и гораздо более широкий круг нематериальных ценностей и установок, приверженность которым, помимо безопасности, традиции и конформности, выделенных Е. Тартаковским и Ш. Шварцем, побуждает к миграции. В их числе – справедливость, свобода в разных ее проявлениях, демократия, правопорядок, ограничение государственного вмешательства в жизнь общества и человека, независимость, толерантность, самобытность, поиски нового смысла жизни, семейные ценности, стремление к счастью и др. [1, p. 202].

⁶ Ученые вычленили четыре типа мотивации эмиграции, соответствующих четырем известным блокам ценностей высшего порядка – метачценностям: самосохранение (в основе метачценность “сохранение”), самосовершенствование (“открытость изменениям”), материализм (“самоутверждение”) и идеализм (“самопревосхождение”). Материалистская мотивация предполагает стремление к благосостоянию, богатству и т.п. Мотивация самосовершенствования включает установки на развитие способностей, освоение новых компетенций и др. Идеалистическая мотивация ориентирована на формирование лучшего, более справедливого общества на новой земле безотносительно или почти безотносительно к экономическим условиям жизни [15, pp. 89-91].

Под влиянием нематериальных ценностей такого рода в истории человечества совершенно немало миграций, например, потоки миссионеров из Старого света в Новый, стремившихся, по Ш. Шварцу, распространить на далеких землях европейские ценности и сделать их мир лучше, выезд диссидентов из стран соцлагеря в период холодной войны и др. В современных условиях перемещения подобного типа гораздо масштабнее и многообразнее.

Во-первых, это миграция женщин, находящихся в уязвимом положении, с Глобального Юга, особенно из мусульманских стран, благодаря которой открываются возможности разрыва с патриархальными семейными отношениями, обретения чувства уважения, самостоятельности и свободы в выборе спутников жизни [1, р. 203]. Учитывая, что масштабы миграции женщин и мужчин примерно одинаковы и, по данным ООН, в 2024 г. за пределами стран происхождения проживали 146 млн женщин из общего числа 304 млн международных мигрантов, можно допустить, что среди мигранток, помимо сопровождающих и воссоединяющихся членов семей, а также беженек, немало формально декларирующих работу и учебу в качестве целей переезда за границу, а реально движимых мотивацией обретения независимости от родных⁷.

Во-вторых, все более заметным явлением становится так называемая лайфстайл, или стилежизненная миграция (*life-style migration*) – “миграции, в которых приоритет отдается таким параметрам качества жизни, считающимся оздоровительными (*aesthetic qualities*) (во всех смыслах. – **Авт.**), как более благоприятная природная и социальная среда” [17, р. 169]. Хотя всем мигрантам свойствен поиск более подходящих (*meaningful*) мест для полноценной, отличающейся лучшим качеством жизни, люди, вовлеченные в стилежизненную миграцию, гораздо свободнее в выборе пункта назначения и меньше зависят от влияния экономических факторов, таких как возможности продвижения по работе и повышения доходов [17, р. 171].

Так, в XXI в. страны Южной и Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) стали весьма популярным направлением для миграции средних, обычно консервативно настроенных слоев населения остальных регионов континента. Этим людей привлекали в указанных странах, особенно в сельской местности, более размеренный ритм жизни, “аутентичный европейский стиль”, близкое им в этническом (в том числе фенотипном), конфессиональном и ценностном отношении окружение. В ЦВЕ также прибывали и выходцы из Китая, в том числе студенты и инвесторы, чтобы получить больше личной свободы и независимости в подходящей для этого социальной среде выбранных по такому критерию городов. В условиях интенсивного старения населения ширится поток пенсионеров, переезжающих из стран Северной в государства Южной Европы и Юго-Восточной Азии с более благоприятным климатом, комфортностью проживания, высоким качеством медицинских услуг при более низкой стоимости жизни, ее спокойствию и ощущении сильного чувства со/общества.

В-третьих, новым в своем роде феноменом стал переезд в Россию из стран Запада людей, разделяющих российские традиционные духовно-нравственные ценности и не приемлющих деструктивные неолиберальные идеологические установки, в частности связанные с распространением в местах их проживания идей перехода к постгуманизму и постчеловечеству, связывающих дальнейшее развитие человека не с его духовным совершенствованием, но с технологической трансформацией его тела [18, с. 61, 64], агрессивным продвижением повестки ЛГБТ⁸ и добровольной бездетности⁹, экологической пагубы многодетности¹⁰, “перегибов” ювенальной юстиции, а также всплеска русофобии и дискриминации россиян.

⁷ *International Migrant Stock 2024*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 15.04.2025).

⁸ Здесь и далее: деятельность движения признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁹ Федеральным законом № 401-ФЗ от 23.11.2024 установлена административная ответственность за пропаганду отказа от деторождения (“чайлдфри”).

¹⁰ В Госдуме РФ разрабатывается законопроект о введении административной ответственности за дискредитацию многодетных семей.

Подобные перемещения населения отражают привлекательность реализуемого Россией ценностно-политического проекта и транслируемой за рубеж отечественной идейно-нравственной повестки, а соответственно и усиление международного влияния страны в соответствующем сегменте мировой политики. Продвижению этого проекта способствовало подписание Президентом РФ Указа № 809 от 09.11.2022 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”, закрепившего их понятие как нравственных ориентиров и утвердившего их перечень¹¹.

Движимый такими ценностями поток переселенцев получил в российских СМИ название “ценностная миграция”. Данный термин не имеет устоявшегося определения и переводного аналога, тождественного по смыслу¹². Хотя в широком смысле слова любая миграция имеет ценностный подтекст, в том числе и трудовая, преломляющая материальные ценности, в более узком, строгом смысле слова применительно к российской реальности под ценностной миграцией можно понимать перемещения людей, мотивируемые традиционными духовно-нравственными ценностями. Именно в этом значении данная категория употребляется в предлагаемой статье.

В то же время, учитывая сложность и многомерность идентичности человека, даже в случае трудовой миграции, движимой материальными интересами, в ней не могут не выражаться и другие ценности, в том числе нематериальные. Обследования мигрантов показывают, что среди них преобладают люди, для которых значимы ценности материальных благ и семьи [19, р. 796]. При том, что мигрантам присуща объективная потребность в изменении или улучшении жизни, самоутверждении и самореализации и сильная субъективная мотивация к достижению этих установок [20]. По сравнению с традиционными “отходниками”, эмигрирующие профессионалы ориентированы в большей мере на нематериальные ценности, такие как сбалансированное сочетание работы и личной жизни, профессиональный рост [21]. При этом “миграция – это не прямой путь, направляемый сигнальной ценностью”, в сознании мигрантов происходят “переговоры по множественным зачастую конфликтующим ценностям” и их последующая переработка [1, р. 203]. Поскольку миграция совершается под воздействием совокупности объективных и субъективных факторов, принятие решения об отъезде зависит в первую очередь от комплекса характеристик положения в странах исхода и назначения, а также личности самого потенциального мигранта, его жизненных целей и ценностей, реализации которых должна поспособствовать миграция.

РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ЦЕННОСТНОЙ МИГРАЦИИ

Перед российским обществом стоят серьезные социальные вызовы. С одной стороны, это продолжающаяся депопуляция и беспрецедентный дефицит рабочей силы. С другой – усиление межэтнической напряженности в регионах интенсивного притока мигрантов.

Согласно данным Росстата, с начала 1990-х годов в стране идет устойчивая естественная убыль населения, и если с 2009 г. по 2017 г. миграционный прирост позволял ее компенсировать, то в последние годы этого не происходит, даже в 2024 г., когда его вклад достиг 95%. При негативной динамике трудовых ресурсов усиливается их нехватка, проявляющаяся в “эскалации вакансий” [22]. Так, удельный вес потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест возрос с 3.7% на 31 октября 2020 г. до небывало высоких 7.6% на аналогичную дату 2024 г. Особенно остро ощущается дефицит квалифицированных работников сельского хозяйства (13%) и

¹¹ К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 5 Указа).

¹² Словосочетание *value migration*, представляющее дословный, буквальный перенос (калькирование) данного выражения с русского на английский язык, означает в менеджменте движение стоимости (или миграция ценностей) из устаревших бизнесов к инновационным.

квалифицированных рабочих промышленности и строительства (10.6%)¹³. О напряженной ситуации на рынке труда свидетельствует и стремительное падение уровня безработицы с 5.8% (среди экономически активного населения старше 15 лет) в 2020 г. до рекордно низких 2.5% в 2024 г.¹⁴ Напротив, за тот же период уровень занятости повысился с 58.3% до 61.4% (в общей массе населения старше 15 лет), а численность занятых увеличилась с 71.1 до 74.2 млн соответственно¹⁵. Развертывание этих процессов на фоне сокращения населения указывает на исчерпание внутренних источников пополнения рабочей силы [22].

Единственный доступный и пока еще обильный ресурс пополнения отечественной рабочей силы – это миграция. Вместе с тем использование ее потенциала в сфере занятости также сопряжено с большим рядом ограничений, обозначенным еще в реалистской теории миграции, согласно которой прием иностранцев должен отвечать национальным интересам страны-реципиента, в первую очередь соображениям обеспечения ее безопасности, поддержания этнического и культурного баланса в обществе, защиты местных рынков труда при удовлетворении запросов экономики в рабочей силе. Необходимость решения столь разноплановых и нередко противоречащих друг другу задач и соответственно балансирования миграционной политики между Сциллой экономической потребности в притоке мигрантов и Харибдой его политической приемлемости стоит перед большинством принимающих стран, особенно на Глобальном Севере, включая Россию.

Главным каналом пополнения рабочей силы выступает трудовая миграция. Однако, согласно оценкам экспертов и данным официальной статистики, численность единовременно находящихся в России временных трудовых мигрантов, приезжающих главным образом из Центральной Азии (ЦА) и в основном для выполнения малоквалифицированного труда, сократилась с 6–7 млн в 2012–2014 гг. до 3–3.5 млн в 2022–2023 гг. [23, с. 226]. В то же время проводившаяся в течение трех десятилетий политика “открытых дверей” для “безвизовых” мигрантов из СНГ, в составе потоков которых в страну въезжали инокультурные и неадаптивные, незаконопослушные и приверженные исламу иностранцы, – привела к накоплению целого комплекса острых последствий. В их числе – замещение стареющего и сокращающего автохтонного населения аллохтонами, разрастание инородных этнических общин и сетей и укрепление лоббистских позиций диаспор, повышение криминогенных, террористических и религиозно-экстремистских угроз, распространение русофобии, усиление межэтнической и межконфессиональной напряженности и конфликтности.

Хотя в последние годы общее число преступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства, имеет тенденцию к стабилизации, растет его удельный вес в совокупных показателях преступности в России. Увеличивается и число тяжких преступлений, совершаемых приезжими, и особенно преступлений экстремистского характера, в числе которых теракт в “Крокус Сити Холле” в 2024 г., унесший жизни 145 человек. Ухудшению криминогенной обстановки в стране способствует и рост числа преступлений, связанных с организацией незаконной миграции [24].

В то же время реализация курса на ужесточение миграционной политики, включая усиление фильтрации въезжающих в Россию иностранцев и увеличение числа лишаемых гражданства РФ и высылаемых нарушителей закона могут снизить миграционную привлекательность страны. Это может усилить переориентацию более образованных и адаптивных мигрантов из ЦА на Корею, Турцию и Саудовскую Аравию и ослабить потоки трудовых мигрантов в Россию. В то же время гипотетическое переключение на новых доноров рабочей силы из других развивающихся регионов мира, еще более далеких культурно от России, чревато, возможно, еще более сложными проблемами адаптации и интеграции мигрантов.

¹³ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам по состоянию на 31 октября 2024 г. Федеральная служба государственной статистики. Available at: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud2024.pdf> (accessed 03.06.2025).

¹⁴ Численность безработных в возрасте 15 лет и старше и уровень безработицы. Федеральная служба государственной статистики. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed 03.06.2025).

¹⁵ Численность занятых в возрасте 15 лет и старше и уровень занятости. Федеральная служба государственной статистики. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed 03.06.2025).

Российское государство реализует также ряд других миграционных программ, однако с разной успешностью. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма переселения), в рамках которой за период 2006–2024 гг. переселились в Россию всего немногим более 1 млн человек, причем в последние годы число переезжающих, главным образом из стран ЦА и Армении, упало до минимального уровня за последние 10 лет – 32 тыс. в 2024 г., была признана экспертами низкоэффективной. В числе главных причин такой оценки – гибридный характер программы, а именно попытка совместить репатриационный характер переселения по основаниям этно-культурно-языковой идентификации и территориальной принадлежности с селективным подходом к приему переселенцев по критериям образования, специальности, опыта, возраста в целях удовлетворения потребностей в рабочей силе трудодефицитных регионов [25].

Долгосрочная миграция высококвалифицированных специалистов (ВКС), которые едут преимущественно из дальнего зарубежья: Китай, Турция, Индия, Южная Корея и Сербия, невелика и также демонстрировала в 2020-е годы тенденцию к ослаблению: с 44 тыс. разрешений на работу, оформленных в 2021 г., до 32 тыс. в 2023 г. [23, с. 228]. Напротив, учебная миграция в Россию увеличивается. В 2024 учебном году российские университеты обучали 378 тыс. иностранных граждан, что на 20 тыс. больше, чем в 2023 г. Однако нет достоверных данных о том, сколько приезжих выпускников вузов России остается работать на ее территории. Выборочные опросы говорят о том, что в некоторых регионах и по некоторым специальностям этот показатель может достигать половины окончивших обучение, в первую очередь среди выходцев из стран СНГ [26, сс. 97-98], но подобные обследования также указывают и на сложности трудоустройства в период обучения, которые могут, вероятно, сохраняться и после его окончания.

В условиях начавшейся корректировки действующих миграционных программ с учетом усилившихся социальных вызовов актуализировался вопрос содействия приезду в страну ценностных мигрантов, который в силу их социально-демографических характеристик и количественного потенциала, возможно, гораздо больше, чем многие другие потоки, отвечает интересам российского общества. Указ Президента РФ № 702 “Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности”, подписанный 19 августа 2024 г., дал старт формированию специального правового поля для такого рода передвижений из государств, которые реализуют политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки. Перечень 47 таких государств и территорий был утвержден во исполнение данного Указа Распоряжением Правительства РФ № 2560-р от 17.09.2024. Нововведения, согласующиеся с запуском этой гуманитарной и одновременно иммиграционной программы, затронули и Госпрограмму переселения, усилив ее репатриационный характер и адресацию соотечественникам, постоянно проживавшим в недружественных государствах на 24.02.2022, имевшим их гражданство и т.п.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЦЕННОСТНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ

Хотя феномен ценностной миграции в Россию по-своему нов, близкие по типу перемещения населения на территорию, занимаемую ныне страной, имели место и ранее. Исторические корни современных процессов прослеживаются, например, в происходившем при Иване III переселении на российские земли жителей европейских государств, бежавших от религиозных войн. Этих переселенцев называли немцами, то есть немцами, не говорившими на русском языке. В тот период в Москве была построена первая немецкая слобода. Одним из первых документов, регулирующих такую миграцию, стал манифест императрицы Екатерины Второй от 4 декабря 1762 г. “О позволении иностранцам селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу”. В нем было записано: “Мы не только иностранных разных наций на поселение в Россию приемлем, и всем приходящим к поселению в

Россию, Наша Монаршая милость и благоволение оказывана будет, но и самим до сего бежавшим из своего отечества подданным возвращаться позволяем, с обнадеживаем, что они потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества”¹⁶.

Современная ценностная миграция в Россию с Запада пока невелика, но демонстрирует явную тенденцию к стремительному росту. Она объединяет два потока: зарубежных соотечественников, включая потомков российских эмигрантов ранних волн, и местных жителей государств, внесенных Правительством РФ в перечень территорий, где насаждаются деструктивные установки. Как свидетельствуют данные МВД России, внесенные в Единую межведомственную информационно-статистическую систему (ЕМИСС)¹⁷, на фоне продолжающегося снижения общей численности участников Госпрограммы переселения за 2020–2024 гг. десятикратно (!) выросла когорта переселяющихся из группы стран, включенных в указанный перечень: со 167 до 1611 человек (табл. 1). Среди участников этой программы, поставленных на учет в 2024 г., было больше всего граждан Германии (673 человека), Латвии (574), Литвы и Эстонии (по 111 от каждой).

Таблица 1. Число переселившихся в Россию (поставленных на учет) участников Госпрограммы и членов их семей, человек

Table 1. Number of Participants in the State Program and Their Family Members Who Have Moved to Russia (Registered)

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	61 952	76 466	64 805	45 101	31 695
государства, внесенные в перечень Правительства РФ*, в том числе:	167	388	646	1 216	1 611
Австрия					3
Великобритания		7	5	4	15
Германия	35	110	222	484	673
Италия	1				8
Канада	3	17	14	35	47
Латвия	90	176	276	529	574
Литва	23	43	91	67	111
Нидерланды			1	1	3
Польша	1	5	1	6	7
Португалия			1	3	7
США	5	4	2	7	11
Финляндия					8
Франция		1			8
Чешская Республика	2			7	5
Швейцария					3
Швеция			2	5	7
Эстония	4	15	26	50	111

* Без учета Украины.

Источники: рассчитано и составлено автором по данным статистической отчетности МВД России: “Переселилось (поставлено на учет) участников Государственной программы и членов их семей (на территории России)”; “Переселилось (поставлено на учет) участников Государственной программы и членов их семей (из-за рубежа)” (ЕМИСС).

До запуска гуманитарной иммиграционной программы эти люди обращались

¹⁶ Переселение в Россию: исторические примеры. *Везде наши*, 11.10.2024. Available at: <https://vezdenashi.ru/novosti/pereselenie-v-rossiyu-istoricheskie-primery/> (accessed 01.10.2024).

¹⁷ ЕМИСС. Государственная статистика. Available at: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 05.07.2025).

с заявлениями о предоставлении временного убежища. В 2020-е годы число таких соискателей продемонстрировало скачкообразный рост с исходно низких показателей. Согласно данным МВД, в 2024 г. с заявлениями о предоставлении временного убежища в России (из-за угроз в связи с поддержкой политики российского государства) обратились 457 граждан государств, относящихся к указанному перечню: в том числе 182 – Германии и 78 – Латвии (табл. 2).

Таблица 2. Численность лиц, обратившихся с заявлениями о предоставлении временного убежища в России, человек

Table 2. Number of People Who Applied for Temporary Asylum in Russia

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	6 764	4 711	100 682	8 245	6 879
государства, внесенные в перечень Правительства РФ*, в том числе:	167	388	646	1 216	1 611
Болгария			1	2	4
Великобритания	1	2	1	12	13
Германия	2	6	54	166	182
Греция			2	1	6
Италия	4		1	3	6
Канада			2	10	16
Латвия**	5	2	20	72	78
Литва	3	2	10	28	43
Польша	2	0	6	8	5
США	3	2	15	22	32
Франция			8	10	5
Чехия			4	9	3
Эстония**	4	2	4	22	49

* Без учета Украины.

** Включая неграждан.

Источники: рассчитано и составлено автором по данным статистической отчетности МВД России “Численность лиц, обратившихся с заявлениями о предоставлении временного убежища” (ЕМИСС).

За год с момента начала действия Указа № 702, предоставляющего гражданам государств, внесенных в перечень Правительства РФ, возможность получения разрешения на временное проживание, по август 2025 г. за таким документом обратились более 1.8 тыс иностранных граждан. Наибольшее число заявлений подано от граждан Германии (369 человека), Латвии (185), США (163), Франции (136), Италии (133), Эстонии (87), Великобритании (87), Республики Кореи (78), Канады (78), Литвы (64)¹⁸.

Хотя масштабы подобной миграции пока скорее символические, ее потенциал оценивается достаточно высоко. Об ольшом числе желающих переехать свидетельствует обращение с января по октябрь 2024 г. более 170 тысяч российских соотечественников и местных жителей других государств за помощью и консультацией по поводу переезда в Россию¹⁹. Исходя из выявленного на основе данных *Gallup World Poll* соотношения между потенциальными и реальными мигрантами, по самым скромным оценкам, можно ожидать переезда с Запада в ближайшие годы порядка 70 тыс. человек.

¹⁸ Ирина Волк: С августа 2024 г. за получением РВП обратились свыше 1.8 тысячи иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности. *МВД Медиа*, 19.08.2025. Available at: <https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-s-avgusta-2024-g-za-polucheniem-rvp-obratilis-svyshe-1-8-tysyachi-inostrannykh-grazhdan-r/> (accessed 22.08.2025).

¹⁹ Более 170 тысяч человек обратились с запросом о переезде в Россию за полгода. 31.10.2024. Available at: <https://vezdenashi.ru/novosti/bolee-170-tysyach-chelovek-obratilis-s-zaprosom-o-pereezde-v-rossiyu-za-polgoda> (accessed 04.06.2025).

По оценкам руководителя Россотрудничества Е. Примакова, возможность переезда в Россию рассматривают от 1.5 до 2.5 млн соотечественников и иностранцев, не имеющих российских корней. Глава Международного совета российских немцев, В. Гердт полагает, что потенциальных переселенцев из Германии в Россию может насчитываться порядка 2.5–3 млн²⁰.

Особенно важен качественный состав этого потока, ценный для страны по целому ряду параметров. Волонтерское объединение «Путь домой», осуществляющее консультирование людей по всему миру по поводу переезда в Россию, провело в июне 2024 г. онлайн-опрос 12 тыс. пользователей данного сервиса. На основе результатов этого обследования составлен собирательный портрет потенциального взрослого переселенца (рис.).

Подавляющее большинство желающих переехать в России – соотечественники (97%), гораздо меньше коренных жителей зарубежных стран (3%). Среди мотивов переезда доминируют нематериальные, ценностные: страх и беспокойство за детей и желание быть с Россией в этот период (43% респондентов), нацизм и русофобия в их стране (40%), пропаганда ЛГБТ (26%), угроза семейным ценностям (28%), свободе личности и мнений (22%), традиционным религиям (10%).

Это люди, приезд которых отвечает курсу государства на поддержку многодетности и улучшение демографической ситуации в стране: среди переселенцев преобладают семейные (68%), имеющие двух и более детей (53%), в том числе более 20% – многодетные.

Они представляют рабочую силу высокого качества: находятся в активном трудоспособном возрасте от 30 до 50 лет (68%), имеют высшее или среднее профессиональное образование (86%), главным образом техническое, обладают профессиями в области медицины и преподавания, а также по востребованным специальностям механика, водителя, строителя. Свободное или хорошее владение русским языком (90%) является непременным слагаемым большинства современных компетенций и залогом успешной командной работы, минимизируя проблемы языковой коммуникации в трудовых коллективах.

Большинство (69%) опрошенных – христиане, в основном – православные (59%), что во многом страхует от обострения межконфессиональных и межкультурных проблем в отношениях между местным и приезжим населением. Более того, указанные образовательные, профессионально-квалификационные, языковые и конфессиональные характеристики планирующих переезд в Россию говорят об их серьезном интеграционном потенциале. Наконец, доминирование среди возможных мигрантов тех, кто предпочитает поселиться в сельской местности (55%), вселяет надежду на возникновение новых импульсов возрождению сельских поселений в российской глубинке и развитию там современных фермерских хозяйств.

Таким образом, по совокупности перечисленных характеристик ценностные мигранты близки российскому населению по менталитету, культуре, уровню образования, готовы связать свою жизнь и будущее детей с Россией. Хотя такую миграцию нельзя рассматривать как панацею от наиболее острых социальных проблем страны, она может внести лепту в ослабление убыли населения и дефицита рабочей силы, не порождая при этом межэтнической и межкультурной напряженности.

²⁰ Гурьянов С. И варяги, и греки: как европейцы переезжают в Россию. *Известия*, 02.10.2024. Available at: <https://iz.ru/1799193/sergei-guranov/i-varagi-i-greki-kak-evropeicy-perezzaut-v-rossiu> (accessed 03.03.2025).

Рисунок. Собираемый портрет потенциального переселенца в Россию
Figure. A Composite Portrait of a Potential Settler into Russia

Источник: Хочу жить в России! У каждого эмигранта своя история, но "Путь домой" один. 22.08.2024.
Available at: <https://ukraina.ru/20240822/1056949005.html?ysclid=mbdufr256j734371924> (accessed 07.06.2025).

Однако массовому переселению и быстрому обустройству новых жителей России препятствуют, по их словам, проблемы с подготовкой документов и доступом к консульским услугам в недружественных странах, выездом оттуда, особенно детей, с перевозкой имущества, сложности с обучением в школах их плохо говорящих по-русски детей, сохранение отдельных бюрократических правил, затрудняющих получение искомого правового статуса и т.п.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЦЕННОСТНЫХ МИГРАНТОВ

За короткий период с 2023 г. органы власти РФ приняли ряд важных документов, которые призваны облегчить переезд в Россию и обустройство зарубежных соотечественников и местных жителей государств, внесенных в перечень Правительства РФ, ускорить получение ими более прочных миграционных статусов, расширяющих доступ к государственным социальным услугам и трансфертам. Подобные инициативы отражают значительное развитие отечественного миграционного права в направлении формирования новых сфер регулирования и усиления дифференциации управления разными миграционными потоками в условиях изменившихся реалий. При этом такие поощрительные меры резко контрастируют с ужесточением правил въезда, проживания и занятости некоторых категорий приезжих, происходящим в ответ на серьезные нарушения последними российских законов и правил социального общежития.

Идейно-нормативной основой обновленного курса стала Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 31.03.2023. Согласно этому документу, защита прав, свобод и законных интересов российских граждан от иностранных противоправных посягательств относится к числу национальных

интересов РФ (п. 15.4); РФ будет уделять приоритетное внимание поощрению добровольного переселения в Россию конструктивно настроенных по отношению к ней соотечественников, особенно тех, кто подвергается дискриминации в государствах проживания (п. 46.2).

Важным шагом в практической реализации данного курса стало введение в текст Госпрограммы переселения правовой категории “репатриант”²¹. Это новшество отразило формирование в российском миграционном законодательстве института репатриации. Поскольку под термином “репатриация” обычно понимается осуществление при содействии государства переселения соотечественников в страну гражданства или на историческую родину, а в более строгом смысле этого слова он означает возвращение на родину, у некоторых экспертов возникает вопрос, насколько правомерно использовать этот термин в отношении потомков лиц, уехавших ранее, а также тех, кто, никуда не уезжая, оказался в другой стране в результате изменения государственных границ. Выделение категории репатриантов из более общей когорты переселенцев призвано подчеркнуть ориентацию определенных мер Госпрограммы переселения именно на выехавших из страны, включая также и их потомков. При этом в отношении переселения рожденных и выросших за границей потомков граждан конкретного государства на территорию этого государства вполне применим и термин “импатриация” (воотчизнение, англ. – *impatriation*), который получает все более широкое распространение в СМИ и научных публикациях [27, с. 42]. В то же время эти терминологические нюансы не меняют сути данного миграционного процесса. Равно как и различия в названиях при сходстве основного содержания программ репатриации, получивших распространение в миграционной практике многих государств, причем развернутых в широких масштабах в Германии, Израиле, а также России.

В реформированном варианте Госпрограммы переселения определен его особый, упрощенный порядок для репатриантов. Во-первых, получение иностранным гражданином-соотечественником статуса участника Госпрограммы в качестве репатрианта или члена семьи такого участника теперь считается основанием для выдачи ему въездной визы в Россию и ВНЖ без получения разрешения на временное проживание²² в дополнение к ранее предусмотренным для участников Госпрограммы переселения возможностям ускоренного получения гражданства РФ. Во-вторых, репатрианту предоставляется возможность выбора региона вселения, в том числе не подпадающего под действие не участвующего в Госпрограмме переселения, например, Москвы и Санкт-Петербурга, особенно привлекательных для мигрантов. Однако в этом случае не предусматривается предоставление большинства государственных гарантий и социальной поддержки в рамках государственной и региональных программ переселения. Такое содействие может оказываться по усмотрению органов власти регионов вселения. Тот факт, что подобное переселение совершается не благодаря стимулирующим мерам, а напротив, несмотря на отсутствие гарантированной поддержки, служит дополнительным подтверждением нематериальной ценностной мотивации данного миграционного потока.

Аналогичное упрощение режима въезда в РФ и пребывания (проживания) на ее территории предусмотрено в соответствии с упоминавшимся Указом № 702 также для граждан государств с деструктивной неолиберальной идеологией. Таким мигрантам предоставляется право на получение разрешения на временное проживание без учета утвержденной Правительством РФ квоты и без подачи документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории и основ законодательства РФ (п. 1).

Для ускорения прохождения паспортно-визовых процедур МВД России ввело приоритетный порядок оказания таких сервисов в режиме “одного окна” указанным категориям переселенцев. Минтруд открывает в регионах консультационные пункты для прибывших. Подобные правовые нововведения и практики являются прежде всего

²¹ Указами Президента РФ № 872 от 22.11.2023 и № 809 от 18.09.2024 “О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом”.

²² Федеральный закон № 253-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 08.08.2024.

гуманитарным ответом на чаяния сочувствующих и лояльных России переселенцев, тем самым естественным образом закладывая почву для оптимизации масштабов и состава миграционных потоков в Россию.

В условиях ограничения доступа жителей западных государств к российскому официальному portalу “Госуслуги” (<https://www.gosuslugi.ru>), правительственные организации создают новые информационные площадки, призванные восполнить образовавшуюся нишу. Так, Россотрудничество запустило цифровой ресурс под названием Карта “Родина” (<https://rodina.tass.ru>), который позволяет соотечественникам, проживающим за рубежом, получить госуслуги и сервисы, связанные с переселением, образованием, профессиональной деятельностью в России и др.

Среди неправительственных проектов содействия переселению есть реализуемые как волонтерскими, так и коммерческими организациями. Крупный волонтерский проект – “Путь домой” (<https://putdomoj.ru>). Хотя этот проект был инициирован переселенцем из Германии А. Бубликом только в 2023 г., к середине 2024 г. в его рамках было оказано содействие в переезде сюда более 2.5 тыс. семей. При поддержке, включая консерж-сервис, Нижегородского кадрового агентства “ОКА” (<https://ru.oka-agency.com>), также руководимом переселенцем из Германии Я. Пиннекером, совершается переезд в область зарубежных высококвалифицированных специалистов, инвесторов, бизнесменов, которым оказывается содействие в подготовке документов и прохождении процедур для получения разрешения на временное проживание, вида на жительства и гражданства РФ. Результативность деятельности организаций, создаваемых переселенцами, обусловлена, с одной стороны, лучшим знанием проблем и потребностей соотечественников, находящихся за рубежом, а с другой, – доверием и взаимопомощью, традиционно являющихся важными ресурсами в этнокультурных социальных сетях и сообществах соотечественников. Чтобы наращивать помощь, этим организациям необходима поддержка государства.

В целом совпадение по времени нарастающей волны миграции из западных стран с принятием новых мер миграционной политики, а также запуском ряда проектов по содействию переселению может указывать если не на эффективность большинства таких инициатив, то по крайней мере на их своевременность и востребованность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При том что любая миграция, в том числе совершаемая по экономическим соображениям, имеет ценностный подтекст, и значительная часть людских перемещений происходит под влиянием нематериальных ценностей, специфически российское понятие “ценностная миграция” относится к передвижениям населения, мотивируемым сугубо традиционными духовно-нравственными ценностями, из стран с нередко более высоким относительно российского уровнем благосостояния. Это нетипичные потоки, отражающие главенство ценностных различий среди причин переезда и, в частности, притягательность российского идейно-ценностного проекта, привлекательность возможностей жизни, работы, учебы и особенно – воспитания детей в стране, стремящейся сохранить и укрепить традиционные созидательные ценности. Разумеется, этот феномен нуждается в дальнейшей концептуализации.

Несмотря на попытки недружественных государств изолировать и ослабить Россию, поток переселенцев в нее усиливается. Этому благоприятствует действие ряда программ и проектов содействия переселению. Однако на пути миграционного процесса существует и немало препятствий. Чтобы обеспечить переезд в страну гораздо большего числа желающих и сделать их инкорпорацию более легкой и быстрой требуется наращивание такой поддержки на всех этапах от подготовки за рубежом к переезду и до закрепления в регионе вселения и во всех областях от консультаций и юридической поддержки и до финансовых трансфертов. Тогда в выигрыше окажутся не только переселенцы, но и принимающая их страна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Xiang B., Nyíri P. Migration and Values. Intersections. *East European Journal of Society and Politics*, 2022, vol. 8(2), pp. 201-206. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.1059
2. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства. *Полис. Политические исследования*, 2025, № 5, № 5, сс. 112-134. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Centers of Power in World Politics: Diversifying Leadership Resources. *Polis. Political Studies*, 2025, no. 5, pp. 112-134. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08
3. Цапенко И.П., Гришин И.В., отв. ред. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 233 с. [Tsapenko I.P., Grishin I.V., eds. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism*. Moscow, IMEMO, 2018. 233 p. (In Russ.)]
4. Семененко И.С., отв. ред. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko, I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
5. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. Москва, Диалог МГУ, 1999. 256 с. [Iontsev V.A. *International Population Migration: Theory and History of Study*. Moscow, Dialog MGU, 1999. 256 p. (In Russ.)]
6. Wolpert J. Behavioral Aspects of the Decision to Migrate. *Papers of the Regional Science Geographical Analysis*, 1965, no. 10, pp. 120-141.
7. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. *Вопросы философии*, 1996, № 4, сс. 15-26. [Leontiev D.A. Value as an Interdisciplinary Concept: The Experience of Multidimensional Reconstruction. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 15-26. (In Russ.)] Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=smpxdd&ysclid=mdelu7beuf435522184> (accessed 03.03.2025).
8. Kluckhohn C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action. Parsons T., Shils E., eds. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge, Harvard University Press, 1951, pp. 388-433. <http://dx.doi.org/10.4159/harvard.9780674863507>
9. Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations. Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds., *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London, Sage, 2007, pp. 169-203.
10. Allport G. *Pattern and Growth in Personality*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1961. 593 p.
11. Gardner R. Macrolevel Influences on the Migration Decision Process. De Jong G., ed. *Migration Decision Making*. New York, Pergamon Press, 1981, pp. 59-89.
12. Eisenstadt S.N. *The Absorption of Immigrants*. London, Routledge & Kegan Paul, 1954. 276 p.
13. Grzymala-Kazłowska A. From Connecting to Social Anchoring: Adaptation and 'Settlement' of Polish Migrants in the UK. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44(2), pp. 252-269. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341713
14. De Jong G.F., Fawcett J.T. Motivations for Migration: An Assessment and a Value-Expectancy Research Model. De Jong G., ed. *Migration Decision Making*. New York, Pergamon Press, 1981, pp. 13-58.
15. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for Emigration, Values, Wellbeing, and Identification Among Young Russian Jews. *International Journal of Psychology*, 2001, vol. 36, (no. 2), pp. 88-99. DOI: 10.1080/00207590042000100
16. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991. 256 p.
17. Scholten P., ed. *Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity*. Cham, Springer, 2022. 500 p.
18. Садовая Е.С. Социальная повестка эпохи общественных трансформаций. *Полис. Политические исследования*, 2025, № 3, сс. 61-75. [Sadovaya E.S. Social Agenda in the Era of Social Transformations. *Polis. Political Studies*, 2025, no. 3, pp. 61-75. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2025.03.05
19. Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. Migrant Values and Beliefs: How Are They Different and How Do They Change? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2014, vol. 40(5), pp. 796-813. DOI: 10.1080/1369183X.2013.830501
20. Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2020, № 2(81), сс. 155-159. [Baturina N.V., Vyatkina V.V. Psychological Factors of Internal Migration of the Russian Population. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2020, no. 2(81), pp. 155-159. (In Russ.)] DOI: 10.24411/1999-6241-2020-12005
21. Strack R., Antebi P., Kataeva N., et al. *BCG Decoding Digital Talent*. 2019. 16 p. Available at: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Decoding-Digital-Talent-May-2019-R-2_tcm9-219578.pdf (accessed 30.08.2024).
22. Капелюшников Р.И. Эскалация вакансий на российском рынке труда. Препринт WP3/2024/02. Москва, Издательский дом ВШЭ, 2024. 60 с. [Kapelyushnikov R.I. *Vacancy Escalation in the Russian Labor Market. Working Paper WP3/2024/02*. Moscow, HSE Publishing House, 2024. 60 p. (In Russ.)]
23. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии. *Журнал НЭА*, 2024, № 2(63), сс. 223-232. [Florinskaya Yu.F. Labor Migration to Russia: Reduction of Flows Accompanied by a Little-Changing Geography. *Journal of the New Economic Association*, 2024, no. 2(63), pp. 223-232. (In Russ.)] DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232
24. Щербакowa Е.М. Преступность в России, 2024 год. *Демоскоп Weekly*, 2025, № 1075-1076. [Shcherbakova E.M. Crime in Russia, 2024. *Demoskop Weekly*, 2025, № 1075-1076. (In Russ.)] Available at: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01075/barom01.php> (accessed 03.06.2025).
25. Donets E.V., Chudinovskikh O.S. Russian Policy on Assistance to the Resettlement of Compatriots Against the Background of International Experience. *Population and Economics*, 2020, vol. 4(3), pp. 1-32. DOI: 10.3897/popecon.4.e54911

26. Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А. Факторы выбора карьерной траектории иностранными выпускниками региональных университетов. *Высшее образование в России*, 2022, т. 31, № 11, сс. 90-105. [Makhotaeva M.Yu., Bakumenko O.A. The Factors of Choosing a Career Path for Foreign Graduates of Regional Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022, vol. 31(11), pp. 90-105. (In Russ.)] DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-90-105
27. Ковалев М.П. Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 2009, № 327, сс. 42-44. [Kovalev M.P. Repatriation as a Type of Migration: Methodological Problems of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 327, pp. 42-44. (In Russ.)] Available at: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/840/files/327-042.pdf> (accessed 03.06.2025).

ЦЕНТРЫ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ
В ТРЕТЬИХ СТРАНАХ КАК НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ

© МАТЮХОВА Е.И., 2025

МАТЮХОВА Елизавета Игоревна, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (lizammat@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2782-4013

Матюхова Е.И. Центры по вопросам миграции и развития в третьих странах как новые институты миграционной политики Германии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 4, сс. 78-91. DOI: 10.20542/afij-2025-4-78-91 EDN: IXXNRJ

DOI: 10.20542/afij-2025-4-78-91

EDN: IXXNRJ

УДК: (327+314.7):(430)

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 01.08.2025.

После доработки 30.09.2025.

Принята к публикации 14.10.2025.

Цель работы заключается в оценке национальных практик Германии по экстернализации процесса регулирования международной миграции. Страна стоит перед вызовом поиска политкорректных форм защиты от “миграционного давления” со стороны лиц, ищущих убежище, при этом испытывая острую проблему старения местного населения и соответствующего дефицита квалифицированных кадров. Имея опыт сотрудничества в этой области на уровне Европейского союза, ФРГ разрабатывает автономные инструменты для решения национальных вызовов и проблем. В статье изучен процесс институционализации миграционной политики Германии и проанализирована деятельность специализированных миграционных центров, учрежденных в третьих странах – в Европе, в Северной и Западной Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Рассмотрена разработанная в рамках программы Федерального министерства экономического сотрудничества и развития “Перспективная Родина” флагманская инициатива учреждения центров по вопросам миграции и развития. Определены ее основные характеристики, цели и задачи. Созданные в первую очередь для проведения индивидуальных консультаций, такие центры, как многофункциональные платформы, призваны расширить легальные и сократить нелегальные маршруты миграции, поддерживать репатриантов в их реинтеграции. Также особое внимание уделено другому виду германских платформ по миграционному регулированию, а именно центрам по вопросам международной миграции и развитию, предназначенным для эмиграции квалифицированных кадров из ФРГ в страны Глобального Юга. Значимой частью этой инициативы служат “интегрированные” и “возвращающиеся” эксперты, так называемые бизнес-скауты по развитию и реинтеграционные разведчики. Несмотря на активную поддержку этих миграционных платформ со стороны государства, в общественных кругах их серьезно критикуют за неэффективность работы и высокую стоимость содержания. Тем не менее с помощью этих новых инструментов Германия наращивает свою способность направлять потоки международной миграции.

Ключевые слова: центры по вопросам миграции и развития, миграционная политика Германии, миграционная политика Европейского союза, реинтеграция, реадмиссия, трудовая миграция, политика развития, официальная помощь развитию, партнерства по

миграции и мобильности, Германское общество по международному сотрудничеству.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

CENTRES FOR MIGRATION AND DEVELOPMENT IN THIRD COUNTRIES AS NEW INSTITUTIONS IN MIGRATION POLICY OF GERMANY

Original article

Received 01.08.2025. Revised 30.09.2025. Accepted 14.10.2025.

Elizaveta I. MATIUKHOVA, (lizamat@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2782-4013, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

This article analyses Germany's national practices in externalization of international migration management. The country faces the challenge of finding politically correct ways to manage the 'migration pressure' from asylum seekers, while also addressing the acute problem of aging local population and corresponding shortage of skilled workers. With cooperation experience in this area at the European Union level, Germany is developing autonomous instruments to tackle national challenges and problems. The article examines the institutionalisation of Germany's migration policy and analyses the activities of specialised migration centres established in third countries – in non-EU countries, North and West Africa, the Middle East and South Asia. This flagship initiative is developed as a part of the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development's 'Perspective Heimat' program. Its main characteristics, goals and objectives are identified. Created primarily for individual consultations, these centres, as multifunctional platforms, are designed to expand legal and reduce illegal migration routes and support returnees in their reintegration. Special attention is also paid to another type of German platform for migration regulation, namely Centres for International Migration and Development, designed for the emigration of skilled workers from Germany to the countries in the Global South. An important part of this initiative is the 'integrated' and 'returning' experts, the so-called business scouts for development and reintegration scouts. Despite active state support for these migration platforms, they are heavily criticised in public circles for their inefficiency and high maintenance costs. Nevertheless, with the help of these new tools, Germany is increasing its ability to govern and direct international migration flows.

Keywords: migration and development centres, German migration policy, EU migration policy, reintegration, readmission, labour migration, development policy, official development assistance, migration and mobility partnerships, German Society for International Cooperation.

About the author:

Elizaveta I. MATIUKHOVA, Researcher, Sector for International Organizations and Global Political Regulation, Department for International Political Problems.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: :Matiukhova E.I. Centres for Migration and Development in Third Countries as New Institutions in Migration Policy of Germany. Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2025, no. 4, pp. 78-91. DOI: 10.20542/afij-2025-4-78-91 EDN: IXXNRJ

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия феномен миграции и ее регулирование относятся к числу наиболее актуальных и дискуссионных проблем. Наиболее насущны они для стран Европейского союза (ЕС), которые стали местом притяжения для лиц, ищущих убежище, нередко пересекающих границу этого интеграционного объединения посредством нелегальных и опасных маршрутов, приводя в состояние кризиса, помимо прочего, саму общеевропейскую миграционную политику. Особенно это касается Германии с ее признанными на международном уровне социальными гарантиями, которые привлекают как мигрантов, спасающихся от международно-политических катаклизмов, так и ищущих экономические перспективы. Несмотря на то, что значительное число вынужденных переселенцев исходят из развивающихся государств и мигрируют, как правило, в соседние страны, этот напор иммиграции ощутим и в ФРГ, которая уже длительное время стоит перед культурными, политическими, социальными и экономическими вызовами¹. Названные тенденции в германском дискурсе регулирования миграции получили название “миграционного давления”, под которым, по мнению автора, понимается процесс непрекращающегося, усиленного, нестандартно высокого потока миграции из третьих стран, который дестабилизирует бюрократические процедуры государства и ложится на него ощутимым бременем.

В течение длительного периода характер иммиграции в Германию из третьих стран выражался в явном преобладании именно просителей убежища (в 2015 и 2022 гг. в страну въехало более 1 млн человек) зачастую с низким уровнем образования и квалификации и отсутствием навыков, необходимых для относительно легкой интеграции. Общим местом в дискурсе о регулировании миграции в ФРГ стал тезис о том, что такой вид миграции создает чрезмерную нагрузку на немецкую систему социального обеспечения и страхования. Кроме того, с притоком вынужденных мигрантов в страну въезжают и представители различных радикальных группировок, создавая высокий риск для безопасности граждан.

В условиях быстрых и часто непрогнозируемых изменений в сфере миграции и предоставления убежища, особенно в 2015 и 2022 гг., в сочетании с негативными демографическими тенденциями, прогрессирующей цифровизацией и мерами по декарбонизации в самой Германии поиски новых эффективных инструментов регулирования миграции одновременно востребованы и сложны. Миграционная политика становится одним из слагаемых обновленной национальной политики развития. Ключевым подходом является представление о том, что необходимо интегрировать инструменты политики развития и миграционную политику, в том числе путем усиления тренда на экстернализацию процесса регулирования миграции².

В центр политики властных элит встали вопросы преодоления структурных причин миграции и создания перспектив для потенциальных переселенцев на их родине, которые, как предполагается, снизят миграционное давление на ФРГ. Политика развития стала тем фактором, который позволил запустить процесс формирования возможностей в странах исхода мигрантов. В ее контексте в Германии разработан ряд инициатив и программ по стимулированию практик по реэмиграции и реинтеграции в местные сообщества. Этот процесс сокращает стимулы для повторной эмиграции и повышает человеческий потенциал в развивающихся странах.

По размерам финансирования официальной помощи развитию (ОПР) в мире Германия уступает лишь США. ФРГ проводит активную политику в отношении развивающихся стран и основных стран происхождения и транзита потоков миграции, а именно из Африки и Азии, в форме разнообразных двусторонних, многосторонних и негосударственных связей [1]. Ключевая цель – вовлечь эти страны в свою собственную

¹ *Sonderinitiative Fluchtursachen bekämpfen – Flüchtlinge (re-)integrieren (SI Flucht)*. Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Oktober 2021. Available at: <https://www.giz.de/de/downloads/fluchtursachen-bekaempfen-fluechtlinge-reintegrieren.pdf> (accessed 10.05.2025).

² Экстернализация процесса регулирования миграции – это политический подход, при котором государство реализует практики регулирования миграции вне своей территории, а именно в третьих странах.

стратегию миграционного регулирования и увязать предоставление помощи в целях развития с условиями национальной миграционной политики³.

Взаимозависимость проблем миграции и развития интересовала мировое академическое сообщество не одно десятилетие, и такой дискурс успешно институционализировался. В различных странах мира со второй половины XX в. открылись специализированные научные учреждения по данной тематике, такие как Международный центр по развитию миграционной политики (*International Centre for Migration Policy Development, ICMPD*) в Австрии, Центр по вопросам миграции, гражданства и развития (*Centre on Migration, Citizenship and Development, COMCAD*) и Центр по вопросам миграции и экономики развития Института экономических исследований в Германии (*ifo Centre for Migration and Development Economics*). В свою очередь, Центр по вопросам миграции и развития Принстонского университета в США (*Centre for Migration and Development, CMD*) представляет собой пример академической платформы для исследовательской деятельности студентов. Некоммерческими организациями, которые занимаются разработкой и реализацией программ по интеграции мигрантов, считаются Центр по вопросам миграции и инклюзивного развития, созданный для социальной интеграции мигрантов в Индии (*Centre for Migration and Inclusive Development, CMID*), и Международный центр по вопросам миграции, здоровья и развития (*International Centre for Migration Health and Development, ICMHD*), базирующийся в Женеве (Швейцария). Однако в этой работе речь идет прежде всего о консультационных центрах по вопросам миграции и развития, число которых в мире постоянного увеличивается, а ФРГ представила одну из моделей такого международного сотрудничества.

Целью настоящего исследования стало выявление задач, функций, направлений и особенностей деятельности новых институтов миграционной политики Германии в третьих странах. В частности, поставленная проблема рассматривается через призму экстернализации миграции и исследуется на основе международного опыта создания консультационных механизмов и инструментов для мигрантов. Несмотря на то, что миграция считается достаточно популярным явлением для научных изысканий, область изучения консультационных миграционных платформ – относительно новая, а основными источниками информации служат публикации, в том числе руководства по созданию центров для мигрантов, таких международных институтов и организаций, как Международная организация по миграции (МОМ) и Международная организация труда (МОТ).

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИЯ ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ

Явление экстернализации миграции не только не ново, но и становится все более востребованным, а его механизмы постоянно расширяются [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. За последнее десятилетие в различных странах и регионах, не только в ЕС, Соединенных Штатах и Австралии, но и в странах Глобального Юга, таких как Индонезия, Малайзия и Таиланд, наблюдается растущая тенденция применять практики вынесения регулирования миграции за национальные границы. С помощью этого государства пытаются управлять миграцией и осуществлять миграционную политику за своими пределами, часто сотрудничая с другими странами или негосударственными акторами [8, с. 3]. Разновидностями подобной экстернализации считаются на первый взгляд такие идентичные, но по сути различные процессы, как удаленный контроль (*remote control*) [9], внешнее измерение (*external dimension*), экстернализация (*externalisation*), экстерриториальность (*extra-territorialisation*), сопоставленный контроль (*juxtaposed control*) [10], внешние отношения (*external relations policy*) [11] и даже внешняя политика (*foreign policy*) [12; 13].

³ Migrationskrise entwicklungspolitisch bekämpfen – Abfluss von Sozialleistungen verhindern und Rücküberweisungen regulieren. Drucksache 20/14032. Deutscher Bundestag. 03.12.2024. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/140/2014032.pdf> (accessed 10.05.2025).

Каждый из этих терминов фактически обозначает различную степень миграционного регулирования и контроля, осуществляемого в определенных третьих странах, как правило, Глобального Юга. К примеру, внешнее измерение предполагает слабый косвенный тип регулирования миграции, когда миграционная политика разрабатывается конкретным государством – членом ЕС, но реализуется полностью третьей страной с учетом собственных потребностей. В свою очередь, экстернализация предполагает прямой контроль в виде частичного экспорта управления границами в третьи государства, при котором национальная граница и зона пограничного контроля смещаются [13].

Несмотря на то, что практика экстернализации активно применялась и в предыдущие века, само это понятие вошло в лексикон международного миграционного права лишь в 2000-е годы [8]. В последние десятилетия происходит переход от односторонних мер экстернализации, предпринимаемых государством, например, в виде визовых требований, к формам двустороннего или многостороннего сотрудничества в формате миграционных соглашений и партнерств [14]. Помимо этого, такая трансформация сопровождалась изменением степени формализации этих механизмов, которые перешли от традиционных соглашений к более широкому использованию норм “мягкого права”, таких как меморандумы о взаимопонимании [15]. Германия пошла еще дальше и разработала собственные страновые платформы для регулирования миграции на местах. Ученые-международники называют такой переход к многосторонним соглашениям в контексте регулирования миграции “совместным сдерживанием” (*cooperative deterrence*) или “архитектурой отталкивания” (*architecture of repulsion*) [15].

Поскольку сфера создания партнерств такого рода чувствительна для любого государства и юридически не определена ни на национальном, ни на международном уровне, она поднимает острые вопросы ответственности, демократичности, недопущения неокOLONиальных практик и соблюдения прав человека. Распространено мнение, что практики внешнего миграционного регулирования используются для того, чтобы переложить бремя управления миграцией с принимающего государства на третьи страны. Это объясняет многофункциональный подход Германии к регулированию миграции, затрагивающий самые различные сферы от пограничного контроля до проведения консультаций для местных жителей. Процесс экстернализации управления миграцией включает многие меры, такие как аутсорсинг функций контроля границ, заключение соглашений с соседними или транзитными странами, а также предоставление помощи или стимулов другим странам для предотвращения или сокращения миграционных потоков [8].

Ключевыми задачами миграционной политики ФРГ считаются две. Во-первых, решение одной из центральных проблем – прекращение пребывания на территории Германии лиц, которые не имеют права на проживание, и стимулирование беженцев вернуться в страны исхода. Большое внимание уделяется таким практикам, как депортация, добровольное возвращение, содействие возвращению и реинтеграция, реадмиссия. На ноябрь 2024 г. ФРГ заключила соглашения о различных форматах сотрудничества по процедуре репатриации с более 50 странами мира. Во-вторых, поиск квалифицированных кадров по дефицитным профессиям и продвижение в этой сфере рекламных компаний по привлечению необходимых сотрудников. Экстернализация миграции отвечает и этим потребностям страны. Новые консультационные центры по вопросам миграции призваны способствовать упорядоченной, безопасной и легальной миграции.

Несмотря на в целом критическое и даже негативное восприятие экстернализации миграции в мире, Германия, как и, впрочем, Евросоюз в целом, интегрирует его с политикой развития и применяет международные стандарты, разработанные международными институтами. Такой подход позволяет проводить политику в русле взаимовыгодного сотрудничества как отправляющих, так и принимающих стран. ФРГ является пионером в реализации мер поддержки на стыке гуманитарной помощи, развития и миротворчества (так называемый *Humanitarian-Development-Peace (HDP) Nexus*), руководствуясь принципом “не навреди” в своей политике развития [16].

Деятельность Федерального министерства экономического сотрудничества и развития в области предоставления убежища и миграции с 2017 г. объединена в рамках программы “Перспективная родина” с так называемыми центрами консультаций по вопросам миграции. Последние управляются правительственной структурой, главным исполнителем политики развития федерального правительства – Германским обществом по международному сотрудничеству. В период 20-го созыва Бундестага с 2021 по 2025 гг. на смену программе пришла инициатива Федерального правительства “Центры по вопросам миграции и развития”, в рамках которой центры по консультированию мигрантов продолжают функционировать и расширять свою работу. Основная цель обновленных центров – организация легальных миграционных маршрутов, сокращение нелегальной миграции и поддержка репатриантов в процессе реинтеграции. Эти центры представляют большой интерес в Германии и неоднократно становились предметом парламентских запросов. Федеральное правительство рассматривает консультационные центры как меру, способствующую реализации Повестки дня на период до 2030 г. (Цель устойчивого развития № 10 “снижение уровня неравенства внутри стран и между ними” и подцель № 10.7 “содействие упорядоченной, безопасной, регулярной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе путем реализации спланированной и хорошо управляемой миграционной политики”) и Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции⁴, который Германия подписала в 2018 г. в числе 164 стран.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ

С 1970-х годов правительства, неправительственные организации (НПО) и межправительственные организации (МПО) создают консультационные платформы для мигрантов как в странах происхождения, так и в странах назначения (в первых все же чаще) на разных этапах миграции [17]. Они имеют различные названия, которые зависят от целей, целевой группы, их потребностей, географического расположения, рабочих языков и финансирования. К примеру, к ним относят Ресурсные центры для мигрантов (РЦМ, *Migrant Resource Centres, MRC*), Центры мобильности (*Mobility Centres*), а в странах Западных Балкан сформировался такой термин, как Сервисные центры для мигрантов (*Migrant Service Centres*)⁵. Общепринятое определение такого феномена отсутствует, специалисты МОМ рассматривают ЦМР как физические структуры, предоставляющие услуги непосредственно мигрантам и созданные для законной, добровольной, упорядоченной и защищенной миграции [17]. Эти платформы организованы в русле универсального подхода (*one-stop-shop*), в рамках которого объединены все виды услуг и информации по миграции. Центры миграционных ресурсов создаются правительствами, неправительственными организациями, трастовыми фондами, самими мигрантами, а финансируют их в том числе и транснациональные корпорации (ТНК), и частные предприятия.

Несмотря на отсутствие точной информации о создании первых консультационных центров в мире, сотрудники МОМ предполагают, что таковыми были учрежденные в 1976 г. в Австралии “экспериментальные” центры, предоставляющие мигрантам информацию о переселении [17]. К 2020-ым годам эти центры стали стандартным политическим инструментом для информирования мигрантов в различных странах мира. США как один из центров иммиграции разработали так называемые Офисы безопасной мобильности (*Safe Mobility Offices, SMO*) для размещения в странах Латинской Америки с целью предоставления помощи в легальной иммиграции в страну. А в странах Среднего Востока (Афганистан и Иран), Западной Азии (Ирак), Южной Азии (Бангладеш и Пакистан) при поддержке Международного центра по развитию миграционной политики в рамках проекта “Улучшение управления миграцией в странах Шелкового пути” создано несколько

⁴ Transformation durch die Agenda 2030 für nachhaltige Entwicklung und den Global Compact for Migration. Drucksache 19/6967. Deutscher Bundestag. 14.01.2019. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/069/1906967.pdf> (accessed 10.05.2025).

⁵ Global Inventory with a Focus on Countries of Origin. European Training Foundation. 2015. Available at: <https://cadmus.eui.eu/server/api/core/bitstreams/ecb6dafd-d912-5698-ba83-881166f887e4/content> (accessed 10.05.2025).

Ресурсных центров для мигрантов, предлагающих индивидуальные консультации по вопросам легальной миграции [18]. ЕС активно финансирует Центры мобильности в Грузии, созданные при поддержке MOM. Интересен опыт Филиппин, которые для оказания помощи своим гражданам открыли в других странах мира Ресурсные центры для трудящихся-мигрантов и филиппинцев, проживающих за рубежом (*Migrant Workers and Overseas Filipinos Resource Centres*).

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРОВ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ

Инициатива “Центры по вопросам миграции и развития”⁶ ориентирована как на репатриантов, так и на местных жителей стран-партнеров, и наглядно иллюстрирует происходящий сдвиг парадигмы в государственной миграционной политике и общей миграционной политике ЕС по вопросам регулирования миграции. Центры по вопросам миграции и развития (ЦМР) – это зонтичное название для организаций различного типа, которые под руководством Германии (и иногда ЕС) в соответствующих странах выполняют широкий спектр задач и являются уникальными в своем роде. Причем федеральное правительство подчеркивает, что других программ или организационных подразделений, выполняющих сопоставимые с ЦМР функции, не существует⁷.

Центры не создаются с нуля, а опираются прежде всего на национальные министерства занятости и/или миграции и предыдущие консультационные центры по вопросам трудоустройства, миграции и реинтеграции в рамках программы “Перспективная родина”. Перед государством стоит задача балансирования между мерами по возвращению, вопросами подбора персонала и политикой развития, которая занимает центральную роль в обновленных центрах и служит мандатом Федерального министерства экономического сотрудничества и развития. По замыслу Германии, эти центры должны интегрировать частный сектор и определенные НПО и позволять другим странам-донорам участвовать в финансировании.

ЦМР служат широкими платформами, в структуру которых теперь входят Консультационные центры по вопросам миграции. ЦМР функционируют в виде информационных (*Informationszentrum*), общих (*Zentrum*) или консультационных центров (*Beratungszentrum*). Помимо этого, в связи с тяжелой военно-политической ситуацией в ряде принимающих стран, например, в Афганистане, Германия апробирует консультационные агентства в онлайн-формате (*Onlineberatungsagentur*). В рамках данного проекта ФРГ организовала специализированную горячую линию для возвращающихся на родину мигрантов (*Rückkehrerhotline*).

У центров в Европе есть мобильные подразделения (*mobile Einheiten*), сотрудники которых посещают школы, университеты и институты по всей стране, предоставляя информацию и консультации на местах. В Сербии разработаны восемь так называемых локальных бюро (*Hotspot-Büros*) в таких городах, как Бор, Вране, Кралево, Крушевац, Ниш, Нови-Пазар, Нови-Сад, Суботица. Они работают по четыре часа в день один раз в неделю. Помимо этого, о функциональных возможностях центра сообщает приложение *RE:INTEGRATE Serbia*.

По географическому признаку, а также в зависимости от компетенции и структуры финансирования ЦМР классифицируются по степени вовлеченности сторон. Они могут быть локальными под патронажем ФРГ и локальными с участием Евросоюза. В большинстве своем это Центры по вопросам миграции и развитию, но, например, платформы в Албании, Косово, Сербии и Гамбии на июнь 2025 г. трансформировались в партнерские структуры. К примеру, ЦМР, расположенные в Албании, Косово и Сербии, странах – кандидатах на вступление в ЕС, представляют собой единый тип центров, координируемых исключительно Германией. Национальными партнерами по реализации

⁶ *Migrationspolitische Effekte der deutschen Entwicklungszusammenarbeit...*

⁷ *Transformation durch die Agenda 2030...*

в странах-партнерах являются отраслевые министерства (например, министерства труда, социальных дел или миграции) и подчиненные им органы власти (например, агентства по трудоустройству). На июнь 2025 г. центры в Египте, Гане, Марокко и Пакистане софинансируются ЕС, а услуги в Ираке – Швейцарским государственным секретариатом по миграции⁸. Власти Египта подчеркивают, что центр, созданный в 2020 г., стал первым в своем роде в стране⁹.

Наибольшее количество подразделений центров расположено в Марокко и Нигерии, а мобильных офисов – в Сербии. Самые длинные рабочие часы, а именно девять часов пять раз в неделю, у центра в Гане, когда как офис в Тунисе функционирует лишь три часа в день четырежды в неделю. Как правило, во всех центрах персонал использует местный и английский языки, немецкий язык доступен только в Гане, Косово, Марокко, Нигерии, Пакистане, Тунисе. Согласно официальному portalу центров, в каждой стране работают от двух до шести человек, по крайней мере, те, чьи должности находятся в открытом доступе. А в Египте, Ираке, Иордании, Марокко, Тунисе раздел “наша команда”, вероятно, в связи с вопросом безопасности вообще отсутствует. По открытым источникам, самая многочисленная команда находится в Пакистане. Некоторые из Центров возглавляют приглашенные сотрудники из Германии, а другие – представители местного населения. Как правило, все консультанты являются выходцами из местных сообществ. В каждой отдельной стране разработаны индивидуальные должности. В странах-партнерах можно найти такие позиции, как руководитель, консультанты различной квалификации, консультант по вопросам регулярной миграции (Пакистан), консультанты по вопросам трудоустройства и реинтеграции (Нигерия), контактные лица для женщин и людей, нуждающихся в защите (Пакистан, Гана), координаторы (Нигерия), национальный координатор (Гамбия), технический консультант по делам гражданского общества (Гамбия), технический консультант по вопросам частного сектора (Гамбия), младший специалист по мониторингу и оценке (Гана), младший консультант по реинтеграции в сфере содействия трудоустройству (Гамбия), младший консультант по реинтеграции в сфере учреждения компаний (Гамбия).

Набор функций этих пунктов весьма разнообразен и адаптирован к конкретным потребностям каждой отдельной страны. В зависимости от национальных интересов и целей Германии центры проводят политику в трех направлениях: 1) в области индивидуальных консультационных услуг по иммиграции в ФРГ и ЕС и информирования об опасностях нелегальной миграции; 2) реинтеграция репатриантов из ФРГ в страны происхождения и 3) консультирование по вопросам местных перспектив и политики развития (образование, повышение квалификации, здравоохранение, психосоциальная поддержка, гендерное равенство, энергетика, водоснабжение)¹⁰. Центры поддерживают финансируемые Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии местные проекты и фокусируются на долгосрочной интеграции мигрантов.

О масштабности этого проекта говорит количество целевых стран, в которых они были открыты (табл. 1).

⁸ *Promoting Fair Labour Migration and Reintegration After Return*. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit. June 2025. Available at: <https://www.giz.de/en/worldwide/131161.html> (accessed 10.05.2025).

⁹ *Egypt and Germany Sign Agreement for Second Phase of the 'Egyptian-German Center for Jobs, Migration, and Reintegration'*. Top 50 Women Forum. 15.01.2025. Available at: <https://top50women.com/egypt-and-germany-sign-agreement-for-second-phase-of-the-egyptian-german-center-for-jobs-migration-and-reintegration/> (accessed 10.05.2025).

¹⁰ *Migrationsberatungszentren in elf Ländern und ihre Wirksamkeit*. Drucksache 19/476. Deutscher Bundestag. 18.01.2018. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/004/1900476.pdf> (accessed 10.05.2025).

Таблица 1. География Центров по вопросам миграции и развития в мире
Table 1. Geography of the Centres for Migration and Development Around the World

Страна	Название центра	Количество центров в стране	Год учреждения /закрытия	Финансирование (2017–2020 гг.), млн евро на весь период	Количество программ (2017–2018 гг.)	Финансирование программ сотрудничества в целях развития (2017–2020 гг.), млн евро	Количество сотрудников на январь 2018 г.
ЕВРОПА							
Албания	Немецкий информационный центр по вопросам миграции, обучения и карьеры – Deutsches Informationszentrum für Migration, Ausbildung und Karriere, DIMAK	2 (Тирана, Шкодер)	2016 г. / передан на управление в местные структуры в 2024 г.	1.9	19 200	6.0	5
Косово	Немецкий информационный центр по вопросам миграции, обучения и карьеры	1 (Приштина)	май 2015 г.	2.45	20 200	12.95	9
Сербия	Немецкий информационный центр по вопросам миграции, обучения и карьеры	1 (Белград)+ 8 мобильных офисов	ноябрь 2016 г.	1.9	5 600	6.1	7
АФРИКА							
Северная Африка							
Египет	Египетско-немецкий центр по вопросам занятости, миграции и реинтеграции – Ägyptisch-Deutsches Zentrum für Jobs, Migration und Reintegration, EGC	1 (Каир)	2020 (новая фаза развития с 2025 г.)			12.9	
Тунис	Тунисско-немецкий центр по вопросам миграции и развития – Tunesisch-Deutsches Zentrum für Migration und Entwicklung, CMD	1 (Тунис)	март 2017 г.	1.4	1 700	13.4	6
Марокко	Марокканско-европейский информационный центр по содействию трудовой мобильности и профессиональной интеграции – Marokkanisch-Europäisches Informationszentrum zur Förderung von Arbeitsmobilität und Beruflicher Integration, EIMEA	7 (Агадир, Бени-Меллаль, Касабланка, Фес, Уджда, Рабат, Танжер)		2.7	400	9.8	2
Западная Африка							
Гамбия	Немецко-гамбийский консультационный центр по вопросам занятости, обучения и реинтеграции – Deutsch-Gambisches Beratungszentrum für Jobs, Training und Reintegration, GGAC	1 (Серекунда)	декабрь 2017 г.	примерно 0.5–0.8 в год			

Гана	Ганско-европейский центр по вопросам занятости, миграции и развития – <i>Ghanaisch-Europäisches Zentrum für Jobs, Migration und Entwicklung, GEC</i>	1 (Акра)	2017 г.	1.2	6 800	5.0	4
Нигерия	Нигерийско-немецкий центр по вопросам миграции и развития – <i>Nigerianisch-Deutsches Zentrum für Migration und Entwicklung, NGC</i>	5 (Абуджа, Бенин-Сити, Латос, Яба, Нью-Кару)	2018 г.	примерно 0.5–0.8 в год	1 400	6.0	3
Сенегал	Сенегальский центр занятости, миграции и реинтеграции – <i>Senegalesisches Zentrum für Jobs, Migration und Reintegration, CSAEM</i>	1 (Дакар)	передан на управление в местные структуры в 2024 г.	1.36	2 700	5.6	5
Ближний Восток							
Афганистан	Консультационный онлайн центр по вопросам миграции и развития – <i>Onlineberatungs-agentur für Migration und Entwicklung</i>		май 2018 г. / перезапуск август 2021 г.		500	7.0	1
Ирак	Немецкий центр по вопросам занятости, миграции и реинтеграции в Ираке – <i>Deutsches Zentrum für Jobs, Migration und Reintegration in Irak, GMAC</i>	2 (Эрбиль, Багдад)	июнь 2019 г.	примерно 0.5–0.8 в год	1 500	5.15	1
Иордания	Немецко-иорданский центр трудовой мобильности – <i>Deutsches-Jordanisches Zentrum für Arbeitsmobilität, GJC</i>	1 (Амман)	ноябрь 2023 г.	примерно 0.5–0.8 в год			
Юго-Восточная Азия							
Индонезия	Центр миграции, занятости и развития – <i>Zentrum für Migration, Beschäftigung und Entwicklung Indonesiens (MOVE-ID)</i>	2 (Бандунг, Матарам)	июнь 2025 г.				
Южная Азия							
Пакистан	Пакистанско-немецкий консультационный центр по вопросам трудоустройства и реинтеграции – <i>Pakistanisch-Deutsches Beratungszentrum für Jobvermittlung und Reintegration, PGFRC</i>	2 (Исламабад, Лахор)	сентябрь 2024 г.				

* Поскольку новые центры по вопросам миграции и развития созданы на базе уже существующих платформ, в таблице объединены данные.
Источник: составлено автором по данным сайтов центров.

В настоящее время насчитывается 15 Центров по вопросам миграции и развития, из которых на июнь 2025 г. 12 были действующими, а их подразделений – как минимум 34. Они представлены в различных регионах мира: в Европе (за пределами Евросоюза), в Северной и Западной Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Первый подобный центр был открыт в 2015 г. в Косово и стал “успешной моделью, образцом для экспорта” в другие страны мира. В связи с активизацией переговоров о вступлении страны в Евросоюз ЦМР в Албании закрыт с декабря 2024 г., а его услуги теперь предлагает Албанское национальное агентство по трудоустройству и квалификации. Предполагалось, что в зависимости от ситуации с безопасностью, возможно, будет также организовано физическое консультирование через уже существующие структуры в Афганистане¹¹. Однако ЦМР в Афганистане на фоне острого вопроса безопасности так и не был открыт.

ЦМР сотрудничают с государственными и частными агентствами по трудоустройству на местах или министерствами труда. В эту деятельность вовлечена и МОМ. ЦМР не имеют мандата на трудоустройство в Германию, этим занимается национальное агентство по трудоустройству. Центры располагают собственными помещениями – от одной небольшой комнаты до офисов площадью 300 м кв. (с помещениями для тренингов и совещаний), так и специально отведенными местами в местных агентствах занятости и в проектных офисах Германского общества по международному сотрудничеству¹².

Финансирование центров зависит от структуры расходов Федерального правительства Германии в конкретной стране, спроса и предложения¹³. На первые три года, с 2017 по 2020 г., инициатива получила бюджетное финансирование в 150 млн евро¹⁴, из которых 15 млн (десятая часть) было выделено на мероприятия неправительственных германских и местных организаций. За период 2017–2018 гг. в рамках программы “Перспективная родина” было реализовано около 197 тыс. мероприятий, из которых 60 тыс. проведено ЦМР, 130 тыс. организованы на средства государственных программ немецкого сотрудничества в области развития и около 7 тыс. мероприятий – через проекты гражданского общества. Расходы на одного человека варьируются в зависимости от объема консультаций и принятых мер.

Несмотря на то, что прошло достаточное количество времени для оценки среднесрочной эффективности центров, увидеть результаты этой политики практически невозможно, поскольку лица, которые после успешной консультации в центре по вопросам миграции нашли работу или место обучения, не обязаны сообщать об этом в центр. Хотя данные о количестве проконсультированных лиц статистически не регистрируются, Федеральное правительство сообщает, что с июля 2017 г. по июль 2021 г. было проведено в общей сложности 119 тыс. консультаций, из них 21 тыс. с репатриантами из Германии, 10 тыс. с репатриантами из третьих стран и 88 тыс. с местным населением. Данные Центрального реестра иностранцев, который ведет Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев ФРГ, не дают информации о типе въезда в Германию, поэтому не представляется возможным определить, сколько мигрантов из 509 тыс. с 2017 г. иммигрировали в Германию из стран, участвующих в программе “Перспективная родина”.

В свою очередь подсчитано, что благодаря этой программе работу нашли в общей сложности с июля 2017 г. по июль 2021 г. 185 тыс. человек, из них 11 тыс. – репатрианты из Германии, 17 тыс. – репатрианты из третьих стран и 156 тыс. – местное население. Кроме того, было предложено около 97 тыс. мер поддержки по созданию собственного бизнеса, например, обучающие тренинги и финансовые субсидии¹⁵. Доля самозанятых составила за указанный период 17%, а доля работников наемного труда – 83%¹⁶. При реализации

¹¹ Transformation durch die Agenda 2030...

¹² Migrationsberatungscentren in elf Ländern und ihre Wirksamkeit...

¹³ Ibid.

¹⁴ Migrationskrise entwicklungspolitisch bekämpfen – Abfluss von Sozialleistungen verhindern und Rücküberweisungen regulieren. Drucksache 20/14032. Deutscher Bundestag. 03.12.2024. Available at: <https://dsserver.bundestag.de/btd/20/140/2014032.pdf> (accessed 10.05.2025).

¹⁵ Perspektive Heimat – Zwischenbilanz zu Rückkehr- und Rückführungsinitiativen...

¹⁶ Migrationsberatungscentren in elf Ländern und ihre Wirksamkeit...

своей стратегии найма квалифицированных работников Федеральное правительство соблюдает международные принципы этически ответственного найма рабочей силы¹⁷. Другая центральная проблема – отсутствие достаточной информации в открытом доступе и непрозрачность деятельности таких центров. Однако на международном уровне германская модель организации центров заслужила признание: по примеру Германии Италия готовится к открытию центра занятости и миграции в Каире, Египте¹⁸.

В самой Германии Центры по вопросам миграции и развития подвержены критике со стороны ультраправых сил. Депутаты партии “Альтернатива для Германии” (АдГ) выступают за закрытие этих центров за рубежом¹⁹. По их мнению, работа таких платформ равносильна распространению немецкого государства всеобщего благосостояния за границу. Приверженцы партии предупреждают о негативных эффектах подобной политики в виде роста низкоквалифицированной и культурно несовместимой миграции и напоминают об истинной цели создания Центры по вопросам миграции и развития, а именно репатриации нелегальных мигрантов. Ряд скептиков ссылается на данные об эффективности консультационных центров. Например, такой центр в Тунисе в лице одного сотрудника к концу 2017 г. проконсультировал лишь 330 человек²⁰. Другой важный вопрос – потенциал консультационных центров оказывать конкретную поддержку, особенно в таких странах, как Ирак, Афганистан и Египет, откуда люди бегут от вооруженных конфликтов, насилия и отсутствия экономических перспектив²¹.

ЦЕНТРЫ ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ

С 1980 г. Германское общество по международному сотрудничеству курирует (раньше – при участии Службы международного трудоустройства Федерального агентства по трудоустройству Германии) центры компетенции по международной трудовой мобильности Федерального правительства Германии, а именно так называемые Центры по вопросам международной миграции и развития (ЦММР). Такие платформы традиционно привлекают квалифицированные кадры в соответствующей и необходимой для местного сообщества сфере из ЕС и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) в развивающиеся страны (их принято называть в Германии “интегрированными” экспертами), а ЦММР таким образом являются посредником между местным работодателем и квалифицированными работниками. “Интегрированные” эксперты – это высококвалифицированные профессионалы со знанием местного языка, имеющие местный трудовой договор для работы в стране назначения в государственных учреждениях или частных компаниях, палатах, ассоциациях или неправительственных организациях в течение не менее двух лет. Для таких специалистов ЦММР предлагает субсидирование заработной платы, социальные пособия, покрытие транспортных расходов и трат на обучение детей. Немецкие эксперты называют ЦММР двигателем перемен. До конца 2022 г. ЦММР размещала опытных немецких и европейских специалистов в странах Африки, Азии, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы.

В качестве “интегрированных” экспертов приглашаются к работе так называемые бизнес-скауты по развитию (*Business Scouts for Development*), которые консультируют немецкие, европейские и местные компании по вопросам политики развития примерно в 40 странах мира²². В свою очередь так называемые реинтеграционные разведчики (*Reintegrations-Scouts*) оказывают поддержку немецким консультационным центрам,

¹⁷ Migrationspolitische Effekte der deutschen Entwicklungszusammenarbeit...

¹⁸ Joint Egyptian-Italian Migration Centre to Be Established in Cairo. Scene Now, 12.06.2024. Available at: <https://scenenow.com/Buzz/Joint-Egyptian-Italian-Migration-Centre-to-be-Established-in-Cairo> (accessed 10.05.2025).

¹⁹ Migrationskrise entwicklungspolitisch bekämpfen...

²⁰ Migrationsberatungszentren in elf Ländern und ihre Wirksamkeit...

²¹ Ibid.

²² *Business Scouts for Development*. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit. July 2023. Available at: <https://www.giz.de/en/downloads/giz-2023-en-kontaktdatenliste-business-scouts-for-development.pdf> (accessed 10.05.2025).

устанавливая связи с контактными пунктами по трудоустройству в соответствующих странах происхождения.

Помимо этого, ЦММР помогают экспертам из развивающихся стран реинтегрироваться в свои страны происхождения, в этом случае их принято называть “возвращающимися” экспертами²³. Им оказывали поддержку для открытия собственного бизнеса. С 2008 г. услуги для возвращающихся на родину специалистов из Германии были включены в качестве компонента в программу “Миграция для развития”.

Ключевое отличие между ЦММР и ЦМР заключается в их функциональной деятельности. ЦММР ориентирован на политику развития и рынок труда, в то время как ЦМР дополнительно включает процедуру репатриации. По сути, ЦММР предполагает самостоятельный и добровольный ввоз квалифицированных кадров Германией в третьи страны, а ЦМР – приглашение необходимых специалистов из-за рубежа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вызовы нелегальной миграции, репатриации, острая нехватка рабочей силы и глобальная борьба за квалифицированные кадры усиливают внимание к регулированию миграции на основе международных партнерств в русле подхода “безопасной, легальной и упорядоченной миграции”. Германия не отстает от современных трендов по регулированию международной миграции, поэтому не только создает актуальные институты, но и адаптирует и улучшает международные практики. ФРГ ставит перед собой две ключевые задачи: 1) выполнение роли посредника для содействия найму талантов; 2) выполнение роли первопроходца для создания партнерств как с государственным, так и с частным сектором, например, для обучения и найма работников в некоторых критически важных секторах. В силу увеличения рисков национальной безопасности в центре внимания федеральных властей находятся практики экстернализации миграции, которые не всегда положительно воспринимаются как третьими странами, так и международными активистами и оппозицией внутри страны. Основанные на нормах “мягкого права” и частично формализованные соглашения и партнерские отношения с третьими странами в области миграции стали характерной чертой внешнего аспекта миграционной политики Германии. Обновленные Центры по вопросам миграции и развития, по замыслу политических элит Германии, олицетворяют современное целостное понимание феномена миграции, при котором ФРГ не только обучает и нанимает работников для немецкого рынка труда, но и способствует экономическому развитию и созданию рабочих мест в принимающих странах. Эти центры регулируют не только циркуляционную миграцию между Германией и партнерской страной, но и в целом между Евросоюзом и другими регионами. Эти платформы приобретают, помимо двустороннего, еще и многосторонний региональный и глобальный масштаб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 10, сс. 97-108. [Tsapenko I.P. Promising Practices of Migrant Integration. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 10, pp. 97-108. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-97-108
2. Погорельская А.М. Пражский процесс: первые результаты и перспективы развития. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2014, № 6(33), сс. 140-145. [Pogorel'skaya A.M. The Prague Process: First Results and Prospects. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, no. 6(33), pp. 140-145. (In Russ.)]
3. Потемкина О.Ю. “Новое партнерство” Комиссии ЕС – “амбициозный план” с неясными перспективами. Гусев К.Н. отв. ред. *Европейская аналитика* 2017. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, ИЕ РАН, 2017, сс. 71-80. [Potemkina O.Yu. ‘New Partnership’ of the EU Commission – ‘Ambitious Plan’ with Unclear Prospects. Gusev K.N., ed. *European Analytics* 2017. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Historia, IE RAN,

²³Schenck M.C. *Remigration im Kontext internationaler Entwicklungszusammenarbeit: Eine empirische Untersuchung der Programmkomponente Rückkehrende Fachkräfte in Indonesien*. CIM Paper Series Nr. 6, Februar 2014. Available at: https://www.engagement-weltweit.de/fileadmin/Redaktion/ENGAGEMENT_WELTWEIT/Publik_15/Rueckkehrer/CIM_Remigration_im_Kontext_internationaler_Entwicklungszusammenarbeit-Rueckkehrende_Fachkraefte-Indonesien_2014.pdf (accessed 10.05.2025).

2017, pp. 71-80. (In Russ.)]

4. Биссон Л.С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2018, № 5(5), сс. 21-26. [Bisson L.S. External Dimension of the EU Migration Policy: Tools and Profits. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, 2018, no. 5(5), pp. 21-26. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran520182126
5. Angenendt S., Biehler N., Bossong R., Kipp D., Koch A. *Die Externalisierung des europäischen Flüchtlingsschutzes: Eine rechtliche, praktische und politische Bewertung aktueller Vorschläge. SWP-Aktuell*, No. 12/2024. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). 9 p. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/284722/1/188251338X.pdf> (accessed 10.05.2025).
6. Zaiotti R., ed. *Externalizing Migration Management Europe, North America and the Spread of 'Remote Control' Practices*. London, Routledge, 2016. 308 p.
7. Faist T., Gehring T., Schultz S.U. Europäische Interventionen – Zur Externalisierung von Migrationskontrolle. Faist T., Gehring T., Schultz S.U., eds. *Mobilität statt Exodus. Migration und Flucht in und aus Afrika*. Wiesbaden, Springer, 2021. 111 p. DOI: 10.1007/978-3-658-33351-5
8. Oliveira Martins B., Strange M. Rethinking EU External Migration Policy: Contestation and Critique. *Global Affairs*, 2019, no. 5(3), pp. 195-202. DOI: 10.1080/23340460.2019.1641128
9. Salvatore F.N. Externalisation of Migration Controls: A Taxonomy of Practices and Their Implications in International and European Law. *Netherlands International Law Review*, 2024, vol. 71, pp. 1-20. DOI: 10.1007/s40802-024-00253-9
10. Guiraudon V. Before the EU Border: Remote Control of the 'Huddled Masses'. Groenendijk K., Guild E., Minderhoud P., eds. *Search of Europe's Borders*. Leiden, Brill, 2003, pp. 41-68.
11. Clayton G. The UK and Extraterritorial Immigration Control: Entry Clearance and Juxtaposed Control. Ryan B., Mitsilegas V., eds. *Extraterritorial Immigration Control*. Leiden, Martinus Nijhoff, 2010, pp. 391-423.
12. Peers S. *EU Justice and Home Affairs Law*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 983 p.
13. Lavenex S. Shifting Up and Out: The Foreign Policy of European Immigration Control. *West European Politics*, 2006, vol. 29, no. 2, pp. 329-350. DOI: 10.1080/01402380500512684
14. Mc Namara F. Member State Responsibility for Migration Control Within Third States – Externalisation Revisited. *European Journal of Migration and Law*, 2013, no. 15, pp. 319-335. DOI: 10.1163/15718166-00002039
15. Angenendt S. *Migration, Mobilität und Entwicklung: EU-Mobilitätspartnerschaften als Instrument der Entwicklungszusammenarbeit. SWP-Studie*, 25/2012. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2012. 33 p. Available at: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/36138/ssoar-2012-angenendt-Migration_Mobilitat_und_Entwicklung_EU-Mobilitatspartnerschaften.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2012-angenendt-Migration_Mobilitat_und_Entwicklung_EU-Mobilitatspartnerschaften.pdf (accessed 10.05.2025).
16. Biehler N., Kipp D., Koch A. *The Potential of Bilateral Migration Agreements: From Symbolic Politics to Practical Implementation*. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP Comment, 47/2024. 7 p. Available at: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/98423> (accessed 10.05.2025).
17. Geiger M., Pécoud, A. Migration, Development and the 'Migration and Development Nexus'. *Popul. Space Place*, 2013, vol. 19, iss. 4, pp. 369-374. DOI: 10.1002/psp.1778
18. Tacon P., Warn E. *Migrant Resource Centres: An Initial Assessment. No. 40*. Geneva, International Organization for Migration (IOM), 2010. 76 p.
19. Dennison J. How Migrant Resource Centres Affect Migration Decisions: Quasi-Experimental Evidence from Afghanistan, Bangladesh, Iraq and Pakistan. *International Migration*, 2023, vol. 61, iss. 4, pp. 104-119. DOI: 10.1111/imig.13082

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ БРИКС – АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ПОИСК КОМПРОМИССА?

© КОРОТКОВА А.В., 2025

КОРОТКОВА Алла Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем..

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (akorotkova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8861-6613

Короткова А.В. Климатическая повестка для БРИКС – альтернатива или поиск компромисса? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2025, № 4, сс. 92-xx. DOI: 10.20542/afij-2025-4-92-102 EDN: OWTISS*

DOI: 10.20542/afij-2025-4-92-102

EDN: OWTISS

УДК: 327+327.7+504

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 24.05.2025.

После доработки 04.08.2025.

Принята к публикации 24.09.2025.

В статье рассматривается комплекс климатических инициатив и документов форума высокого уровня БРИКС. Автор изучает причины активизации интереса к этому направлению в рамках объединения и этапы его формирования и закрепления как отдельного трека в официальной организационной документации. Отмечено, что в силу уставных особенностей намерения БРИКС в области климата стоит характеризовать не как “политику” – рассчитанный по формальным параметрам план действий, но как курс, определяемый наличием общих интересов и озабоченностей. Целью исследования является ответ на вопрос о том, можно ли считать этот курс дополняющим либо альтернативным (противоречащим) официальному международному режиму климатического регулирования под эгидой ООН, определенному рамками Парижского соглашения по климату. Автор работает на базе методов ивент-анализа, анализа документов и специализированной исследовательской литературы. В тексте кратко в хронологическом порядке перечислены и охарактеризованы этапы становления климатического трека в деятельности БРИКС. Сделан вывод, что во многом форсирование этого направления стало реакцией на заданный развитыми западными странами вектор полной декарбонизации и ускорение ее темпов посредством принудительных мер. При том, что именно этот вектор становится определяющим в официальной международной климатической политике. Автор выделяет три условные сферы вопросов, вызывающих наибольшую озабоченность развивающихся государств в борьбе с глобальным потеплением, крайне “чувствительных” для всех членов группы БРИКС: это экономико-технологическая, финансовая и юридическая группы проблем. В каждой из них предусмотрены или уже действуют механизмы, фактические ставящие участников климатического процесса в неравные условия, но что еще важнее – продуцирующие консервацию такого неравенства в будущем, переводя его в хроническую стадию. Объединение БРИКС, оценивая эту ситуацию, стремится избежать попадания национальных экономик своих участников в “ловушку отставания”. В силу сложившихся институциональных практик, а также собственного организационного устройства, группа на данном этапе не вступает в конфликт с международным климатическим курсом, не выдвигает принципиальных альтернатив. Но требует учета страновых особенностей и потребностей, создания равных условий энергетического перехода в существующих реалиях.

Ключевые слова: БРИКС, климат, международный режим климатического регулирования, Парижское соглашение по климату, Организация Объединенных Наций, Казанская декларация, декарбонизация, энергетический переход.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

THE CLIMATE AGENDA FOR BRICS: AN ALTERNATIVE OR A COMPROMISE?

Original article

Received 24.05.2025. Revised 04.08.2025. Accepted 24.09.2025.

Alla V. KOROTKOVA (akorotkova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8861-6613, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article considers a set of climate initiatives and documents of the BRICS high-level forum. The author explores the reasons for the association's active interest in this area, highlights the stages of its formation and consolidation as a separate track in the official documents of the organization. It was noted that due to the specifics of the BRICS charter, its climate action cannot be called a 'policy' – that is, a formal action plan. Instead, it can be considered a course that is determined by common interests and needs. The purpose of the study is to answer the question: does this course complement the official international climate regulation regime under the auspices of the United Nations and the Paris Climate Agreement or does it offer an alternative to (contradiction) it. The author applies the method of event-interaction analysis and dissects documents and specialized research literature. The text briefly lists and characterizes the stages of the climate track formation in the BRICS activities chronologically. It is concluded that the strengthening of this trend was a reaction to the vector of complete decarbonization, which was set by developed Western countries. Moreover, it is a reaction to the acceleration of decarbonization through coercive measures. This vector is becoming the main one in the official international climate policy. The author identifies three conditional areas of issues that are of the greatest concern to developing countries in the context of combating global warming. These issues are very 'sensitive' for all members of the BRICS group. These are economic, technological, financial and legal groups of problems. Each of them includes or provides mechanisms that create unequal conditions for participants in the climate process. Even more importantly, the conservation of such inequality is produced for the future, and this inequality becomes chronic. The BRICS association evaluates this situation and tries to ensure that the national economies of its members do not fall into the 'lag trap'. Currently, the group does not go in conflict with the international climate policy and does not set goals that contradict it. It does not do this because there is no goal to violate traditional institutional practices, also due to the peculiarities of the group's organizational structure. But BRICS requires taking into account the peculiarities of countries and their needs, creating equal conditions for the energy transition in the current reality.

Keywords: BRICS, climate, international climate regulation regime, Paris Climate Agreement, United Nations, Kazan Declaration, decarbonization, energy transition.

About the author:

Alla V. KOROTKOVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector for International Organizations and Global Political Regulation, Department for International Political Problems. .

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Korotkova A.V. The Climate Agenda for BRICS. An Alternative or a Compromise? *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 92-102. DOI: 10.20542/afj-2025-4-92-102 EDN: OWTISS

ВВЕДЕНИЕ

Цели БРИКС изначально были достаточно далеки от климатического трека. Организовывался он как дискуссионный форум, который “уделял основное внимание обсуждению проблем, связанных с глобальным финансовым управлением” [1, р. 1]. Однако по мере расширения состава и сферы деятельности объединения в число его рабочих вопросов оказались включены и проблемы климата. Соответственно обретает актуальность и изучение данного направления.

Активизировать свою роль в международном диалоге по климатической повестке страны БРИКС побудило несколько причин.

На начало 2025 г. на правах полноправных членов в объединении числилось 10 государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Египет, Иран, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия. В нем представлены таким образом три из пяти заселенных человеком континентов Земли, все климатические зоны за исключением Южного полярного круга. Совокупная численность населения названных государств достигает 4 млрд человек (около половины всего населения земного шара)¹. Они аккумулируют 39.3% мировой промышленности, 41% мировых лесных площадей, 34% мировых запасов пресной воды, 36% – нефти, 46% – газа, 39% – угля. На их долю приходится 49% мировых нетто-выбросов парниковых газов (ПГ) без учета землепользования, изменений в землепользовании и лесного хозяйства (ЗИЗЛХ) и 46% с ЗИЗЛХ, а также 58% мировых нетто-поглощений ПГ в секторе ЗИЗЛХ [2]. Им принадлежит лидерство в области производства и потребления всех видов энергии². С учетом расширенного перечня стран-партнеров – это то самое “мировое большинство” (здесь – в численном значении), на плечи которого в случае кардинальной смены планетарного климата лягут издержки этого процесса.

Для каждого государства БРИКС глобальное потепление порождает свой комплекс проблем и проявляется по-разному. При этом страны – члены сообщества должны преодолевать проблемы, вызванные изменением климата, одновременно решая свои задачи в области развития. Это труднодостижимая цель, однако характер и сочетание подобного рода вызовов служат сближению позиций.

Другим серьезным (а во многих аспектах – первостепенным) стимулом активизации климатического направления в БРИКС стал внешний фактор – ужесточение условий международного режима климатического регулирования. Само акцентирование именно этой темы в ряду прочих не менее острых международных проблем давало повод обвинить ее активистов в стремлении решать под видом заботы о планете иные задачи, прежде всего – коммерческой выгоды³. Так или иначе повышенное внимание к климату на международных площадках, включая ООН, Группу семи, Группу двадцати, Всемирный экономический форум и др., свидетельствует о том, что глобальное потепление имеет политическое измерение. Перевод климатической повестки в политическую плоскость (во многом усилиями группы развитых западных стран) закономерно отразился на ее восприятии в том числе и членами БРИКС. В условиях глобального форсирования “борьбы за климат” объединение не могло оставаться в стороне от проблемы – оно вынуждено было к ней обратиться.

¹ Щербакова Е.М. Население стран БРИКС по оценкам 2024 года. *Демоскоп Weekly*, 2024, № 1049-1050. Available at: <https://demoscope.ru/weekly/2024/01049/barom01.php> (accessed 10.04.2025).

² Подробнее статистику по обеспечению и обороту энергоресурсов см.: *BRICS: анализ развития потенциала в области энергетики и климата*. АО “Кэпт”. 2024. Available at: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/03/ru-energy-brics-countries.pdf> (accessed 28.03.2025).

³ Подробнее об истории “климатического вопроса” см., например: [3].

Интерес к климатической повестке БРИКС в исследовательской среде в последнее время усиливается⁴. В России его стимулировал саммит организации 2024 г. в Казани и связанные с ним мероприятия в год председательства РФ. К этим событиям был приурочен выход многих статей, обзорных и аналитических исследований, тематических сборников. Интересными для настоящего исследования следует назвать [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], а также специальный раздел, посвященный теме изменения климата, в сборнике [13].

В силу новизны темы и большого количества новых статистических данных и фактов, которые еще следует предварительно обобщить, автор в настоящей статье не ставит цели рассмотрения климатических мероприятий БРИКС с точки зрения каких-либо теорий. Попытка их теоретического осмысления будет предпринята в последующих запланированных работах. В качестве методов исследования избраны ивент-анализ, анализ официальной документации БРИКС, данных статистики и исследовательской литературы по теме.

В статье будет в общих чертах дана характеристика состояния, в котором пребывает климатический курс БРИКС в настоящее время. Основное внимание автор уделит пунктам расхождений с продвигаемой на уроне ООН “официальной” мировой климатической политикой и причинам этих противоречий. Выявление таких “проблемных узлов” поможет ответить на основной исследовательский вопрос: располагает ли БРИКС потенциалом альтернативы или дополнения международной климатической повестке.

ОТ НАМЕРЕНИЙ К ДЕКЛАРАЦИИ ИНТЕРЕСОВ

В начале – краткий обзор основных заявлений и мероприятий объединения БРИКС, посвященных проблеме климата⁵. Детальное их описание в задачи настоящей работы не входит, поскольку, во-первых, эта тематика “широко рассматривается в научной литературе – как с институциональной, так и со страновых точек зрения” [8, с. 1]. Во-вторых, “климатическая политика” как единый официально принятый пошаговый и обязательный / рекомендованный к исполнению курс в объединении сегодня отсутствует по объективным причинам.

БРИКС – форум высокого уровня, в отличие от международной организации или интеграционного объединения не имеет соответствующих договоров и рабочих органов. Он не располагает механизмами формирования и внедрения коллективных решений, функционирует в режиме контактных и рабочих групп, которые собираются по инициативе сторон. Декларации форума – это фактически заявления о намерениях. Удобство такого формата – внутреннее разнообразие, допущение сосуществования различных, порой противоречащих друг другу позиций, возможность декларировать свои озабоченности и предложения без опасения уставных дисциплинарных последствий. Организационное устройство оказывает влияние и на фактический результат.

Климатический вопрос поднимался на саммитах тогда еще “пятерки” с 2009 г. [14, с. 38]. Интерес к этой теме развивался по нарастающей, но в основном внутри объединения она играла роль сопутствующей проблематике экономического и социального развития. Совместное обсуждение позиций по климату и смежным темам страны БРИКС практиковали и на других международных площадках, но эффект наблюдался более демонстративный (ощущение принадлежности к одному “клубу”)

⁴ Формат статьи не позволяет подробно характеризовать весь массив исследовательской литературы, использованный автором при изучении данной темы. Поэтому здесь перечислены лишь работы, посвященные непосредственно вопросам климатической повестки БРИКС. Автором привлекались также труды по истории и деятельности БРИКС в целом, смежным направлениям (сельскохозяйственному, энергетическому, финансовому и пр. трекам БРИКС), а также эколого-климатической политике как международной, так и отдельных стран – членов объединения.

⁵ Статья готовилась до проведения Бразильского саммита БРИКС 2025 г., поэтому в ней рассмотрены только события и решения предшествующего периода. Документация саммита в Рио-де-Жанейро в целом развила и укрепила наметившиеся тенденции. См.: Декларация Рио-де-Жанейро “Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления”. XVII Саммит БРИКС. 06.06.2025. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqRC.pdf> (accessed 02.08.2025).

при отсутствии предметной программы действий для продвижения ее единым фронтом (см., например: [10; 15]).

В целом в декларациях саммитов до 2020 г. относительно климата присутствовали общие идеи без конкретики: укрепления сотрудничества для эффективной имплементации Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН), разработки и продвижения низкоуглеродных технологий. С 2015 г. ежегодно начали проводиться встречи глав национальных природоохранных ведомств, Рабочая группа по вопросам окружающей среды также была сосредоточена на вопросах обмена наилучшими доступными технологиями⁶. С 2020 г. частота упоминания климатической проблемы в заявлениях БРИКС повышается⁷, при этом участники главным образом демонстрируют приверженность выполнению целей Парижского соглашения по климату 2015 г. Эту тенденцию справедливо увязать с активизацией западного “зеленого” тренда: с 2019 г. тема климата становится фланговой на площадках ООН, Давосского форума, массовый масштаб обретают общественные движения климат-активистов, в Европейском союзе стартует “Новый зеленый курс”, призванный ориентировать национальные политики на борьбу с изменением климата под чувствительным давлением экономических рычагов. В результате в лагере представителей развивающихся экономик зреет беспокойство, что в таком виде “климатическая политика” решает вполне прикладные (экономические и политические) задачи Первого мира.

2 апреля 2024 г. по инициативе председательствовавшей в объединении России впервые собралась Контактная группа БРИКС по вопросам изменения климата и устойчивого развития⁸. РФ представила приоритеты в области климатического сотрудничества, среди которых – вопросы справедливого энергоперехода и адаптации к климатическим изменениям углеродных рынков и углеродного ценообразования.

29–30 августа 2024 г. заработал первый профильный форум “Климатическая повестка БРИКС в современных условиях”. В принятой им “Рамочной основе по климату и устойчивому развитию” были обозначены основные векторы совместной работы: справедливый переход, митигация (смягчение воздействия на климат), адаптация, углеродные рынки, финансы, наука, вовлечение бизнеса. Другим итоговым документом стал “Меморандум о взаимопонимании по Партнерству БРИКС по углеродным рынкам”. Он касался главным образом обмена опытом в этой сфере и перспективам совместных климатических проектов, в том числе с выпуском углеродных единиц⁹.

Показательной стала “Казанская декларация” – итоговый документ XVI саммита БРИКС, принятый 23 октября 2024 г.¹⁰ Из 134 его статей 22 напрямую и косвенно связаны с вопросами экологии, климата, оборота и использования природных ресурсов, включая полезные ископаемые. Документ принципиально не противоречил международным климатическим договоренностям. Напротив, он подтвердил верность положениям РКИК ООН, Киотского протокола и Парижского соглашения. РКИК ООН и ежегодные заседания Конференции сторон (КС) признавались главной легитимной международной площадкой для обсуждения проблем изменения климата (ст. 15, 16).

⁶ См., например: Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года). Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/907> (accessed 15.03.2025); Делийская декларация (принята по итогам IV саммита БРИКС). 29.03.2012. Available at: <https://tunisie.mid.ru/upload/iblock/21c/21cd8f66842cbefb9f35065823ef6e81.pdf> (accessed 15.03.2025). Министры окружающей среды стран БРИКС обсуждают зеленую экономику и изменение климата. 07.05.2015. Available at: <https://sdg.iisd.org/news/brics-environment-ministers-discuss-green-economy-climate-change/> (accessed 15.03.2025).

⁷ Обзор содержания деклараций см.: Перспективы формирования общей климатической политики БРИКС. Аналитический обзор. You Social. Март 2024. <https://inveb-docs.ru/attachments/article/sd-library/05-2024/Klimaticheskaya-politika-BRICS.pdf>

⁸ 1-е Заседание Контактной группы БРИКС по климату. 02.04.2024. Available at: <https://brics-russia2024.ru/events/vstrechi-rabochikh-grupp-mekhanizmov/1-e-zasedanie-kontaktnoy-gruppy-briks-po-klimatu/?ysclid=m8a8aebb8t142962441> (accessed 15.03.2025).

⁹ Страны БРИКС договорились о партнерстве по углеродным рынкам. Министерство экономического развития РФ. 30.08.2024. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/strany_brks_prinyali_memorandum_o_sozdanii_partnerstva_po_uglerodnym_rynkam.html (accessed 15.03.2025).

¹⁰ Казанская декларация “Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности”. Казань, XVI Саммит БРИКС. 23.10.2024. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCFWDg0QRs3xfMUICAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (accessed 28.03.2025).

Никакого “климат-скептицизма” и возражений принятому под эгидой ООН подходу декларация не содержала.

Важной позицией, отраженной в нескольких статьях, стало осуждение односторонних мер, “вводимых под предлогом борьбы с изменением климата и защиты окружающей среды”, служащих на деле протекционистским, политическим и иным целям отдельных государств и межгосударственных объединений (ст. 14, 15, 70, 81, 83 и др.) Декларация акцентировала роль стран БРИКС как крупнейших в мире производителей и потребителей природных ресурсов одновременно, а также важность сочетания природной устойчивости с необходимостью роста энергопотребления в развивающихся секторах экономики.

Ключевым пунктом климатической политики считается энергетический переход. Он подразумевает поиск и внедрение технологий нового типа и достаточной рентабельности, способных заменить предыдущие, разработанные и применяемые преимущественно в XX в., использующие для выработки энергии природное ископаемое топливо – уголь, нефть с ее производными и природный газ. Несмотря на указанный статус участников БРИКС как ведущих в мире экспортеров и потребителей ископаемых ресурсов, в их программном документе 2024 г. четко заявлен курс на энергопереход, признана его необходимость и подчеркнута стремление соответствовать в этом направлении основам политики РКК ООН (ст. 80). Признается также важность инвестиций в мероприятия энергоперехода, и в этом пункте члены объединения снова подтверждают приверженность принципам РКК ООН, согласно которым развитые страны должны выделять доступное финансирование развивающимся на эти цели.

Таким образом, на протяжении своего существования объединение БРИКС от выражения общей “озабоченности климатическими изменениями” и “заинтересованности в реализации целей Парижского соглашения” пришло к осознанию необходимости практических действий, причем в рамках своего сообщества, параллельно и в совокупности с работой по другим своим климатическим международным обязательствам. Вместе с тем все перечисленные мероприятия пока не повлекли оформления каких-либо единых поэтапных планов для продвижения инициатив и проектов, альтернативных довлеющему одностороннему курсу развитых экономик, на международной арене. Организационная структура БРИКС и “пестрый” состав участников, безусловно, определяют темпы и ограничения подобной работы. Но декларативно-практические нестыковки имеют и более глубокие объяснения. Частично они кроются в противоречиях самого международного режима климатического регулирования.

“РАЗВИЛКИ” КЛИМАТИЧЕСКОГО ТРЕКА

С целью понимания природы подобных противоречий следует рассмотреть те “болевые точки”, по которым разные в плане климатических рисков страны БРИКС формулируют свои общие претензии к международным планам борьбы с глобальным потеплением.

Важно, что все государства – члены “десятки”, равно как и те, кто высказывал намерение к ней присоединиться или принимает участие в смежных форматах сотрудничества – члены ООН, то есть им потенциально доступны все климат-инициативы универсальной международной организации. За исключением Ирана, подписавшего, но не ратифицировавшего Парижское соглашение по климату¹¹, все являются сторонами последнего.

¹¹ Парижское соглашение принято на конференции ООН по климату согласно Рамочной конвенции ООН по изменению климата в 2015 г. Международно-правовой юридически обязывающий документ, цель которого – удержание прироста глобальной средней температуры ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и ограничение ее роста 1.5°C. От государств-участников требуется разработка национальной стратегии по переходу на безуглеродную экономику к определенным срокам.

Международное климатическое соглашение вызывало споры в его трактовке. Дискуссии развернулись вокруг ограничительного показателя роста глобальной температуры – 2 или 1.5°C. Незначительная на первый взгляд разница весьма ощутима для национальных экономик по стоимости мероприятий, необходимых для достижения того или другого. Разногласия возникли по поводу сроков достижения отдельными странами углеродной нейтральности: так, в адрес государств, вынесших этот рубеж на вторую половину XXI в. (Россия, Китай – 2060 г., Индия – 2070 г.) были выдвинуты обвинения в саботаже.

Предметом споров данные показатели и сроки стали в связи с неоднозначностью условий перехода и неравным бременем его последствий для развитых и развивающихся стран. Проблему “несправедливости” – неравенства изначальных условий, в которых участники климатической сделки должны достигать поставленных показателей, отмечает большинство экспертов. “При рассмотрении темы глобального изменения климата множество веских причин побуждают сосредоточить внимание на развивающихся странах. Прежде всего существует моральный долг – удовлетворить потребности уязвимых слоев населения, которые менее всех способствовали возникновению этой проблемы, но сталкиваются с самыми серьезными ее последствиями... В борьбе с изменением климата особого внимания требует справедливость”, – подчеркивали авторы специализированного сборника “Ключи климатического действия” [16, р. 2].

В данной цитате акцент сделан на проблемах бедности и неравенства в развивающихся странах, которые в свою очередь во многом обусловлены догоняющим характером экономического развития. Для самих же государств как субъектов международной климатической политики несправедливость ее условий ярче всего проявляется в нескольких группах вопросов, особенно чувствительных для всех членов группы БРИКС. Обобщив данные имеющейся декларативной документации и результаты проведенных исследований по теме, можно выделить три основные такие группы. Ими список спорных моментов, безусловно, не исчерпывается, но автор назвала бы именно их принципиально важными.

Первую группу вопросов можно обозначить как **экономико-технологическую**. В первую очередь стоит выделить именно ее, поскольку большинство стран нынешней “десятки” БРИКС обладают достойным потенциалом индустриального развития. Здесь вопросы экономического роста, который для многих рискует замедлиться при высоких темпах декарбонизации, тесно связаны с собственным технологическим обновлением и продвижением.

Рост производственного сектора неизбежно сопровождается ростом энергопотребления. В современных условиях, при недостаточной развитости и рентабельности альтернативной энергетики, он требует увеличения расхода природных ресурсов, в первую очередь – минеральных. У представителей БРИКС, с одной стороны, имеются широкие возможности внедрения “чистых” методов производства, поскольку строительство многих предприятий в развивающихся странах начинается в настоящее время с нуля. С другой стороны, эти страны пока еще слишком зависимы от отраслей с высокими выбросами парниковых газов, сокращение которых в результате реконструкции или закрытия предприятий потребует существенных капиталовложений.

В то же время пионеры климатического движения из числа развитых стран – так же стороны Парижского соглашения, настаивают на скорейшем переходе к “чистому нулю”. Здесь вполне правомерно говорить именно о международном давлении на противников ускоренной декарбонизации. Так, обновленный в 2023 г. официальный документ Международного энергетического агентства (МЭА) – фактически ориентир, “дорожная карта” климатической политики – датой выхода на нулевые выбросы называет 2050 г. Для достижения этой цели предложен запрет на новые долгосрочные инвестиции в невозобновляемые энергоресурсы (НВЭР) и максимальное применение

возобновляемых источников энергии (ВИЭ) для их замещения¹². Активно поддерживает ускоренный энергопереход лично Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш¹³. К слову, требования общественных экорадикальных организаций также повсеместно включают этот пункт.

Вместе с тем само Парижское соглашение прямо допускает *различные* меры митигации. В БРИКС акцентируют именно эти аспекты: расширение спектра возможных мер воздействия на парниковый эффект, избирательный подход к этим мерам и повышение ресурсной эффективности экономик *вместо* простого (принудительного) *вытеснения* одних технологий другими. Показательна ст. 81. “Казанской декларации”: “Мы вновь заявляем о необходимости учитывать национальные условия, включая климат и природные особенности, структуру национальной экономики и энергопотребления, а также специфические обстоятельства тех развивающихся стран, экономика которых в значительной степени зависит от продажи или потребления ископаемых видов топлива и связанных с ними энергоемких продуктов, для достижения справедливого энергетического перехода... в этой связи мы поддерживаем *принцип технологической нейтральности*, то есть использование всех доступных видов топлива, источников энергии и технологий для сокращения выбросов парниковых газов, которые включают, но не ограничиваются ископаемым топливом с применением технологий сокращения и улавливания выбросов, биотопливом, природным газом и сжиженным нефтяным газом, водородом и его производными, включая аммиак, а также ядерной и возобновляемой энергией и т.д.”¹⁴.

Существует объяснение стремлению ускорить сроки энергетического перехода. Это процесс, который исследователи из Дипломатической академии МИД РФ назвали «продвигаемым Коллективным Западом сценарием “зеленой энергетической революции”» [9, с. 2]. Его реализация, поясняют они, «позволила бы инициаторам устранить сырьевую зависимость от государств – экспортеров НВЭР и одновременно монетизировать на международном рынке разработанные ими же технологии ВИЭ, то есть перестать платить “природную ренту” в “чужой карман”, а начать получать “технологическую ренту” в свой собственный, и приобрести связанные с этим геополитические и геоэкономические преимущества, а, в конечном счете, – рычаги управления новой мировой энергетической системой» [9, с. 7].

Данные оценки не слишком преувеличены. Не случайно китайские исследователи – именно из страны, претендующей в настоящее время на экономическое первенство – обращают внимание на систему международного разделения труда, в которой “государства БРИКС в разное время служили производственными площадками для развитых стран” [10, р. 74]. Китай, наращивая промышленные выбросы, становится объектом климатической критики “чистых” стран, перенесших свои же загрязняющие производства в КНР и одновременно потребляющих ее продукцию. При этом возникают барьеры в виде квот, прямых и вторичных санкций на пути продвижения на мировой рынок китайских “зеленых” технологий и продукции, в развитии которых страна в последние годы добилась существенного прорыва.

Таким образом, возникает опасность, которая и формирует первый обозначенный пул противоречий по вопросам климата: разделения и закрепления глобальных ролей “обладателей технологий” и “природных ресурсов”, при том, что вторая – очевидно, подчиненная.

Вторая группа вопросов, вызывающих недовольство, – **финансовая**, включающая критику инструментов поддержки развивающихся стран на пути реализации

¹² Net Zero Roadmap: A Global Pathway to Keep the 1.5°C Goal in Reach. International Energy Agency. 2023. Available at: <https://www.iea.org/reports/net-zero-roadmap-a-global-pathway-to-keep-the-15-0c-goal-in-reach> (accessed 10.04.2025).

¹³ Гутерриш А. Мир пылает. Нам нужна революция в области возобновляемых источников энергии. Информационный центр ООН в Москве. 30.06.2022. Available at: <https://www.unic.ru/events/press/world-on-fire-sg-article-renewables/?ysclid=m8u8q8m9hp681632039> (accessed 10.04.2025).

¹⁴ Казанская декларация...

климатической политики. Здесь участников БРИКС беспокоит недостаточность выделяемой на эти цели помощи и опасности кредитной кабалы.

В 2009 г. на КС-15 в Копенгагене развитые страны взяли на себя обязательство о выделении до 100 млрд долл. на борьбу с изменением климата в развивающихся государствах к 2020 г. По данным, приводимым в сборнике “Ключи климатического действия”, к назначенному сроку общий объем государственного и частного климатического финансирования составил всего 83 млрд долл., при том, что авторы подсчетов критически оценивали саму планируемую сумму в 100 млрд, называя ее недостаточной. Структура финансирования также критиковалась как несправедливая: “В среднем, в период 2016–2020 гг. лишь около четверти средств было направлено на адаптацию, в то время как 2/3 – на усилия, связанные со снижением выбросов, остальная часть – на межсекторальные цели” [16, pp. 15-16]. Дисбаланс вложений в проекты по сокращению выбросов парниковых газов в ущерб адаптационным мероприятиям отмечают и российские исследователи [11]. Кроме того, даже выделяемые средства в большинстве своем имеют вид займов и обусловлены приобретением определенных видов оборудования западного производства.

Наконец, третий чувствительный пункт – **юридический**, касающийся правовых оснований и последствий агрессивного “зеленого перехода”.

Практика нового типа судебных процессов по отстаиванию “климатических прав”, набирающая обороты в отдельных странах, безусловно, наносит урон бизнесу¹⁵. Однако проблема не только в запрете разработки, издержках и недополученной прибыли в результате отмены каких-то запланированных проектов, потенциально наносящих вред окружающей среде. Речь идет о случаях, когда под видом защиты климата преследуются иные цели, а право не только выступает в качестве инструмента давления, но искажает действующие нормы, создает опасные прецеденты, которые затем внедряются в общую практику. «В западной юридической литературе, – отмечают авторы сборника “Климат: повестка для БРИКС+”, – уже предлагаются идеи использования выводов “Шестого оценочного доклада МГЭИК” (не имеющего формально статуса закона) в качестве коренного изменения обстоятельств по ВКПМД (Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. – **Авт.**) для обоснования прекращения международных инвестиционных соглашений, защищающих инвестиции в отрасль невозобновляемых энергетических ресурсов» [9, с. 25]. Возникает угроза фактического поражения в защите своих прав для акторов, не отвечающих требованиям неких “новых правил”, сомнительных с точки зрения международного законодательства. Гипотетически ситуация рискует распространиться и на политическую сферу. Опасность уравнивания понятий “грязный ресурс” и “грязный режим” ощутима для государств, занимающих лидерские позиции в сферах экспорта и потребления углеродного сырья.

Снимаются ли выделенные противоречия простым редактированием документации, перераспределением квот, новыми обязательствами и тому подобными мерами? Этот вопрос тесно связан с проблемами неравенства, в первую очередь – ситуацией хронического, искусственно воспроизводимого “отставания” стран, которые традиционно рассматривались ведущими экономиками как ресурсная площадка и поле политических экспериментов. Страны, располагающие в настоящее время высоким потенциалом развития, обеспокоены именно консервацией подобного расклада и осуществлением энергоперехода в интересах определенной группы государств, не только “захвативших” технологическое первенство, но исключаящим для других возможность разрабатывать и предлагать международным рынкам собственную продукцию с высокой добавленной стоимостью¹⁶.

¹⁵ Подробнее о юридической стороне энергоперехода см., например: [17].

¹⁶ Подробнее о возможностях научно-технического развития стран БРИКС и потенциале партнерства в данной сфере см., например: [18; 19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение требует ответа на вопрос об альтернативах подобному пути и возможностях БРИКС предложить таковые своим партнерам. При этом следует учитывать реальные границы влияния “десятки” в пределах сложившегося организационного формата – клубных договоренностей, заявлений о намерениях, ограниченных на начальном этапе существования возможностях Нового банка развития и предложенных к осуществлению отдельных проектов. Намерение расширить свое участие в климатическом регулировании БРИКС четко обозначил, но пока, судя по практическим шагам, он адресуется более к внешней среде, руководствуется стремлением обратить внимание на свою позицию и призывает международное сообщество активнее ее учитывать, нежели противопоставляет действующим механизмам реальные антитезы.

Говорить об “альтернативности климатической политики БРИКС” было бы некорректно по причине отсутствия таковой в прямом значении термина. Пока это лишь дополнительный переговорный, рекомендательный формат обсуждения общих озабоченностей, при том, что в осуществлении отдельных совместных проектов, обмене информацией и практиками у него имеются неплохие перспективы.

Относительно основных базовых идей международного климатического режима, формируемого на глобальном уровне ООН, принципиальных возражений у членов БРИКС нет – все признают его жизненно важным, разделяют необходимость энергоперехода, готовы вносить посильный для собственной экономики вклад в общее дело защиты климата. Перечисленные противоречия вытекают не столько из тяжести проблемы самой климатической трансформации, сколько из других глобальных перекосов – в экономическом, технологическом развитии, правовых практиках, социальных и культурных разрывах. Пока что заявления БРИКС по климатической проблеме – это в большей степени отстаивание права не на альтернативу, а на допустимость многообразия подходов и требование учета существующих различий, диктуемых национальными интересами.

Этим объяснима и двойственность климатических инициатив объединения: они заявлены, регулярно подчеркиваются декларативно, но практических механизмов их реализации еще не создано. Существующие платформы осуществляют отдельные проекты, но ни на одном из направлений не достигнуто заметного прорыва. Вместе с тем проделанную работу нельзя характеризовать как неудачную либо недостаточную: у БРИКС с учетом организационного уклада она, возможно, займет более длительное время, но сферу своих интересов по проблеме климата объединение обозначило, палитру своих повесток на перспективу расширило. Накопительный эффект и интерес потенциальных партнеров со временем способны обеспечить переход количества таких проектов в качество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Kumar R., Mehra M.K., Venkat Raman G., Sundriyal M., eds. *Locating BRICS in the Global Order. Perspectives from the Global South*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2023. 358 p. DOI: 10.4324/9781003148074-1
2. Широ́в А.А., Порфи́рьев Б.Н., Колпаков А.Ю. и др. *Экономические эффекты климатических изменений в России*. Москва, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2024. 15 с. [Shirov A.A., Porfir'ev B.N., Kolpakov A.Yu., et al. *Economic Effects of Climate Change in Russia*. Moscow, Institute of Economic Forecasting of the RAS, 2024. 15 p. (In Russ.)] Available at: <https://ecfor.ru/publication/broshyura-ekonomicheskie-effekty-klimaticheskikh-izmenenii-v-rossii/?ysclid=m8skvkcpxc671248265> (accessed 10.04.2025).
3. Ровинская Т.Л. Глобальная климатическая повестка: большая игра. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 9, сс. 15-30. [Rovinskaya T.L. Global Climate Agenda: Big Gamble. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 9, сс. 15-30. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-15-30
4. Huifang Tian. Gathering Momentum for BRICS Cooperation on Climate Change. Toloraya G., ed. *VII BRICS Academic Forum*. Moscow, NCR BRICS, 2015, pp. 267-280. Available at: https://nkibrics.ru/system/asset/publications/data/5708/0dd6/6272/6943/9e02/0000/original/VII_BRICS_Academic_forum.pdf?1460145622 (accessed 10.04.2025).

5. Das P., Chaturvedi V. Accelerating Finance, Capacity Development and Innovation in BRICS for a Net-Zero Future. Preeti Lourdes J., ed. *The Future of BRICS*. New Delhi, Observer Research Foundation, 2021, pp. 134-140.
6. Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2021, т. 21, № 1, сс. 64-78. [Kovalev Yu.Yu., Porshneva O.S. BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, no. 21(1), 64-78. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
7. Макаров И.А., Хлебнова А.Д., Шуранова А.А. На пути к глобальному зеленому лидерству: приоритеты сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата. Москва, НИУ ВШЭ, 2024. 110 с. [Makarov I.A., Khlebnova A.D., Shuranova A.A. *Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Combating Climate Change*. Moscow, Higher School of Economics, 2024. 110 p. (In Russ.)] Available at: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/109/d25ac989-e3c4-4920-b607-a4ec1be45a86/Rus_BRICS_Cooperation_Priorities_on_Addressing_Climate_Change_28.08.24.pdf (accessed 10.04.2025).
8. Сахаров А.Г. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030. *Вестник международных организаций*, 2024, т. 19, № 1, сс. 106-128. [Sakharov A.G. BRICS Countries' Progress in Achieving the Climate and Environmental Goals of Agenda 2030. *International Organisations Research Journal*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 106-128. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-05
9. *Климат: повестка для БРИКС+*. Москва, Дипломатическая академия МИД России, 2024. 484 с. [Climate: Agenda for BRICS+. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2024. 484 p. (In Russ.)] Available at: https://www.dipacademy.ru/documents/8644/doklad_compressed.pdf (accessed 10.04.2025).
10. Qi Shen, Xiaolong Zou. Evolution of Cooperation Among BRICS Countries in Global Climate Governance: From UNFCCC to the Paris Agreement. *Вестник МГИМО Университета*, 2024, № 17(1), сс. 65-85. [Qi Shen, Xiaolong Zou. Evolution of Cooperation among BRICS Countries in Global Climate Governance: From UNFCCC to the Paris Agreement. *Vestnik MGIMO-universiteta*, 2024, no. 17(1), pp. 65-85. (In Eng.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-65-85
11. Близнетская Е. Анализ климатических инициатив России в БРИКС. Российский совет по международным делам. 07.06.2024. [Bliznetskaya E. Analysis of Russia's Climate Initiatives in BRICS. Russian International Affairs Council. 07.06.2024. (In Russ.)] Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/?bx_sender_conversion_id=13088665 (accessed 10.04.2025).
12. Липунов Н.С. Климатическая политика новых участников БРИКС: вызовы и возможности. Российский совет по международным делам. 29.01.2025. 24 с. [Lipunov N.S. New BRICS Member Climate Policy: Challenges and Opportunities. Russian International Affairs Council. 29.01.2025. 24 p. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/klimaticheskaya-politika-novykh-uchastnikov-briks-vyzovy-i-vozmozhnosti/?ysclid=m6t8n3mfy4859276321> (accessed 10.04.2025).
13. Preeti Lourdes J., ed. *The Future of BRICS*. New Delhi, Observer Research Foundation, 2021. 177 p.
14. Козловский Е.А., Комаров М.А., Макрушин Р.Н. *Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР: стратегия недропользования*. Москва, Национальный комитет по исследованию БРИКС, 2013. 430 с. [Kozlovskii E.A., Komarov M.A., Makrushin R.N. *Brazil, Russia, India, China, South Africa: Subsoil Use Strategy*. Moscow, The BRICS National Research Committee, 2013. 430 p. (In Russ.)]
15. Бирюкова О.В., Тихоновский Г.А. "Клубные" договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 1, сс. 13-26. [Biryukova O.V., Tikhonovskiy G.A. 'Club' Arrangements in the WTO and BRICS Members Participating in Them Under Economic Sanctions. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 1, pp.13-26. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afij-2025-1-13-26
16. Bhattacharya A., Kharas H., McArthur J.W., eds. *Keys to Climate Action. How Developing Countries Could Drive Global Success and Local Prosperity*. Washington, The Brookings Institution, 2023. 335 p.
17. Гудков И.В. *Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции*. Москва, МГИМО-Университет, 2024. 393 с. [Gudkov I.V. *Energy Transition and Law: Climate, Trade, Investment*. Moscow, MGIMO University, 2024. 393 p. (In Russ.)]
18. Ярыгина И.З., Герасимов В.И., ред. *БРИКС в мировых финансах и экономике*. Москва, МГИМО МИД России, Национальный комитет по исследованию БРИКС, Университет Мировых Цивилизаций, 2024. 541 с. [Yarygina I.Z., Gerasimov V.I., eds. *BRICS in Global Finance and Economy*. Moscow, MGIMO University, National Committee for BRICS Research, University of World Civilizations, 2024. 541 p. (In Russ.)]
19. Пивовар Е.И., ред. *Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность*. Санкт-Петербург, Алтейя, 2024. 480 с. [Pivovarov E.I., ed. *The BRICS Interstate Association. Pages of History and Modernity*. Saint-Petersburg, Aletheia, 2024. 480 p. (In Russ.)]

